

НЕКРАСОВ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ПОЛИТИКА САМОДЕРЖАВИЯ

К ИСТОРИИ ЖУРНАЛА «ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ»

Статья Б. Папковского и С. Макашина

I. ВВЕДЕНИЕ. — II. ЛИТЕРАТУРНАЯ ПОЛИТИКА П. А. ВАЛУЕВА. — III. ПЕРЕХОД «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК» К НЕКРАСОВУ И РАСКОЛ В ВЫШЕЙ РЕДАКЦИИ «СОВРЕМЕННОГО». — IV. «НЕГЛАСНОЕ РЕДАКТОРСКОЕ». — V. «ОСОБЫЕ СООБРАЖЕНИЯ» А. Е. ТИМАШЕВА. — VI. ТАКТИКА НЕКРАСОВА. — VII. Ф. М. ТОЛСТОЙ. — VIII. В. М. ЛАЗАРЕВСКИЙ. — IX. НЕКРАСОВ И СОВЕТ ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ПО ДЕЛАМ ПЕЧАТИ. — X. БОРЬБА ЗА ГАЗЕТНУЮ ТРИБУНУ. — XI. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

I. ВВЕДЕНИЕ

«Отечественные Записки» Некрасова и Щедрина — выдающееся явление русской культуры. Значительность роли, выполненной журналом в истории русской передовой мысли, в литературном и общественном движении эпохи, общепризнанна и неоспорима. Ленин часто цитирует статьи, печатавшиеся на страницах «Отечественных Записок». Большевицкая «Искра» писала об «Отечественных Записках», как о журнале, сыгравшем прогрессивную роль в революционном движении страны.

На страницах журнала протекало последнее десятилетие поэтической деятельности Некрасова и развернулось сатирическое дарование Щедрина — двух корифеев русской революционно-демократической литературы. «Отечественные Записки» находились в идейной близости с революционной борьбой 70-х годов и стояли в центре всего демократического движения эпохи. Их воздействие на формирование взглядов русских передовых людей нескольких поколений было поистине огромно.

Создание «Отечественных Записок», как ранее «Современника», — одна из великих и неоспоримых общественных заслуг Некрасова. На протяжении более трети века (1846—1884) эти журналы являлись мощными аккумуляторами той передовой мысли в России, которая, по словам Ленина, «под гнетом невиданного, дикого и реакционного царизма жадно искала правильной революционной теории...»¹.

Без глубокого и принципиального осмысления активности Некрасова как инициатора, организатора и руководителя своего второго радикально-демократического журнала в условиях политического гнета самодержавия и реакции, многое в жизни и творчестве поэта, а также и в истории освободительной борьбы эпохи, должно остаться непонятным. И действительно, многое, и иногда самое важное в деятельности Некрасова — руководителя «Отечественных Записок» остается для нас до сих пор неясным.

Как, в каких конкретных политических условиях, какими методами и средствами, ценой каких неизбежных жертв удалось Некрасову в 1868 г. сначала воссоздать для русской демократической мысли журнальную трибуну, только что разгромленную самодержавием (запрещение «Современника» в 1866 г.), а затем оборонять эту трибуну от постоянного натиска правительства, — эти вопросы не получили до сих пор доста-

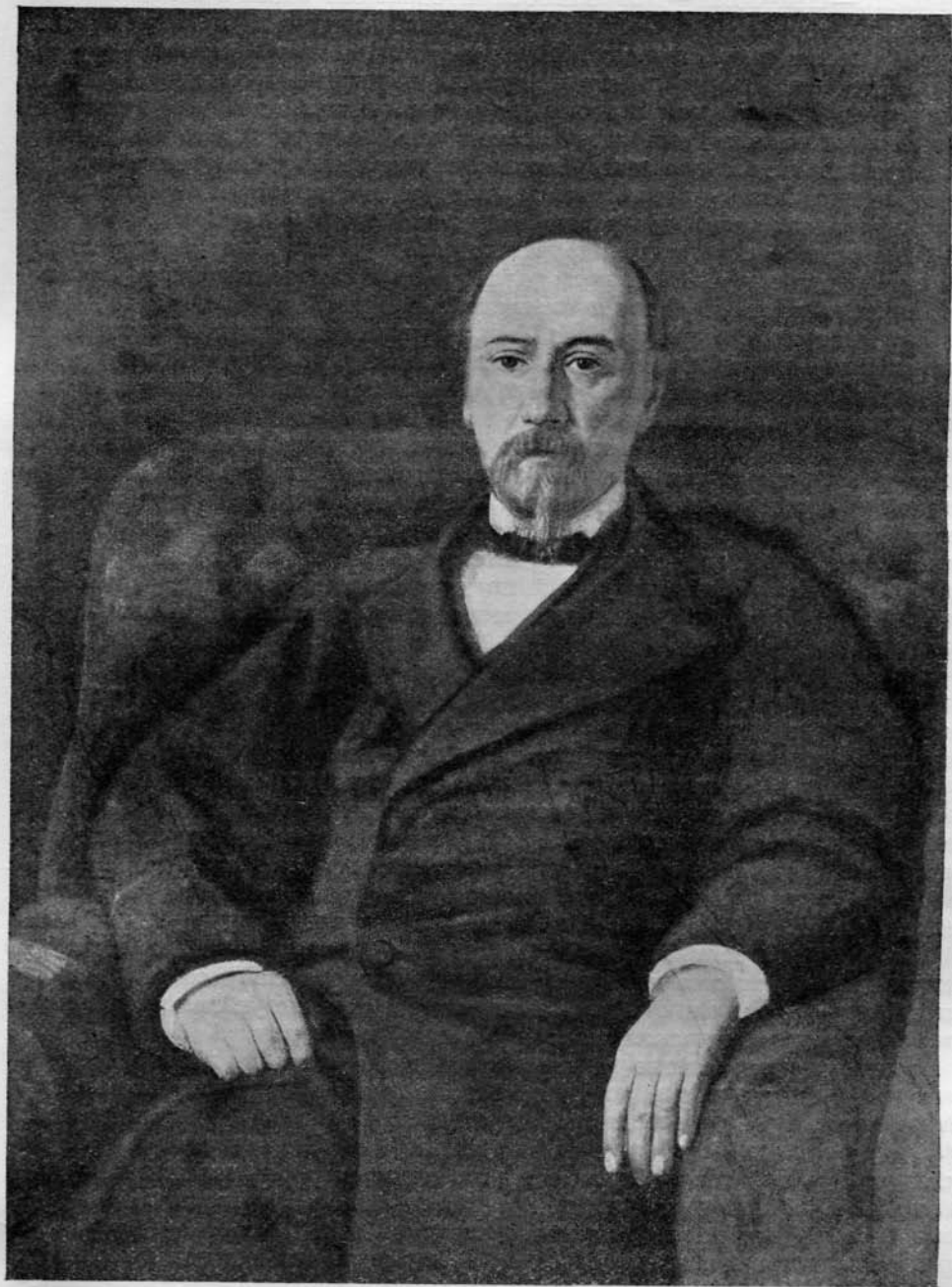
точно полного исторического освещения. Да и многие важные фактические детали нам неизвестны.

Наша работа, как по своему содержанию, так и по форме, далека от полного охвата темы. Ее задача: выяснить, на основании преимущественно архивных источников, некоторые вопросы деятельности Некрасова — организатора и редактора «Отечественных Записок» и ввести в исследование ряд новых фактов и документов. Собранные материалы и их истолкование могут, нам думается, способствовать как расширению наших знаний о работе Некрасова в «Отечественных Записках», так и пониманию общей картины положения демократической печати в условиях литературной политики и тактики самодержавия на рубеже 60-х—70-х годов.

II. ЛИТЕРАТУРНАЯ ПОЛИТИКА П. А. ВАЛУЕВА

Мысль о создании нового журнала вместо закрытого правительством летом 1866 г. «Современника» естественно должна была возникнуть у Некрасова сразу же после пережитой катастрофы. Мысль страстная, напряженная, немедленно потребовавшая себе, как всегда у Некрасова, превращения в деловые планы и практические предположения. При этом, конечно, Некрасов мечтал о возобновлении именно «Современника», т. е. о воссоздании боевого демократического журнала, который бы вновь мог стать идейным центром и штабом революционно-освободительного движения в стране. Ни о чем другом и не мог думать Некрасов — соратник и друг Белинского, Чернышевского и Добролюбова, уже отдавший два десятилетия своей жизни и творчества на упорную, непримиримую литературно-журнальную борьбу с самодержавно-крепостническим строем в России. Поэтому так странно звучат в известных воспоминаниях Г. З. Елисеева слова о том, что Некрасов под влиянием пережитой катастрофы задумал порвать с традициями «Современника» и дать своему будущему журналу «новую окраску». По Елисееву, выходит буквально так, что если этого все же не случилось, то только потому, что это он, Елисеев, «отсоветовал Некрасову давать другую окраску журналу» и что это он убедил Некрасова в новом журнале «развернуть то же самое знамя <«Современника»> и нести его так же твердо и неуклонно, как и прежде»².

Елисеев писал свои воспоминания в 1885—1891 гг., когда старость и болезни сильно ослабили его память и литературную трудоспособность. Его мемуарный труд не был завершен. Сохранившаяся рукопись «Воспоминаний» — хаотична и фрагментарна. Это — собрание отрывков публицистического, исследовательского и мемуарного характера, часто без начала и без конца изобилующих повторениями, текстуальными совпадениями и множеством вариантов. Научно-критического издания «Воспоминаний» Елисеева не существует, а то, которое имеется (сб. «Шестидесятые годы», Academia, 1933), далеко от полноты и точности текста. Сверх того, оно не везде убедительно по своей композиции. Все это заставляет с осторожностью относиться к мемуарным свидетельствам Елисеева и тем традиционным точкам зрения, которые на этих свидетельствах базируются. В его мемуарах найдется немало мест, где объективность изложения событий и оценка фактов эпохи могут быть заподозрены, в том числе и в части формулирования собственных былых взглядов. В этом смысле показательно, например, определение «знамени» «Современника», которое будто бы содержалось в том самом письме Елисеева, в котором он убеждал Некрасова быть верным этому знамени. «Смысл моего письма, — вспоминает Елисеев, — был такой: «Современник»... заявил себя горячим борцом за новую идею и постоянно твердо и неуклонно, шаг за шагом, шел за новыми

НЕКРАСОВ

Портрет маслом Н. Н. Ге, 1868 г.
Русский музей, Ленинград

реформами... Отступить от этого пути, хотя бы на одну пядь, было бы нерезонно и невыгодно»³. Революционное знамя журнала Чернышевского—Некрасова—Добролюбова превращено здесь в штандарт русского либерализма. Следует усомниться, конечно, в наличии именно такой оценки направления «Современника» в недошедшем до нас письме 1867 г. Скорее можно предполагать, что ее внес туда Елисеев-мемуарист. Но, с другой стороны, не подлежит сомнению, что не Елисеев был тем человеком в тогдашней России, который мог задумать и, в меру изменившихся исторических условий, осуществить воссоздание боевого демократического журнала, продолжателя традиций «Современника». Таким человеком мог быть и был Некрасов.

Практическое осуществление замысла Некрасова было одновременно и очень трудным и очень смелым делом. Ленин, в одной из своих характеристик 60-х годов, в связи с «запиской» Витте «Самодержавие и народность», говорит о тех казенных, чиновнических взглядах на общественные явления той эпохи, которые сказываются «в игнорировании революционного движения, в затушевывании тех драконовских мер репрессии, которыми правительство защищалось от натиска революционной «партии»⁴. В свете этого ленинского указания на напряженность и остроту политической борьбы в стране становится особенно очевидной трудность задачи Некрасова. Ему нужно было под «недремлющим оком» III Отделения и бдительной цензуры, в условиях победы самодержавия над «революционным натиском» начала 60-х годов, восстановить только что разгромленный одной из «драконовских мер» правительства идейный штаб революционной «партии», каким являлся закрытый «Современник».

Некрасов должен был использовать для воссоздания журнала все ресурсы и способы, весь накопленный им опыт организатора и руководителя легальной революционно-демократической печати в стране политического бесправия и полицейского произвола. Некрасов понимал, что, выступая с прямыми действиями против такого противника, как самодержавие, в лице его официальных контролирующих органов в области печати, он дела не сделает. Литературной политике и тактике властей он должен был противопоставить и противопоставил свою тактику самообороны и борьбы. Некрасов знал при этом, что необходимо будет пойти на некоторые жертвы, и он, как всегда, не испугался этих жертв.

В какой же исторической обстановке и в условиях какой политики и тактики правительства в области печати пришлось Некрасову организовывать «Отечественные Записки» и вновь собирать вокруг них оппозиционные силы демократической литературы и публицистики?

Характеризуя в статье «Гонители земства и аннибалы либерализма» тактику самодержавия в условиях революционной ситуации 60-х годов, Ленин писал: «При таких условиях самодержавное правительство... не могло поступать иначе как беспощадно истребляя отдельных лиц, сознательных и непреклонных врагов тирании и эксплуатации (т. е. «коноводов» «революционной партии»), запугивать и подкупать небольшими уступками массу недовольных. Каторга — тому, кто предпочитал молчать, чем извергать тупоумные или лицемерные хвалы «великому освобождению»; реформы (безвредные для самодержавия и для эксплуататорских классов реформы) — тем, кто захлебывался либерализмом правительства и восторгался эрой прогресса». Ленин добавляет при этом: «Мы не хотим сказать, что эта рассчитанная полицейско-реакционная тактика была отчетливо сознаваема и систематически преследуема всеми или хотя бы даже несколькими членами правящей клики. Отдельные члены ее могли, конечно, по своей ограниченности не задумываться над этой тактикой

в ее целом и наивно восторгаться «либерализмом», не замечая его полицейского футляра. Но в общем и целом несомненно, что коллективный опыт и коллективный разум правящих заставлял их неуклонно преследовать эту тактику»⁵.

Охранительно-провокаторская тактика «либеральных» уступок и подачек в незримом «полицейском футляре» имела своей задачей изолировать широкие массы недовольных в стране от ее активно-революционных элементов. Видоизменяясь, в зависимости от развития революционного движения в стране и обусловленных этим развитием колебаний правительственного курса, то в сторону реакции и полицейских репрессий, то в сторону социально-экономической и политической демагогии, тактика «полицейского футляра» неизменно присутствует во всех основных мероприятиях правительства периода 60-х — 80-х годов. Она лежит, в частности, в основе всех его «либеральных начинаний» этого периода, достигающая особого размаха в так называемой «диктатуре сердца» Лорис-Меликова и в пресловутой «народной политике» или «политике содействия» гр. Н. П. Игнатьева.

В 1867—1868 гг., когда Некрасов создавал «Отечественные Записки», ему пришлось непосредственно столкнуться с одним из проявлений тактики «полицейского футляра» — с литературной политикой тогдашнего министра внутренних дел, графа П. А. Валуева. Характерному выразителю правительственного курса на том критическом для самодержавия этапе, когда оно вынуждено было отражать натиск мощной революционной волны начала 60-х годов, Валуев приходилось лавировать между либералами и крепостниками, осуществлять «либеральную» политику ради сохранения незыблемости основ абсолютизма. С одной стороны, Валуев проводит земскую реформу 1864 г., бывшую, по определению Ленина, «одной из тех уступок, которые отбила у самодержавного правительства волна общественного возбуждения и революционного натиска»⁶. Но с первых же шагов созданных им земских учреждений Валуев начинает бороться с ними, усиливая административный надзор за их деятельностью. Под руководством Валуева вырабатывается в 1863 г. так называемый «проект первой русской конституции», предполагавший ежегодный созыв законосовещательного «съезда государственных гласных» из представителей губернских земских собраний и крупных городов, с обеспеченным дворянским большинством. Но неприкосновенность самодержавия в проекте, по словам самого Валуева, сохранена настолько, что на этот счет «не представилось даже надобности в какой-либо оговорке или пояснении или подтверждении». Валуев проводит, наконец, в 1865 г. «либеральный» закон о бесцензурной печати и вместе с тем усиливает ее преследование полицейско-административными мерами.

Проводившаяся Валуевым «либеральная политика» в оболочке «полицейского футляра» может быть продемонстрирована его замечанием, сделанным на журнале заседаний Совета Главного управления по делам печати от 25 февраля 1868 г.

В протокольной записи журнала речь шла о «тенденциозных статьях», помещенных в радикальном журнале «Дело» и в газете «Петербургский Листок». «Тенденциозность» заключалась в том, что в статьях говорилось о бедственном положении народа. Для журнала «Дело» такие статьи были признаны характеризующими «вредное направление» издания. Но появление подобных статей в газете «Петербургский Листок» член Совета Главного управления по делам печати Ф. Толстой счел случайным явлением. Мнение, высказанное Ф. Толстым, и его аргументация вызвали пространное замечание Валуева.

«Я считаю, — писал министр, — положительно ошибочным, в политическом отношении, и положительно неудобным, в административном,

постоянно повторяющееся в докладах Совета явление психической адвокатуры в пользу тенденциозных статей. Кто знает цель писателей? Кто может поведать гг. членам Совета тайну мысли и дела сочинителей статей в «Петербургском Листке»? Нахожу эту статью, о которой здесь речь, положительно тенденциозною, она из рода той, которая систематически рисует в темном виде страдание русского народа, она совершенно подстать тем стихам, о «страдании шире степей», которые самим Советом признаны противощензурными...⁷

Прочитав вышенаписанное, я нахожу, что по вопросу, затронутому в начале моей заметки, моя мысль еще не вполне высказана. Особенно прошу Ф. М. Толстого не принимать моих соображений за направленную против него критику. Я весьма ценю и уважаю его взгляды и его постоянное, деятельное участие в делах Совета. Мне только случайно пришлось высказаться по поводу его отзыва, но такие же отзывы весьма нередко случались в Совете и не с его стороны. Еще в начале 1866 г. я заметил, прописывая мое мнение на журнале Совета, что он стоит не между печатью и правительством, а на стороне правительства, и что он — звено правительства. Все Управление по делам печати — от отдельных цензоров до М<инистра> В<нутренних> Д<ел> — не составляет судебного учреждения. Мы не призваны входить в разбирательство побуждений и намерений писателей, кроме случаев очевидных. Мы имеем дело с читателями и должны принимать в расчет действия статей гораздо больше, чем мотивы их зарождения и составления. Все члены Управления весьма не точно определяли бы свою задачу, если бы они считали себя заступниками благонамеренной печати перед высшей властью, будто бы склонной ее осуждать без оснований и стеснять без надобности. Думаю, что никакой М<инистр> В<нутренних> Д<ел> не уступит другим чести быть прямым заступником законной свободы мысли и слова. Но законной свободой он может признавать только ту, которая не играет законом, не обходит его, не старается уснащать при этом кривотолками, не возбуждает к нему подозрения и не враждует против того правительства, которое ее даровало и ее охраняло. Когда произведение печати преднамеренно или без намерений должно быть признано вредным по своему направлению, по своему влиянию и по происходящим из него впечатлениям, — мы не властны быть снисходительными»⁸.

Валуев не собирался уступать никому «чести быть прямым заступником законной свободы мысли и слова». Таков был «либеральный» фасад его литературной политики. Разъяснения, что следует понимать под «законной свободой», — таков был «полицейский футляр» этой политики. О некоторых приемах тактики, при помощи которых эта политика осуществлялась, дают представление записи из неопубликованной еще части дневника Валуева и другие неизданные бумаги его архива.

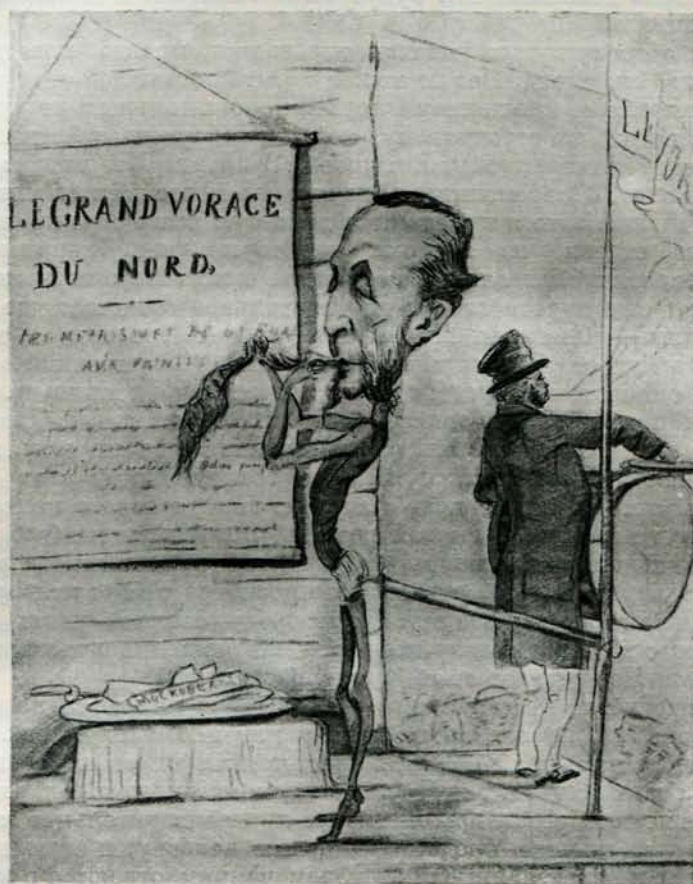
Размышляя о причинах роста оппозиционных настроений в литературе и журналистике и бессилии правительства эффективно противодействовать этим настроениям, Валуев приходит к выводу, что «нельзя кроить печать как виц-мундир», что «насилие, приказание и т. п. не производят хорошей прессы и не помогают прекратить дурной». Для надлежащего идейно-политического руководства печатью «нужно непрерывное влияние, — писал он позже, — и, так сказать, присутствие в надпечатной области»⁹.

Высказанная здесь мысль о недостаточности одних карательных цензурно-полицейских мер в области контроля за печатью и о необходимости создания одновременно методов внецензурного идейно-организационного воздействия на нее и является той отправной точкой, исходя из которой Валуев пытается разрабатывать в применении к печати

и литературе практические формы тактики либеральных уступок в «полицейском футляре».

«Открытие», сделанное Валуевым, в действительности было не ново и не оригинально.

В первые годы министерства Валуева (1861—1868), когда цензура еще формально была подчинена министру народного просвещения, с тем же рецептом борьбы с «нежелательной печатью» выступил председатель Петер-

КАРИКАТУРА НА П. А. ВАЛУЕВА И ЕГО ЛИТЕРАТУРНУЮ ПОЛИТИКУ

Рисунок неизвестного художника, 1860-е гг.

Исторический музей, Москва

бургского цензурного комитета В. А. Цез. Проект изложен в «Записке», получившей личное одобрение Александра II. В бумагах Валуева эта записка сохранилась и, видимо, привлекла его пристальное внимание.

В. А. Цез ставил перед собою задачу «примирить» оппозиционную журналистику с правительством. Он предлагал для достижения этой цели не столько карать и репрессировать, сколько «направлять нашу литературу», т. е., говоря словами Валуева, действовать «в надпечатной области». Обо всем этом рассказано в книжке В. Е. Рудакова «Последние дни цензуры в Министерстве народного просвещения» (СПб., 1911). Однако Рудаков приводит только ту часть «Записки», в которой автор сообщает о поло-

жительных результатах, якобы достигнутых при помощи нового метода. Цеэ рассказывает, как, «действуя с литераторами откровенно», он старался заслужить их доверие, доказывая им бессмысленность оппозиции «при таком правительстве, которое идет очень прогрессивно». Он повествует далее, что большинство литераторов будто бы «с готовностью объявили согласие заслужить сделанное им доверие, но что они не вдруг (ибо слишком быстрый переход лишил бы их доверия публики), а постепенно оставят прежний образ действий, и... будут высказываться в пользу правительства и порядка».

Реляция о достигнутых успехах омрачается, правда, поведением «Современника» Некрасова. Цеэ не может скрыть постигшей его тут неудачи, хотя и смягчает ее обещанием скорых положительных результатов от примененного им к строптивому изданию «другого действенного средства». В неопубликованной части своей «Записки» Цеэ пишет:

«К сожалению, «Современник»... до сих пор менее всех изменил прежнее свое направление, зато я против него действую всего строже, чаще запрещаю целые статьи, из которых некоторые (как, например, статья Серно-Соловьевича) были представлены на высочайшее воззрение; вскоре я употребил еще другое весьма действительное средство: две из наших лучших газет — «Северная Пчела» и «Русский Инвалид» — в дельных, умных и резких статьях опровергают учение «Современника» и, можно надеяться, окончательно подточат его значение и влияние»¹⁰.

Наивным надеждам Цеэ не суждено было оправдаться. Они лишь обнаружили, перед более чем он проницательным начальством, как отстал от понимания усложнившихся явлений современности этот чиновник, занимавший ответственный пост в системе политического контроля самодержавия над печатью. В скором времени Цеэ вынужден был уйти в отставку. Но важно подчеркнуть, что при нем широко вошла в практику система предварительного, негласного просмотра статей цензорами помимо официального цензурования. В неопубликованной части «Записки» введение этого метода предварительного контроля и воздействия «домашней цензуры» Цеэ считает своей большой заслугой.

«Почти ежедневно, — пишет он, — редакторы являются ко мне за советами: могут ли они писать по такому или иному предмету. Высказывая им откровенное мое мнение, я предохраняю их от напрасного труда и расхода, а само общество от бесполезного и вредного сочинения. Бывают даже примеры, что редакторы приносят на предварительное мое рассмотрение статьи, прежде представления их цензору, и статьи эти, уже исправленные и переделанные по моим замечаниям, отдаются в руки законного судьи»¹¹.

Министр народного просвещения Головин переслал Валуеву «Записку» Цеэ со следующей припиской: «Записка эта представлялась государю, и его величество написал на ней: «Весьма дельно, дай бог действительного успеха»¹².

С оценкой «высочайшей» резолюции Валуев не мог не считаться, и он действительно поощрял метод негласного предварительного цензурования и неофициальных консультаций чиновников цензурного ведомства с редакторами периодических изданий даже и после принятия закона о бесцензурной печати 1865 г.

Ниже мы увидим, какие мало приятные сюрпризы для властей таил в себе этот метод «частных соглашений печати с цензурной властью» (В. М. Лазаревский). С замечательным искусством обращенный Некрасовым в свою пользу, он превратился в его руках в действенное оружие борьбы с цензурой, с ее карами и дезорганизаторскими попытками в отношении демократической печати. Но промах был замечен не скоро. А в данный момент власти, во главе с самим царем, были довольны, полагая, что

наконец-то найден «дельный» способ обуздания «вредной» печати и управления ею.

Стремление овладеть периодическою печатью и использовать ее как одно из средств воздействия на общественное мнение страны и даже на само правительство диктовалось Валуеву его пониманием неустойчивости, шаткости положения самодержавия. Валуев опасался, что без принятия каких-то специальных мер русский абсолютизм не сможет выдержать нового кризиса, подобно пережитому в начале 60-х годов, и вместе с тем признавал неизбежность кризисов в ближайшем будущем.

Характерны в этом отношении неопубликованные записи в его дневнике 1866 г.:

«Если ближе всмотреться и сообразить, как шатко и гнило все, что меня окружает, как может со дня на день назреть кризис...». «Есть что-то как бы надломленное в нынешнем строе России, во всем, что ежедневно у меня перед глазами...». «Я вижу болезненные признаки и чую предстоящие кризисы. То, что есть, далее быть не может. Но как изменится и чем заменится?»¹³.

Больше всего тревожит Валуева все увеличивающаяся изоляция правительства от «общества». Она усматривается им в оппозиционности всей неофициальной периодической печати различных политических направлений. Об этом говорит запись в дневнике от 17 апреля 1865 г.:

«Русский Инвалид» продолжает идти своей дорогой, наперекор взглядам ³/₄ правительства. Между тем «Московские Ведомости» становятся отчасти на ультрадворянскую точку зрения. «Голос» попрежнему проводит нигилистические тенденции. На стороне правительства — никого»¹⁴.

У Валуева возникает сначала мысль «об основании новой еженедельной газеты под прямым влиянием Министерства В<нутренних> Д<ел>... для большего влияния на публику»¹⁵.

Быть может, даже (для такого предположения существуют некоторые данные), Валуев пробовал практически осуществить свои замыслы. Возможно, что для этой цели им была использована еженедельная газета «Неделя» (с марта 1866 г. по начало 1867 г.). Но как бы то ни было, замысел в целом не получил сколько-нибудь законченного развития и воплощения. Он не сулил ничего большего, чем создание еще одного казенно-правительственного органа, бессильного как раз в силу своей официозности оказывать влияние на общество. Тогда Валуев пытается создать неофициальную правительственную прессу по немецкому образцу, т. е. учредить нечто вроде Reptilien-Fond'a, существовавшего в Германии, или, иначе говоря, намеревается попросту подкупать газеты и журналистов с целью привлечения их на сторону правительства¹⁶. Но и здесь ждали Валуева неудачи. Подкупленный русским правительством Шедо-Ферротти был очень скоро разоблачен, а предпринятая Валуевым, через Ф. М. Толстого, попытка склонить к изданию тайного рептильного органа Е. И. Маркова не привела ни к каким результатам. Об этом говорит запись в дневнике от 23 июля 1865 г.:

«Трудно у нас вести всякое дело, — записывает Валуев, — а дело прессы — в особенности. Нет ни навыка, ни такта, ни надлежащего образования в наших литераторах-публицистах. Между тем спесь и упрямство большие во многих. Поездка Ф. М. Толстого в Тулу не привела к сделке с г. Марковым. Он решительно отказался, что благородно с его стороны, но еще раз доказывает затруднительность приобретения деятелей для стороны правительственной»¹⁷.

В «Докладной записке о внутреннем положении России» (26 апреля 1866 г.) Валуев вновь возвращается к вопросу о методах ограничения и нейтрализации вредных для самодержавной власти выступлений в печати.

Важно отметить при этом, что Валуев, умевший порой трезво-реалистически воспринимать и оценивать современные ему социально-политические явления, исходит из предпосылки невозможности произвести в литературе желательный для властей «переворот», из сознания неизбежности существования в стране враждебных самодержавию общественных настроений, а в литературе — выражающих эти настроения оппозиционно-демократических изданий. Тем большее значение приобретает для Валуева, как министра, вопрос о создании методов и средств ограничения неизбежного зла.

«...В литературе давно преобладает стремление к материализму и социальной нивелировке, — пишет Валуев. — В периодической прессе, которая составляет в наше время господствующие виды литературной деятельности, встречаются, за исключением официальных журналов, весьма немногие изъятия из общего правила... Недостаток способных писателей затрудняет организацию правительственной прессы <...>. В отношении к нашей литературе вообще и к периодической прессе — в особенности, нельзя ни ожидать, ни произвести внезапного переворота. Нельзя вызвать, равным образом, значительное число новых деятелей и нельзя устранить прежних. Но можно их сдерживать в известных пределах, и даже пределах довольно тесных, посредством точного применения законоположений 6 апреля 1865 г., если со стороны судебной власти будет оказано надлежащее содействие»¹⁸.

Однако усиление судебных репрессий против печати не являлось в глазах самого Валуева тем главным рычагом воздействия на нее, который был ему нужен и которого он искал. Скорее это была неизбежная для официальной «Записки» дань настроениям «сфер» после выстрела Каракозова, когда от министров требовались доказательства их готовности проявить «спасительную» твердость и строгость.

Из двух, по определению Ленина, основных методов реакционно-полицейской тактики самодержавия — «тактики запугивания и развращения»¹⁹, Валуев, не избегая первой, больше все же склонялся ко второй.

В одной из «записок» Валуева, написанной уже после его отставки с поста министра внутренних дел, мы вновь обнаруживаем следы упорной работы его мысли по созданию механизма внецензурного воздействия на печать, который бы позволил правительству направлять и контролировать ее в рамках надежного «полицейского футляра».

«Благоволите с своей стороны, — пишет Валуев неизвестному, но, несомненно, близкому к правительственным сферам корреспонденту, — подумать о том «клапане», о котором я говорил вчера. Рука М<инистра> В<нутренних> Д<ел> не может быть вполне отодвинута от печати. Разрешение изданий и утверждение редакторов суть однократные и большей частью формальные действия. Нужно непрерывное влияние и, так сказать, присутствие в надпечатной области»²⁰.

Что означают слова о «клапане» — не вполне ясно. Но основные контуры литературной политики и тактики Валуева достаточно определяются приведенными материалами. Платформой этой охранительной политики являлись признание недостаточности борьбы с враждебной правительству печатью силами одних карательных средств и поиски новых форм противодействия, сочетавших административные преследования (тактика «запугивания») с попытками скрытого идейного руководства и управления (тактика «развращения»).

Валуев стремился ввести оппозиционно-демократическую литературу и журналистику в определенные каналы внецензурного наблюдения и воздействия, для чего поощрял систему предварительного негласного цензурования статей и неофициальных сношений ответственных чинов-

КАРИКАТУРА НА ЛИБЕРАЛЬНЫХ МИНИСТРОВ АЛЕКСАНДРА II

Изображены: Н. А. Милютин, Д. А. Милютин, М. Х. Рейтерн, А. В. Головин

Надпись (по-французски): «Вот так-то эти господа желают пустить самодержавие в открытое море демократии»

Рисунок неизвестного художника, 1860-е гг.

Исторический музей, Москва

ников цензурного ведомства с редакторами, издателями и даже постоянными авторами в изданиях периодической печати.

В условиях литературной политики Валуева и происходила вся работа Некрасова по организации нового журнала, завершившаяся переходом в его руки «Отечественных Записок».

III. ПЕРЕХОД «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК» К НЕКРАСОВУ И РАСКОЛ В БЫВШЕЙ РЕДАКЦИИ «СОВРЕМЕННОГО»

Закрытие в 1866 г. «Современника» и «Русского Слова» оставило без литературной работы группу демократических писателей, связанных с этими радикальными органами. Часть их вынуждена была искать себе заработка в других изданиях. Это обстоятельство, как увидим ниже, явилось предметом специального внимания и, вместе с тем, беспокойства органов политического и цензурного контроля. Наблюдать за «неблагонамеренной» литературой и ее деятелями в их разрозненном состоянии было труднее. И хотя полицейское наблюдение было усилено, оно мало что давало властям.

Сохранился «Список литераторов и каррикатуристов, находящихся в живых», составленный в канцелярии петербургского обер-полицеймейстера в 1866 г. Почти всех сотрудников «Современника» и «Русского Слова» полиция по шаблону именует здесь «социалистами», «крайними

красными», «красными», «крайними нигилистами» или просто «нигилистами»²¹.

Неудовлетворенный этим реестром полицейских этикеток, петербургский обер-полицмейстер Ф. Ф. Трепов отдал распоряжение: «Завести новое дело о С.-Петербургских литераторах и журналистах»²². Секретным агентам полицейского розыска были даны соответствующие инструкции. Власти опасались возможного возрождения «крамольного» «Современника», под своим ли именем или под маркой какого-либо другого издания. Агентам вменялось в обязанность узнавать и сигнализировать о возникновении таких намерений. И они сигнализировали.

Один из агентов доносил, например, обер-полицмейстеру, что «эта покойная редакция <«Современника»> не имеет теперь своих органов, а потому старается подчинить своим формам какое-нибудь из молодых периодических изданий. Так, были сильные попытки взять в руки направление «Гласного суда». Агент сообщал при этом, что в редакции этого издания партия «Современника» имеет своих людей: некоего Сиялковского — «крайнего социалиста» и Троицкого — «демократа скорее из зависти, чем по убеждениям». Однако, как выясняется из донесения, и полиция имела в той же редакции свою агентуру. Она не только следила за писателями, близкими к Некрасову, но и принимала меры, чтобы газета не подпала под влияние «партии красных». Об этом свидетельствует другое агентурное донесение, ставящее полицмейстера в известность, что Сиялковскому отказано в работе и что секретарь редакции Троицкий, «лакей партии красных, Елисеева и К^о», заменен в редакции Колосовым». «При том доверии, — говорится в донесении, — которым пользуется в редакции Колосов, все старания их <партии красных> тщетны». Из видных сотрудников «Современника» остался только Н. А. Демерт, который, по словам агента, страстно «ненавидит дворянство»²³.

За намерениями и действиями Некрасова и всей группы «Современника» бдительно следила не только петербургская полиция, но и центральный орган политического розыска, III Отделение. Некрасов был окружен глазами и ушами его секретных сотрудников. Об этом свидетельствует ряд документов, обнаруженных нами в архивных фондах этого учреждения, и среди них такое агентурное донесение²⁴:

С е к р е т н о

Совершенно частным образом узнано, что запрещенный журнал «Современник» возобновляется. Право издания сего журнала, как оказывается, принадлежит покойному г. П л е т н е в у, бывшему ректору здешнего университета и имевшему счастье читать лекции ныне царствующему государю императору. Н е к р а с о в же был не более как арендатор, плативший за означенное право известную сумму и принявший на себя роль ответственного редактора. Прекращение журнала нанесло существенный ущерб не только арендатору, но и наследникам того, кому навсегда принадлежит право издания. Поэтому в д о в а г. П л е т н е в а лично утруждала государя императора всеподданнейшею просьбою о возобновлении журнала и, к а к г о в о р я т, получила всемиловейшее на то разрешение.

Вероятно, что все это справедливо, ибо известно, что г-жа Плетнева возобновила сношение с прежними сотрудниками «Современника», между которыми известный С л е п ц о в опять принимается за описание народного быта и с этой целью намерен поехать в провинцию.

Говорят, что и другие сотрудники «Современника» вострепнулись и теперь сильно работают для возобновления издания.

10 ноября 1866 г.

*<На первой странице, на полях, карандашом, рукой Гл. нач. III Отделения и шефа жандармов Шувалова:> Est ce vrai? <и ниже другим почерком:> Pas que je sache.— 11. XI **

В какой мере достоверны эти любопытные сведения, добытые агентом III Отделения? Материалов и фактов для подтверждения их в полном объеме у нас не имеется. Однако в архиве канцелярии Главного управления по делам печати сохранилось «дело», из которого видно, что вдова П. А. Плетнева, Александра Васильевна, действительно подавала «на высочайшее имя» прошение «о дозволении детям ее, по наследству после отца, пользоваться правом собственности на литературный журнал «Современник». (Простение датировано 30 октября/11 ноября 1866 г. и помечено Парижем, где проживала тогда просительница)²⁵. Простение было переслано из канцелярии Министерства двора на рассмотрение в Главное управление по делам печати, и начальник его, Похвиснев, 31 марта 1867 г. докладывал о нем министру внутренних дел, с замечанием, что «дозволение наследникам тайного советника Плетнева пользоваться правом собственности на этот журнал может последовать лишь с высочайшего его императорского величества соизволения». Архивное «дело» на этом кончается, свидетельствуя тем самым, что «соизволения» Александра II на ходатайство Плетневой не последовало. Возможно, что одной из причин отказа явилось доверие властей как раз к той информации, которая содержалась в опубликованном нами документе. Указания агента на сношения А. В. Плетневой с редакцией закрытого «Современника» могли внушить властям подозрение, что за спиной подательницы прошения стоял и действовал Некрасов, пытавшийся таким способом возродить журнал. Правдоподобность такого предположения находит себе некоторое косвенное подтверждение в ряде других агентурных донесений, найденных нами в делах III Отделения и частично публикуемых в последней главе настоящей работы. В этих донесениях зафиксированы настойчивые попытки Некрасова, после закрытия «Современника», подчинить своему фактическому, но негласному руководству некоторые из существовавших периодических изданий. Во всех этих случаях Некрасов, естественно, выступал с соответствующим ходатайством перед властями не сам, а через других лиц. Несомненно, что об этой активности Некрасова мог знать весьма ограниченный круг его доверенных лиц. В воспоминаниях современников мы не находим об этом ни слова. А между тем, III Отделение было в курсе дела, хотя, разумеется, агентурные донесения, основанные часто на одних слухах, требуют очень осторожного отношения к сообщаемым в них фактам.

Так или иначе, попытка Некрасова возродить «Современник», если она действительно имела место в эпизоде с прошением А. В. Плетневой, потерпела крушение в результате бдительности органов политического наблюдения. Возможно, что именно эта неудача побудила Некрасова обратиться к другим замыслам издательского характера, предшествовавшим переходу в его руки «Отечественных Записок». Об этих замыслах мы узнаём, на этот раз, из писем самого Некрасова.

Летом 1867 г. у Некрасова возник план издания неперiodических литературных сборников, и он уже вел переговоры о статьях для них (например, с Писаревым)²⁶. В писательской среде это предприятие было встречено с большим сочувствием. «До-нельзя рад..., — писал Некрасову П. И. Якушкин 21 августа 1867 г., — что Вы опять беретесь за издательство: Вы соберете вокруг себя людей, с которыми не стыдно будет работать»²⁷. Но для Некрасова это был, разумеется, паллиатив. При помощи сборника или ряда сборников он мог сохранить и поддержать, на время

* «Правда ли?»—«Мне не известно».

отсутствия журнала, литературные силы и отчасти традиции закрытого «Современника». Мечтал же он о возобновлении журнала, и поэтому, как только осенью 1867 г. наметились практические возможности подчинить своему руководству журнал Краевского «Отечественные Записки», Некрасов прекратил работу по организации сборника.

Переговоры с Краевским начались, вероятно, сразу же после приезда Некрасова в Петербург, в сентябре 1867 г. Некрасов натолкнулся на «барышнический расчет» Краевского. Последний рассматривал свои издания с чисто коммерческой точки зрения. Главной заботой была их доходность, в отношении же направления Краевский был достаточно беспринципен. Но эти качества Краевского как собственника журнала облегчали Некрасову ведение переговоров, и он действительно добился успеха.

«Отечественные Записки» без ярко выраженного направления владели жалкое существование. После смерти С. С. Дудышкина, в сентябре 1866 г., Краевский редактировал журнал сам. Это отнимало много времени, но положения издания не поправляло. Журнал был на хорошем счету у цензуры, но у читателей успеха не имел. Количество подписчиков было невелико и едва достигало 2 000. Предприятие Краевского становилось все более убыточным. Передать редакцию «Отечественных Записок» в руки Некрасову было выгодно. Популярность имени поэта, его опыт редактора-издателя сулили журналу новый успех.

«Ваше имя на обертке,— писал М. В. Авдеев Некрасову,— знамя, которое теперь в сѣ и значения которого вряд ли еще скоро кто добьется»²⁸. Но имя Краевского также пользовалось вполне определенной репутацией. В литературных кругах помнили о его ренегатстве в 1848 г., а крикливый либерализм «Голоса» не мог скрыть беспринципности и торгашеского духа издательских предприятий Краевского.

Сочетание имени Краевского с деятелями бывшего «Современника» представлялось для многих совершенно невозможным и недопустимым. Из воспоминаний Елисеева и ряда других свидетельств известно, что Некрасову пришлось затратить немало труда и усилий чтобы убедить своих будущих товарищей по редакции, в том числе Щедрина, пойти на аренду журнала Краевского, а особенно на сохранение его подписи ответственного редактора. Возникновение возможных в начале толков об отходе от прежнего направления не пугало Некрасова. Основным доводом его, по словам Елисеева, было убеждение, что о направлении должен говорить сам журнал: «Из него увидят, изменили ли мы прежнему направлению»²⁹.

Решение превратить либерально-оппортунистический журнал Краевского в демократический орган, который продолжал бы боевые традиции «Современника», было одним из тех, по выражению Щедрина, «маневров» Некрасова, при помощи которых он умел достигать своих основных целей. В данном случае, когда было очевидно, что ни самому Некрасову, ни кому-либо из остальных редакторов бывшего «Современника» власти не дадут разрешения на «свой» журнал, необходимо было пойти на негласное редакторство под защитной маркой какого-либо официально ответственного перед властями и приемлемого для них лица. Краевский был здесь наиболее подходящим человеком. Он уже имел журнал и подписывал его как редактор, он давно практиковал принцип своего невмешательства в редакционные дела и был достаточно безразличен к идейной окраске журнала.

Свои переговоры с Краевским Некрасов вел параллельно переговорам с бывшими сотрудниками «Современника», имея, очевидно, в виду привлечь к работе в «Отечественных Записках» всю руководящую группу своего первого журнала. Этого, однако, не случилось.

«Я был в полной надежде,— читаем в воспоминаниях Елисеева,— что прежний «Современник» возродится в «Отечественных Записках» в полном составе всех бывших сотрудников... Как вдруг произошло нечто совсем для меня невероятное». И Елисеев приводит затем известный рассказ о том, как возник конфликт на почве денежных расхождений, «спор из-за четвертака», будто бы и приведший к расколу в бывшей редакции «Современника».

Кратко содержание рассказа Елисеева сводится к следующему: на одном из совещаний об «Отечественных Записках», происходившем у А. М. Унковского, Ю. Г. Жуковский вдруг заявил Некрасову, что согласится участвовать в журнале лишь в том случае, если будет получать половину прибыли, и, не смущаясь присутствием Елисеева, прибавил, что в качестве редакторов, оплачиваемых из общередакционных сумм, находит нужным пригласить Антоновича и Пыпина; что же касается Елисеева, то, «если угодно» Некрасову привлечь и его к редактированию журнала, он может «оплачивать его из своей доли»³⁰.

Перед Некрасовым возникла необходимость выбора: Антонович и Жуковский или Елисеев. Некрасов предпочел последнего. В результате новая редакция «Отечественных Записок» составила без Жуковского и Антоновича. Не захотел войти в нее из-за дружеской солидарности с Жуковским и Пыпин. В редакции, таким образом, остались лишь Некра-

НОВЫЙ ГОД В ЖУРНАЛИСТИКЕ

Московский громогласный.—Я пишу: «Восток». — «Отечественные Записки», пишут. Но... пропущено много вещей, много из рода вещей и Овидиевых превращений. В самом деле и тут же разбирают. Газ начинается один. И так кончается другой!

Санктпетербургский централь.—Москва. Издается! Вы загляните в самую суть книги, попутно! Разве не видите, что является дух, прежний дух «Отечественных Записок»? Не рано ли, вероятно, то свое надолго!

«НОВЫЙ ГОД В ЖУРНАЛИСТИКЕ»

Карикатура А. М. Волкова в «Искре», 1868, № 1

Объяснение карикатуры см. в публикации «Неизданные рисунки А. М. Волкова к стихотворению «Суд». — «Лит. Наследство», т. 53—54

сов и Елисеев. Несколько позже, с осени 1868 г., к ним присоединился М. Е. Салтыков, только что вернувшийся из Рязани после предложенной ему окончательной отставки с государственной службы (в ходе переговоров он принимал участие лишь в одном совещании, в октябре 1867 г.).

Нарисованная в «Воспоминаниях» Елисеева картина возникновения конфликта, приведшего к распаду бывшей редакции «Современника», не оспаривалась до сих пор исследователями. В подтверждение ее ссылались обычно на письмо Некрасова к Пыпину, датируемое октябрем—ноябрем 1867 г. Но хотя письмо это действительно содержит в себе указания на несогласие Некрасова предоставить Жуковскому и Пыпину восьмые доли доходов от журнала, оно, тем не менее, не может служить «несомненным доказательством»³¹ полной достоверности рассказа Елисеева.

Приводимые ниже материалы заставляют пересмотреть общепринятую версию о подлинных причинах раскола в бывшей редакции «Современника» при организации «Отечественных Записок» Некрасова.

Известный корректив в версию Елисеева вносит уже ответное письмо Пыпина Некрасову. На категорический вопрос последнего, согласен ли Пыпин «принять участие» в редакции «Отечественных Записок» на условиях, подобных тем, которые он имел в «Современнике», — был дан отрицательный ответ. Он был сформулирован в следующем письме Пыпина, сохранившемся в черновике:

«Николай Алексеевич! Я очень жалею о том, что Ваши переговоры с Жуковским кончились, как я вижу, безуспешно, потому что это мешает и мне принять участие в деле по разным соображениям, которые я Вам укажу. Прежде всего, как я говорил Вам, Жуковский представляется мне необходимым для журнала как человек очень талантливый и для многих предметов из всех нас наиболее компетентный. Если Вы думаете, что в настоящую минуту журнал может обойтись без него, то я этого не думаю, и мы не знаем, — может быть он будет нужен завтра. Относительно цензурности его писаний, я говорил Вам также, что сколько мог я видеть из своих разговоров с ним в последнее время, за эту сторону его деятельности можно было бы не иметь никаких опасений. Это мое мнение о Жук<овском> мимо всяких личных отношений. По моим понятиям, из всего нашего прежнего кружка это наиболее даровитый и симпатичный и достаточно деятельный журналист.

По лич<ным> отношениям> я также дос<тато>чно с ним связан. Мысль о новой литер<атурной> деят<ельно>сти приходила нам нередко в последние полтора года, и здесь я всего больше сходилась с ним в понятиях и желаниях. Мы об этом говорили с ним еще так недавно, что — по простым человеч<еским> отношениям мне в наст<оящую> минуту совсем невозможно вступить в дело, сепаратно от него, в особ<енно>сти при вышеупомянут<ом> моем мнении о нем.

Относительно матер<иальной> части дела, я сам, как Вы знаете, не принадлежу к числу особо требовательных и предполагал решение этого вопроса возможным, если бы только состоялись Ваши переговоры с Жуковским. Относительно долей, о которых Вы упоминаете, я с своей стороны (да вероятно и Жуковский) ни на минуту не противоречили бы предоставлению такой же доли и Елисееву [как близкому участнику в журнале я находил бы это весьма справедливым]. Если Жук<овский> придает этому пункту такую важность, это — его вопрос, конечно, не лишенный смысла, из желания человека по <возможности> обеспечить близких. Очень жаль, если это об<стоятель>ство не может быть улажено.

Но, сколько я понимаю, есть еще затруднение, которое раз уже было препятствием для меня и [пожалуй] остается и теперь, если Краевский

будет и з д а т е л е м журнала. Я ничего не хочу сказать этим лично против Краевского, но наши литер<атурные> отношения были таковы, что соединение двух литературн<ых> оттенков, столь различных, в одно, представляется мне невозможным. Или мы должны слишком перемениться (хотя мы уже значительно переменялись), или Краевский должен перемениться, для того чтобы эта комбинация была возможна. В настоящую минуту она поставила бы журнал в весьма фальшивое положение; я в этом убежден уже только по тем суждениям, какие мне случалось слышать от людей даже посторонних литературе. Этот пункт, конечно, известен городской сплетне и подвергается должным комментариям. Изменение Краевс<кого>-редакт<ора> в Кр<аевского>-издателя нисколько не изменяет дела. Это, кажется, главнейший пункт всех недоразумений.

Для меня лично отказаться от Вашего предложения вовсе не так легко: Вы можете себе это представить, и это Вам объяснит, что упоминаемые мной затруднения кажутся мне действ<ительно> велики. [При всей трудности моего положения я предпочту не связывать себя никакими обязательствами, которые могут ставить меня в фальшивое положение и втолкнуть снова в журнальные дразги, обвинения, доносы.] Вы можете себе представить также, что после всяких испытанных удовольствий литературы человеку может казаться привлекательным только дело, где он может считать себя внутренне удовлетворенным, — в кружке близко известных людей. Я говорил Вам, что мне представилась в перспективе возможность такого дела и что я из-за этой перспективы не желал брать других дел... Если прежний кружок расходитяся, мне это истинно жаль, но виной этому не я. Если это дело не состоится или не состоялось, то у меня и вовсе пропадает охота еще раз пускаться в бурное море, т. е. в журнальные дразги, в которых я не буду даже иметь прежнего кружка... Я на этот случай решил себе уклониться на известное время от всяких предприятий этого рода, хотя бы и в ущерб материаль<ным> выгодам. Это я теперь и сделаю. Авось, проживу год — два, как прожил до сих пор»³².

Письмо Пыпина свидетельствует, что не «материальная часть дела» имела для него решающее значение в возникшем конфликте, а вопрос об участии или неучастии в новой редакции Жуковского и опасения попасть в «фальшивое положение», участвуя в издании Краевского. В письме есть следы каких-то предшествующих разговоров корреспондентов на эту тему. Пыпин оспаривает мнение Некрасова, что новый журнал может «обойтись» без Жуковского, а также выражает уверенность, что «относительно цензурности его писаний» можно теперь «не иметь никаких опасений». Можно поэтому предпологать, что в беседе с Пыпиным Некрасов не только говорил о невозможности договориться с Жуковским по вопросу о доходах, как единственной причине расхождения с ним, но и ссылался при этом на какие-то другие трудности.

Что именно мог говорить Некрасов Пыпину о Жуковском, а также Антоновиче и какова была его действительная позиция по вопросу о желательности или нежелательности привлечения их в редакцию нового журнала, мы, разумеется, не знаем. Здесь возможны лишь догадки и предположения. Но прежде чем сформулировать их, необходимо ознакомиться еще с одним документом, содержащим совсем новые данные об обстоятельствах, сопровождавших переход «Отечественных Записок» в руки Некрасова.

При обсуждении в Совете Главного управления по делам печати «вредного» направления «Отечественных Записок» 19 сентября 1871 г. «наблюдавший за журналом» член Совета Ф. Толстой счел нужным предста-

ДОМ КРАЕВСКОГО НА ЛИТЕЙНОМ ПРОСПЕКТЕ, В КОТОРОМ ЖИЛ (с 1857 г.) И УМЕР НЕКРАСОВ

Здесь же помещались редакции обоих некрасовских журналов: «Современник» и «Отечественные Записки»

Фотография 1918 г.

Институт литературы АН СССР, Ленинград

вить Совету «краткий очерк обстоятельств, при которых образовалась редакция названного журнала в ныне существующем составе».

Приведем из журнала заседаний Совета эту часть протокольной записи выступления Ф. Толстого:

«Еще осенью 1867 года распространился слух, что г. Краевский передает права свои на «Отечественные Записки» г. Некрасову, бывшему издателю и редактору «Современника», прекращенного по высочайшему повелению. Известно было также, что с передачею «Отечественных Записок» в заведывание г. Некрасова в состав редакции войдет большая часть писателей, участвовавших в запрещенном «Современнике». Переговоры, происходившие в то время между гг. Краевским и Некрасовым, дошли до сведения бывшего министра внутренних дел (П. А. Валуева), и если его высокопревосходительство не воспрепятствовал соглашению, состоявшемуся между вышеупомянутыми лицами, то это потому только, что находил более удобным сосредоточить бродячие литературные силы бывшего «Современника» в одном журнале, полагая, что в противном случае они разбредутся по другим изданиям, что поставит еще в большее затруднение цензурное ведомство. Однако же из бывших сотрудников «Современника» признано было необходимым устранить от участия в «Отечественных Записках» гг. Антоновича и Юлия Жуковского, отличавшихся крайними воззрениями, о чем и были поставлены в известность как г. Краевский, так и г. Некрасов. Некрасов подчинился этому требованию, и в литературном нашем мире известно, какую бурю негодования возбудило удаление означенных писателей из вновь состоявшейся редакции в так называемых либеральных кружках. Антонович и Жуковский издали (в 1869 г.) брошюру под названием «Материалы для характеристики современной русской литературы», в которой Некрасов выстав-

лен как отступник, предатель и корыстолюбивый угождатель власти. Тем не менее, нельзя было сомневаться, что журнал, в состав редакции которого вошли гг. Елисеев, Салтыков (Щедрин) и сам Некрасов, будет издаваться в оппозиционном духе с явно обличительными тенденциями. С первых же номеров это высказалось так ясно, что Краевский, который оставался ответственным редактором *de jure*, испугался и 9 апреля 1869 года подал прошение о передаче звания редактора Некрасову, который, со своей стороны, ходатайствовал о дозволении принять на себя полную ответственность за издание «Отечественных Записок». Бывший министр внутренних дел не отверг категорически ходатайства Некрасова, но объявил ему, что следует повременить.

С тех пор дело так и осталось в ненормальном положении, т. е. что Краевский только считался ответственным редактором, не имея почти никакого влияния на состав книжек журнала. Об этом гофмейстер Толстой неоднократно доводил до сведения как бывшего начальника Главного управления (Похвиснева), так и нынешнего г. министра внутренних дел (Тимашева), при докладах его в качестве исправляющего должность начальника Главного управления...»³³

Итак, по авторитетному и зафиксированному в официальном документе свидетельству Ф. Толстого, разрешение на издание группой «Современника» заведомо оппозиционного журнала было дано властями по определенным мотивам тактического характера, а отсутствие в новой редакции Антоновича и Жуковского явилось результатом прямого требования тех же властей.

ДОМ НА ЛИТЕЙНОМ ПРОСПЕКТЕ ПРОТИВ КВАРТИРЫ НЕКРАСОВА

Некрасов наблюдал из окон своей квартиры сцену, происходившую у этого крыльца и давшую ему сюжет для стихотворения «Размышления у парадного подъезда»

Фотографии 1921 г.

Институт литературы АН СССР, Ленинград

В какой мере достоверно это сообщение, заставляющее, в случае признания его соответствующим истине, внести существенные коррективы в традиционное изложение истории организации обновленных «Отечественных Записок» и возникновения конфликтов в редакции?

Хорошая информированность Ф. Толстого в делах и обстоятельствах, касавшихся взаимоотношений «Отечественных Записок» с властями, ведавшими делами печати, не подлежит сомнению. Его сообщение о мотивах, побудивших Валуева предоставить Некрасову возможность издавать журнал оппозиционного направления, находит себе достаточно удовлетворительное объяснение (а тем самым и подтверждение) в изложенных выше принципах и приемах политики Валуева в области печати. Решение собрать «бродячие литературные силы бывшего «Современника» в одном журнале», где они могли удобнее и надежнее контролироваться цензурными властями и полицейским наблюдением, было подсказано Валуеву его тактикой практиковать либерализм в «полицейском футляре». С другой стороны, сохранившаяся записка Некрасова к Краевскому от 30 ноября 1867 г. подтверждает, что в ходе переговоров и хлопот об аренде «Отечественных Записок» Некрасову действительно пришлось обращаться непосредственно к министру внутренних дел П. А. Валуеву. По словам этой записки, министр не находил, «со своей стороны», особых препятствий к переходу журнала к Некрасову, но советовал ему лично побывать у Мезенцова — управляющего III Отделением, а сам обещал переговорить с Шуваловым — главным начальником III Отделения и шефом жандармов.

Несомненно, что в ходе этих переговоров с властями, предшествовавших подаче Некрасовым и Краевским установленного прошения о разрешении издавать журнал, и было предъявлено требование об устранении Антоновича и Жуковского как наиболее скомпрометированных, с точки зрения «наблюдающих властей». Антонович был известен как боевой публицист и полемист «Современника». Материалы III Отделения свидетельствуют, что в 60-е годы он находился под самым пристальным наблюдением секретных сотрудников этого учреждения³⁴. Жуковский напумел в 1866 г. своей статьей «Вопросы молодого поколения», за которую был подвергнут судебному преследованию.

Из опубликованного В. Е. Евгеньевым-Максимовым письма того же Ф. Толстого к Валуеву от 31 мая 1866 г. известно, что после каракозовского выстрела, в последние дни «Современника», редакции его уже было предложено Советом Главного управления по делам печати вовсе устранить от участия в журнале «некоторых из зловернейших писателей» (как, например, Антоновича и Ю. Жуковского)³⁵. То же требование было предъявлено и сейчас, при переходе «Отечественных Записок» в руки Некрасова. Вынужденный подчиниться этому требованию ради получения возможности издавать журнал, Некрасов, однако, сразу же попытался нарушить его, как только «Отечественные Записки» уже были в его руках. Об этом свидетельствует его дружеское письмо к Жуковскому от 11 марта 1868 г. Оно существенно дополняет и комментирует весь эпизод и должно быть приведено.

Поводом к письму явилось заявление Жуковского и Пыпина, опубликованное во 2-й книжке «Современного Обозрения» за 1868 г. В нем говорилось: «Неопределенность объяснений некоторых журналов <имелись в виду «Отечественные Записки»> и действительное обещание сотрудничества, данное нами редакции «Современного Обозрения», подало повод к словесным, а потом и печатным толкам о новом вступлении на журнальное поприще бывших постоянных сотрудников «Современника». В виду этого Жуковский и Пыпин сообщали, что «поводом к отождествлению их имен с тем или другим изданием может служить только

положительное заявление о ближайшем участии их в трудах данной редакции».

Заявление в «Современном Обозрении» задевало Некрасова и побудило его написать Жуковскому следующее письмо:

«Многоуважаемый Юлий Галактионович, не думаю, что Вы желали меня обидеть вашим объявлением, но оно вышло очень неловко. Фраза: неопределенность объявлений некоторых журналов — влечет за собою другую, которую всякий подразумевает, именно: *р а с с ч и т а н н у ю* на то, что публика подумает, что и мы принимаем участие в «От. Зап.», и заключает в себе нечто такое, чего я не могу переварить. Да если б я уговорил свое самолюбие, то между нами — публика, которая получит очень странное понятие о моем смирении, узнав, что это объявление не помешало мне войти с Вами в соглашение по участию в журнале. Дело могло бы быть поправлено, если б возможно было прямое объяснение, но оно покуда невозможно: администрация смотрит всё еще на Ваше имя с ужасом и заставляет нас перепечатывать страницы, где встречается фраза, упоминающая Ваши статьи»³⁶.

Вот что «после долгих и тяжелых размышлений» счел нужным сообщить Некрасов Жуковскому. Ответное письмо последнего не сохранилось, но о его характере можно судить по следующей записке Некрасова: «Я Вам несказанно благодарен за Ваше письмо. Во всей этой путанице мне всего важнее было, чтоб мы лично не разошлись, и я очень рад, что не ошибся, думая, что откровенный способ самый лучший»³⁷.

В свете всего вышеизложенного мы можем признать, что сообщение Ф. Толстого об обстоятельствах, сопровождавших образование редакции обновленных «Отечественных Записок» в 1868 г., соответствует действительности и что, таким образом, раскол в бывшей редакции «Современника» был непосредственно вызван прямым вмешательством властей. «Спор из-за четвертака», несомненно имевший место, отходит на второй план. По понятным причинам ни Некрасов, ни Елисеев, ни даже сами Жуковский и Антонович в своем известном выступлении 1869 г. не могли предать гласности подлинную причину своего невхождения в «Отечественные Записки». Расхождения по вопросу о распределении доходов тем самым заняли в свидетельствах современников неподобающее им место основного фактора в распаде редакции первого некрасовского журнала.

Можно предполагать на основании приведенных писем Некрасова к Пыпину и Жуковскому, что он был откровенен с ними (Антонович был в это время за границей) и полностью информировал их о требованиях, предъявленных властями. Одновременно, в обход этим требованиям, Некрасов уже в самом начале 1868 г. имел какое-то, до сих пор неизвестное нам, «соглашение» с Жуковским о его работе в «Отечественных Записках», хотя и не мог еще реализовать его («администрация смотрит всё еще на Ваше имя с ужасом»). Тем не менее, известно, что вынужденное устранение Жуковского и Антоновича от участия в «Отечественных Записках» привело вскоре к тому, что между бывшими товарищами по редакции «Современника» возникла ожесточенная борьба. Она выразилась, как известно, в издании Антоновичем и Жуковским в начале 1869 г. памфлета против Некрасова и «Отечественных Записок» под названием «Материалы для характеристики современной русской литературы» и в ответных статьях на этот памфлет Щедрина и Елисеева.

В своей статье-рецензии («Отечественные Записки» 1869, кн. 4) Щедрин в первую очередь счел нужным указать и подчеркнуть, что Антонович и Жуковский хотят выместить свои неудачи и разочарования «даже не на тех, кто был главной и действительной их причиной (до тех,

в ком собственно и заключается источник всевозможных литературных неудач, пожалуй, рукой не достанешь), а на тех, кто находится ближе под руками»³⁸. Этот недвусмысленный намек Щедрина на «действительную причину» устранения Антоновича и Жуковского из редакции «Отечественных Записок» впервые конкретно раскрывается только теперь, после опубликования сообщения Ф. Толстого.

Организационный распад бывшей редакции «Современника» в 1869 г. был совершившимся фактом. Истории этого распада мы здесь не изучаем. Причины его, разумеется, глубже, чем те вскрытые нами внешние обстоятельства, которые сопровождали организационную работу по созданию «Отечественных Записок» в 1867—1868 гг. и привели к устранению из редакции журнала трех старых сотрудников Некрасова.

Для раскола в бывшей редакции «Современника» существовали свои внутренние причины и предпосылки, о чем мы можем здесь лишь упомянуть. Антонович и Жуковский уже в «Современнике» снизили теоретический уровень мысли Чернышевского. Но на путь прямой ревизии взглядов великого ученого и революционера Жуковский, а вместе с ним и Пыпин, вступили уже за пределами «Современника» в программной заметке к № 1 журнала «Современное Обозрение» (1868). Елисеев в своих воспоминаниях указывает, что это был очень серьезный повод для расхождения³⁹. На резкое поправление Антоновича и особенно Жуковского указывает и Щедрин в рецензии на их памфлет. Что касается Пыпина, то в опубликованном выше ответном письме его к Некрасову он прямо пишет, что «мы уже значительно переменились», и дает понять, что Некрасову не следует более опасаться былой цензурной неприемлемости статей его друга Жуковского. Поправление Пыпина и Жуковского, их начавшийся отход от заветов шестидесятиничества и революционной демократии очень скоро привели первого к руководящему участию в таком типично-либеральном органе, как «Вестник Европы», а Жуковского — к крупному посту в Государственном банке, дававшему ему чуть ли не министерское положение.

Разумеется, устраняя Антоновича и Жуковского из редакции некрасовского журнала, III Отделение и Валуев меньше всего вникали в сущность начавшихся идейных расхождений внутри редакции бывшего «Современника» (будь это так, позиция властей должна была бы быть здесь прямо противоположной). Для органов политической полиции, чья практика общественной дискриминации отдельных лиц основывалась часто лишь на имевшихся в архивах III Отделения справках о действительной или мнимой «неблагонадежности» данного лица, Жуковский и Антонович были «крайними нигилистами», «вредными писателями». С точки зрения властей они подлежали удалению с литературной арены. Но это удаление произошло при таких обстоятельствах и было проведено в такой форме, что привело их к вражде против Некрасова и его журнала.

Рассчитывали ли Валуев и III Отделение на неизбежность возникновения «драки» и раскола в лагере «Современника» или, иначе говоря, содержало ли требование удаления Антоновича и Жуковского, как бы «проведенное» через «согласие» Некрасова, зерно провокационного намерения властей? Материалов для достаточно уверенного ответа на этот вопрос нет. Единственный найденный нами официальный документ, специально относящийся к выступлению Антоновича и Жуковского против Некрасова, не вносит ясности в вопрос. Тем не менее, этот документ — донесение председателя С.-Петербургского цензурного комитета А. Петрова начальнику Главного управления по делам печати М. Похвисневу — заслуживает быть опубликованным. Вот его текст⁴⁰:

ПРИЕМЪ ЖУРНАЛОВЪ ВЪ РЕКРУТЫ.

— Не подходит: цѣной головой выше ябры.

Грав. Н. Курочкин.

— Да, это дѣло было очень запутано.
— Ну теперь начинается раздѣляться вотъ такое стадо—1200 лис-
стоковъ.

«ПРИЕМЪ ЖУРНАЛОВЪ ВЪ РЕКРУТЫ»

Карикатура из «Искры» 1863 г., № 30

«Вчера представлена в Цензурный комитет бесцензурная книжка «Материалы для характеристики современной русской литературы», состоящая из двух статей: 1) Литературное объяснение с Н. А. Некрасовым — Антоновича и 2) Post-scriptum, содержание и программа «Отечественных Записок» за прошлый год—Ю. Г. Жуковского. Обе статьи принадлежат к разряду полемических. Антонович обличает Некрасова как поэта в шаткости, неискренности его убеждений, упрекает его в намерении выставить перед общественным мнением Антоновича — отвергнутым сотрудником «Отечественных Записок»; наконец, статья излагает всю журнальную деятельность Некрасова как сотрудника «Отечественных Записок» и потом редактора «Современника» и доказывает, что хотя Некрасову долго удавалось пользоваться в нашей журналистике знаменем коновода либерального направления, но впоследствии сделалось очевидным, что этот либерализм был напускной и что его литературной деятельностью всегда руководил денежный расчет. При этом исследовании или, лучше сказать, распутывании разных литературных сплетней, Антонович не скрывает, что он принадлежит к либеральной партии, или отрицательному направлению вместе с Белинским, Искандером, Чернышевским, Добролюбовым, и что «Современник» при содействии этих людей под руководством Некрасова пришел в цветущее состояние и имел явное преимущество перед «Отечественными Записками» Краевского. Антонович нигде не касается самого внутреннего направления «Современника»; он говорит об успехе «Современника», как об успехе коммерческого предприятия. Он не разбирает внутреннего достоинства одного или другого убеждения; он имеет в виду только доказать искренность или фальшивость этого убеждения. Таким образом, в этой книжке есть, может быть, факты, впрочем очень ловко обозначенные, обидные для Некрасова,

для Краевского; но пока цензурному ведомству тут не во что вмешиваться.

Так как эта книжка, раскрывающая некоторые сплетни, интересующие литературный мир, произведет своим появлением некоторый эффект и говор, то я счел долгом довести до сведения вашего превосходительства как о ее содержании, так и о том, что я со вниманием прочел ее. А. Петров. — Марта 6 дня 1869 года».

В приведенном документе нет ничего, что говорило бы о задуманном и удачно проведенном властями маневре провокационного характера. Но удовлетворение «третьего радующегося» явственно проступает сквозь заключительные строки цензурского донесения.

Не подлежит, однако, сомнению, что вспыхнувший конфликт, завершившийся враждебным выступлением Антоновича и Жуковского против Некрасова и его журнала, были на-руку правительственной политике и реакции. Не случайно и Ф. Толстой, в приведенном выше документе, и другой член Совета Фукс, в «Отчете за 1872 год», и ряд других цензоров не забывали с удовлетворением ссылаться в своих характеристиках на-правления «Отечественных Записок» на вред, причиненный «Некрасову и его партии» выступлением Антоновича и Жуковского.

IV. «НЕГЛАСНОЕ РЕДАКТОРСТВО»

Нотариальный договор с Краевским, заключенный при переходе «Отечественных Записок» в руки новой редакции, предоставлял Некрасову «полную свободу во всем, что касается собственно редакции журнала...». Взаимоотношения Некрасова и Краевского, роль и место каждого в руководстве изданием определялись со всей ясностью и отчетливостью: «(1) Некрасов <...> принимает на себя исключительно заведывание редакцией журнала «Отечественные Записки» и становится главно ответственным редактором этого журнала как перед правительством, так и перед публикою <...>; (2) Краевский, оставаясь собственником журнала «Отечественные Записки», принимает на себя все обязанности издателя журнала, то-есть всю хозяйственную часть издания <...>»⁴¹.

Нотариальный договор завершал и юридически оформлял предпринятую Некрасовым борьбу за воссоздание литературно-журнальной трибуны для «партии бывшего «Современника». Важное политическое значение «договора», в условиях литературно-журнальной борьбы революционных демократов и либералов, заключалось в том, что он явился документом, знаменовавшим успех Некрасова в решении главной поставленной им задачи: «отнять орган у противной партии и превратить его в орган своей партии». При этом задача эта была решена так, что воссоздание, а затем и деятельность нового органа радикально-демократической мысли в России были осуществлены при помощи материальных средств самой «противной партии» в лице издателя-собственника журнала — Краевского.

Разумеется, такой исход переговоров означал успех Некрасова, хотя ему и пришлось пойти на некоторые уступки, важнейшей из которых было признание за Краевским, как за собственником издания, права на «участие в охране и журнала» от возможных цензурно-административных преследований⁴². Тем не менее, и этот пункт договора был средактирован так, что вновь и со всей определенностью

оговаривал «полную свободу Некрасова во всем, что касается собственно редакции журнала»⁴³.

Из воспоминаний Елисеева известно, что ответственное редакторство Некрасова (или кого-либо другого из бывшей редакции «Современника») являлось для Салтыкова и для самого Елисеева неперменным условием их участия в реформированных «Отечественных Записках».

Достоверность данного свидетельства целиком подтверждается письмом Салтыкова к Некрасову от 26 ноября 1867 г. из Рязани, в котором читаем: «...я получил от Вас <19 или 20 ноября> телеграмму о том, что «Отечественные» Записки переходят к Вам без участия Краевского, и искренно сожалел, что все это случилось месяцем позже <тех дней в октябре, когда Салтыков был в Петербурге и участвовал в совещании у Некрасова по поводу «Отеч. Зап.»> ...Ответ я уже послал Вам в тот же день по телеграфу. Я просил Вас объявить меня в качестве сотрудника...»⁴⁴.

Частично подтверждая воспоминания Елисеева, приведенные строки Салтыкова, а также цитированный выше нотариальный договор Некрасова — Краевского, одновременно вскрывают одну важную ошибку памяти в елисеевском рассказе о переходе «Отечественных Записок» в руки Некрасова. Ошибка эта, оставаясь незамеченной, не оговаривалась до сих пор при обращениях исследователей к этому мемуарному источнику.

Елисеев сообщает, что на известном октябрьском совещании 1867 г. по поводу «Отечественных Записок» Некрасов, исходя из бесперспективности надежд на утверждение редактором журнала кого-либо из бывших сотрудников «Современника», тогда же убеждал и убедил присутствующих, в том числе и Салтыкова, в необходимости временно «пойти под Краевского». «В таком роде держал к нам свою речь Некрасов, — пишет Елисеев, — и мы с Салтыковым не могли не признать ее резонною». Более того, Елисеев прямо утверждает о состоявшемся по этому вопросу решении: «...было решено: временно оставить Краевского ответственным редактором «Отечественных Записок»...»⁴⁵.

Но в том-то и дело, что вряд ли это «было решено» на совещании в октябре. Сомнительно даже, чтобы такое решение вопроса могло тогда предлагаться Некрасовым. Его позиция в этом вопросе (которую он занимал в ходе всех переговоров с Краевским в течение октября — ноября) определялась решением добиться утверждения себя ответственным редактором журнала, а вовсе не «итти под Краевского», хотя бы и временно. И как только Некрасову удалось, около 19—20 ноября, достигнуть в переговорах с Краевским успеха в этом трудном вопросе и получить право назвать себя в проекте договора «гласно ответственным редактором», он поспешил послать об этом телеграмму Салтыкову. Очевидно, что ни эта телеграмма, ни ответ на нее Салтыкова, ни договор с Краевским, именующий во всех сохранившихся вариантах Некрасова ответственным редактором, не были бы возможны, если бы был прав Елисеев, если бы в октябре уже существовало совместно принятое решение Некрасова, Салтыкова и Елисеева издавать журнал от имени Краевского.

Нельзя, однако, заподозрить, что Елисеев просто выдумал всю сцену, в которой Некрасов доказывал ему и Салтыкову необходимость пойти на компромисс и согласиться на временное редакторство Краевского. Наоборот, можно утверждать, что Елисеев хорошо запомнил и воспроизвел потом памятные для него аргументы и доводы Некрасова. Но он ошибочно приурочил эту беседу к октябрьскому совещанию, то-есть к началу переговоров, когда она не могла еще иметь ме-

с та. Ситуация же, при которой мог произойти описанный Елисеевым эпизод, возникла позже и знаменовала собою следующий этап борьбы Некрасова за создание журнала.

Такая ситуация могла возникнуть лишь после того, как власти отказали Некрасову в утверждении его редактором и одновременно дали понять, что и никто другой из бывшей редакции «Современника» не будет утвержден на посту официального руководителя издания. А это могло произойти лишь после 8 декабря 1867 г. — даты официального заключения нотариального договора с Краевским, в котором Некрасов все еще именуется «гласно ответственным редактором этого журнала как перед правительством, так и перед публикою». И лишь тогда, когда власти отказали Некрасову в праве такого наименования, перед редакцией и должна была возникнуть во всей своей остроте дилемма: пойти ли на компромисс и сохранить только что созданный демократический орган ценой номинального подчинения его «редакторству» Краевского или соблюсти «чистоту риз» и отказаться, в данный, по крайней мере, момент, от возможности иметь для своей партии — «партии «Современника» — журнальную трибуну.

В этих конкретных условиях, вероятно, и произошла описанная Елисеевым сцена спора главных сотрудников журнала с Некрасовым из-за «редакторства» Краевского, закончившегося общим признанием необходимости пойти на эту вынужденную уступку ради сохранения большого общественного дела, существа которого эта уступка ни в коей мере не затрагивала.

Как следует датировать этот эпизод? — Ни в декабре 1867 года, ни в январе 1868 года Салтыкова, одного из главных участников обсуждения вопроса о Краевском, не было в Петербурге. Он приехал в столицу лишь 1-го или 2-го февраля. Через день или два после приезда сатирик присутствовал на обеде, устроенном Некрасовым у себя на квартире по случаю выхода в свет первой книжки обновленных «Отечественных Записок». Был на обеде и другой запомнившийся Елисееву участник, или, точнее, свидетель спора — Д. И. Писарев. Присутствовал и сам Елисеев⁴⁶. Вряд ли можно сомневаться, что разговоры собравшихся были посвящены в первую очередь журналу и редакционным делам, а среди них самому больному для всех вопросу — о продолжающемся, вопреки желанию всех, официальном редакторстве Краевского. Именно здесь Некрасов и мог информировать своих сотрудников о неудаче всех своих попыток освободиться от Краевского и развернуть при этом, запомнившуюся Елисееву, аргументацию в защиту необходимости пойти, в создавшихся условиях, на компромисс, т. е. на временное сохранение status quo. Допустимо поэтому предположение, что описанное Елисеевым выступление Некрасова, приуроченное мемуаристом к октябрю 1867 г., в действительности имело место на редакционном обеде в начале февраля 1868 г. и что, таким образом, Елисеев в своих воспоминаниях контаминировал обстоятельство и содержание двух различных и разновременных эпизодов.

Необходимо было остановиться на ошибке воспоминаний Елисеева — результате столь обычной для мемуаристов контаминации событий в их памяти, — чтобы устранить восходящие к этой ошибке неверные представления об исходных позициях Некрасова в борьбе за самостоятельность руководства в созданном журнале.

Не допуская Некрасова к официальному руководству «Отечественными Записками» и сохраняя в роли «ответственного редактора» радикально-демократического органа Краевского, известного своим оппортунизмом и угодливостью перед властями, Валуев и Шувалов пре-

следовали определенные цели, которые лежали в русле все той же охранительной тактики «полицейского футляра», требовавшей использования любых средств, способных ограничивать, «сдерживать в известных пределах» неизбежное «зло». Краевский был подходящим рычагом такого «сдерживающего» воздействия, а его деловая (коммерческая) коалиция с революционно-демократической группой представляла, казалось, удобную возможность применять этот рычаг по отношению к наиболее организованной и опасной антиправительственной силе в тогдашней литературе. В этом следует видеть разгадку того, что власти, превосходно осведомленные о всей полноте реального руководства Некрасова в журнале, неизменно отклоняли, однако, его, да и самого Краевского, ходатайства о простом, казалось бы, юридическом признании положения, существовавшего *de facto*.

Власти имели достаточное основание видеть в Краевском умного, гибкого и понимающего проводника своей политики и рассматривать его, в этом смысле, как своего рода согладателя и пособника в самом штабе противника. Валуевские идеи и принципы «охранительно-либеральной» политики в области печати не только разделялись Краевским, но, в известной мере, самостоятельно вырабатывались и формулировались им и, тем самым, как бы подсказывались правительству. Об этом свидетельствует, например, совместное с В. Скарятиним обращение Краевского в 1862 г. к министру народного просвещения (ему было подчинено тогда цензурное ведомство) А. В. Головнину по поводу слухов о предстоящем якобы запрещении «Современника» и «Русского Слова».

Авторы письма настойчиво рекомендовали тогда правительству не предпринимать столь крайних мер против радикальной печати. Их аргументы были таковы:

1. «...Всякое преследование обращает преследуемого из призрака в действительную силу...».

РЕКА КЕРЕСТЬ, ОПОЯСЫВАЮЩАЯ ОХОТНИЧЬЮ УСАДЬБУ НЕКРАСОВА
В ЧУДОВСКОЙ ЛУКЕ

Фотография А. В. Попова, 1935 г.

2. «Запрещение «Современника» и «Русского Слова» делает новый при-
скорбный поворот в общественном мнении... Запрещение возвратит им
сразу сочувствие всех, еще колеблющихся, все еще не установившихся
окончательно в своих воззрениях, окружив преследуемых ореолом му-
чеников».

3. «Такое стеснение печати наложит молчание на тех писателей, которые
сочтут невозможным биться с людьми, преследуемыми правительством, а
между тем, потаенная литература будет все расти и читаться с жадностью».

4. «Даже в явной литературе может возобновиться та глухая, упор-
ная борьба литературы (поддерживаемой сочувствием публики) с прави-
тельством, которая ознаменовала сороковые годы и которая находила
возможность проявляться, несмотря ни на какие строгости и бдитель-
ность правительства; роман, повесть, сказка, куплет и даже медицин-
ская книга служили средством к этой борьбе»⁴⁷.

Нетрудно убедиться, что Краевский и Скарятин весьма отчетливо сфор-
мулировали здесь те же охранительно-реакционные принципы либе-
рализма («свободы печати») в «полицейском футляре», которые лежали
в основе всей литературной политики Валуева, а затем и сменившего его
Тимашева.

«Исторический опыт самодержавия, — писал Ленин, — не только за-
ставлял правительство следовать тактике запугивания и раз-
вращения, но и многих независимых либералов
побуждал рекомендовать правительству эту
тактику»⁴⁸.

Рекомендации Краевского и Скарятин министру Александра II служат
выразительной иллюстрацией к этим словам Ленина.

Краевский на посту официального редактора «Отечественных Записок»
вовсе не был, как иногда представлял себе, безобидной фигурой дельца-
предпринимателя, чуждого всякой идеологической активности.

В той борьбе за журнал, которую вел Некрасов, Краевский, являясь
формально-юридическим союзником демократической редакции, на деле
был силой, скрытно враждебной ей. Найденное и установленное Не-
красовым на почве материальных интересов Краевского равновесие
с этой враждебной силой нейтрализовало ее активность, но не уничто-
жило самую силу и требовало постоянного контроля за ней. В качестве
собственника издания Краевский был волен в любой момент продать его
или передать в руки другой редакции, а значит, и другого «направле-
ния». Такая угроза, хотя скорее теоретическая, постоянно висела над
журналом Некрасова — Щедрина и являлась фактором, сильно ослож-
нявшим положение и независимость действий редакции (что, разумеет-
ся, и учитывалось властями).

Уже незадолго до правительственного запрещения журнала, Щедрин
писал Н. А. Белоголовому: «Отечественные Записки» условился продол-
жать редактировать и в будущем году, но не могу ручаться, чтобы без-
дельный старый кобель Краевский не продал их какому-нибудь про-
хвосту, подобно тому, как он это сделал с «Голосом», продав его за 250 ты-
сяч рублей компании Циона и Каткова. Тогда положение мое будет очень
комическое. Конечно, я сейчас же прекращу всякое участие...»⁴⁹.

Такого рода опасности подстерегали «Отечественные Записки» не толь-
ко в конце; но и в начале их существования, как об этом, по крайней
мере, свидетельствует следующий, еще не освещавшийся в печати эпизод.

Появление на литературной арене обновленных «Отечественных За-
писок» — возрождение «партии «Современника» — не только внесло
тревогу в лагерь реакции, но породило здесь немедленно проекты
борьбы с «воскресшим вожаком преступной клики» (определение, данное
«Отечественным Запискам» в 1871 г. М. Р. Шидловским)⁵⁰.

ОХОТНИЧЬЯ УСАДЬБА НЕКРАСОВА В ЧУДОВСКОЙ ЛУКЕ

Первое окно от входа направо — кабинет поэта, еще правее — окно спальни. Влево от двери — гостиная. Наверху — помещение для гостей.

Фотография А. В. Попова, 1935 г.

К соучастию в одном из таких проектов, исходивших от лидера феодально-крепостнической реакции М. Н. Каткова, была сделана попытка привлечь и Краевского. Летом 1869 г. Катков намеревался через посредство Е. М. Феоктистова, будущего начальника Главного управления по делам печати, и Б. М. Маркевича, известного мракобесно-крепостнического публициста и романиста, создать нечто вроде блока между реакционными «Московскими Ведомостями» и либеральным «Голосом» Краевского. Содержание и детали катковского проекта неизвестны, но достаточно определенные намеки на указанный план действий содержатся в двух неизданных письмах Феоктистова к Краевскому, отрывки из которых мы и приводим.

«Многоуважаемый Андрей Александрович, — писал Феоктистов 30 мая 1869 г., — приехав в деревню, я нашел уже здесь письмо М<аркевича> из Москвы. С великим удовольствием посылаю Вам его, ибо в нем выражено, от имени Михаила Никифоровича <Каткова>, несколько мыслей, которым я постоянно сочувствовал. Тесная связь между лучшими органами нашей печати более необходима в настоящую минуту, чем когда-нибудь. Не думаете ли Вы нынешним летом побывать в Москве? Это было бы очень хорошо...»⁵¹.

Ответ Краевского неизвестен. Но из следующего письма Феоктистова к нему видно, что издатель-редактор «Голоса» и «Отечественных Записок» сочувственно отнесся к «мыслям» Каткова и даже выразил намерение приехать к нему в Москву для личного свидания и переговоров. Вот что писал Феоктистов своему корреспонденту 1 июля 1869 г.:

«Искренне благодарю Вас, многоуважаемый Андрей Александрович, за Ваше доброе письмо. Оно порадовало меня тем более, что я узнал из него о намерении Вашем отправиться в начале августа в Москву. Что касается того, застанете ли Вы там Каткова — c'est une question vicieuse *

* Это неосновательный вопрос.

Куда ему деваться? Он постоянно сиднем-сидит в своем углу и никуда не показывается. Если бы, впрочем, я узнал, что в назначенное время его не будет (а узнать это я должен непременно), то, конечно, тотчас же сообщил бы Вам. Я теперь и поспешил уведомить его о Ваших планах <...>⁵².

У нас нет никаких сведений о содержании московских переговоров, если только они состоялись. Но очевидно, что замысел Каткова — Феоктистова — Краевского потерпел неудачу, не успев даже выкристаллизироваться. Очевидно, однако, и другое: проектировавшееся под лозунгом установления «тесной связи между лучшими органами нашей прессы» соглашение Каткова с Краевским должно было быть непосредственно направлено против Некрасова и его журнала. «Тесная связь» между «Голосом» и «Московскими Ведомостями» неизбежно должна была повести к разрыву Некрасова и всех группировавшихся вокруг его журнала писателей радикально-демократического лагеря с Краевским как собственником и официальным редактором не только «Голоса», но и «Отечественных Записок». Расторгнуть нотариальный контракт не представляло труда. И тогда «партия «Современника» вновь лишилась бы своего органа, своей трибуны и была бы удалена, по крайней мере на время, с арены литературно-общественной деятельности.

Сохраняя с Краевским как с собственником-участником «предприятия» внешние корректные отношения, используя его богатый, журнально-издательский опыт и умение предупреждать и отводить цензурно-административные удары, Некрасов и Щедрин превосходно знали, разумеется, с кем они вынуждены были иметь дело. Об их восприятии морально-политического облика своего «ответственного редактора» дает, например, представление сатирически заостренный портрет-характеристика Краевского в одном из писем Щедрина к И. С. Тургеневу.

Имея в виду начавшийся в 80-х годах разгул реакции в стране, сатирик писал: «Вообще впечатление очень унылое <...>. Но есть и комического немало. Как известно, теперь у нас исправляет должность честного журналиста Андрей Краевский (о tempore, о mores!); так вот я к нему на днях зашел понаведаться и, представьте, услышал такую предиду: не то — дескать — жалко, что нас с Вами могут водворить, — что мы? Россию жалко — вот что! Согласитесь, что Андрей, жалеющий Россию, — явление в высшей степени курьезное! Я думал, что он в заключение все-таки прибавит: а впрочем, мне <.....>, но нет, не прибавил! Покачивается, сивый мерин, в качалке, и сокрушается! И видно, что даже совесть имеет чистую»⁵³.

Стремление освободиться от редакторского имени Краевского на обложке «Отечественных Записок» никогда не покидало Некрасова. Из воспоминаний Елисеева мы знаем, что он надеялся довольно скоро ликвидировать ненормальность положения со своим «негласным редакторством». Но мы до сих пор почти ничего не знали о конкретных попытках Некрасова, предпринимавшихся им в этом направлении. Приводимые ниже материалы впервые документально подтверждают свидетельство Елисеева и сообщают новые факты из истории борьбы Некрасова за свой журнал и его независимость.

Вторая попытка Некрасова стать официально во главе «Отечественных Записок» вместо Краевского (после первой — при организации журнала) относится к апрелю 1868 г. В приведенном выше (см. 2-ю главу) выступлении Ф. Толстого на заседании Совета Главного управления по делам печати от 19 сентября 1871 г. содержится любопытное указание на обстоятельство, которым воспользовался Некрасов, предпринимая свое ходатайство. Ретроспективно констатируя в своем выступлении «опозиционный дух с явно обличительными тенденциями», сразу же проявленными в 1868 г. реформированными «Отечественными Записками»,

Ф. Толстой заявил далее: «С первых же номеров это высказалось так ясно что Краевский, который оставался ответственным редактором *de jure*, испугался и 9 апреля 1868 года подал прошение о передаче звания редактора Некрасову, который, со своей стороны, ходатайствовал о дозволении принять на себя полную ответственность за издание «Отечественных Записок».

Прошение в Совет Главного управления по делам печати Краевский действительно подавал. Черновик его был написан Некрасовым, что уже одно свидетельствует о его инициативе и заинтересованности в этом деле. Поданное 9 апреля прошение 12 апреля докладывалось Валуеву, а 16 апреля Краевскому было послано уведомление, что «решение г. министра внутренних дел» на его ходатайство «не последовало»⁵⁴.

Прошение Некрасова неизвестно. Но, основываясь на выраженном в его письме к Краевскому от 9 апреля 1868 г. опасении, что «через шесть лет... может встретиться о п я т ь необходимость испрашивать высочайшее разрешение», — следует предполагать, что сам Некрасов с ходатайством о предоставлении ему права быть гласно ответственным редактором журнала обращался, или намеревался обратиться, к самому царю, причем Тимашев был против этого⁵⁵.

Что касается «испуга» Краевского, побудившего его согласиться на передачу редакторства Некрасову, то испуг этот, несомненно, был вызван анонимной статьей, появившейся в № 44 «Петербургской газеты» от 6 апреля 1868 г. Статья принадлежала перу редактора-издателя этого рентильного, субсидировавшегося правительством издания — И. А. Арсеньева, бывшего по совместительству штатным агентом III Отделения. Обливая грязью и клеветой Некрасова, Арсеньев раскрывал перед властями его тактику в деле аренды «Отечественных Записок» и прямо писал о «воскресении умершего насильственной смертью «Современника». На другой день, 7 апреля, Некрасов писал Краев-

КУХНЯ В ОХОТНИЧЬЕЙ УСАДЬБЕ НЕКРАСОВА В ЧУДОВСКОЙ ЛУКЕ

Фотография А. В. Попова, 1935 г.

скому: «Гнусный донос Арсеньева меня мало смутил. Всего этого я ожидал, потому-то и не охотно решался возвратиться на журнальное поприще, но, раз преодолев отвращение, могу сказать, что всем этим гадам, со включением и крупных, не сбить меня с толку <...>. Важнее вопрос, как это подействует на администрацию, но Арсеньев гад слишком презренный, не имеющий даже и там тени кредита»⁵⁶.

Из того же выступления Ф. Толстого на заседании Совета, которое мы цитировали, видно, что он, следуя, вероятно, указаниям самого Некрасова, и после неудачи попытки 1868 г. не раз обращал внимание начальника Главного управления по делам печати и самого Тимашева на ненормальность негласного редакторства Некрасова. Однако никаких результатов это не давало. Тогда возник другой план.

В конце лета 1870 г. была предпринята третья по счету попытка освободить «Отечественные Записки» от редакторской подписи Краевского. На этот раз предполагалось добиться утверждения ответственным редактором журнала Салтыкова-Щедрина. Попытка закончилась также безрезультатно. Но документы, относящиеся к этому неизвестному до сих пор эпизоду, представляют интерес как для истории журнала, так и для биографии сатирика, и заслуживают быть опубликованными.

Прежде чем подать соответствующее прошение, Некрасов и Салтыков вели предварительные разговоры с близким к редакции членом Совета В. М. Лазаревским. Об этом свидетельствует неизданная записка к нему Некрасова от 1 сентября 1870 г. Некрасов просит Лазаревского уведомить, когда будет заседание Совета, и зайти к нему: «У меня будут в это время Салтыков и Краевский, и мы должны посоветоваться с Вами об одном деле, которое сегодня же (если есть заседание) должно поступить от нас в Совет». На записке Некрасова имеется пометка Лазаревского: «О передаче Салтыкову редакции «Отечественных Записок»⁵⁷.

В цензурном «деле» «Отечественных Записок» нет никаких упоминаний об этом факте. Между тем, прошение Краевского и Салтыкова об утверждении последнего в звании ответственного редактора действительно поступило в Главное управление по делам печати.

Прохшение было подано в Главное управление 1 сентября 1870 г. Как свидетельствуют неопубликованные еще письма к Лазаревскому, Некрасов все время следил за «движением дела». Так, в одной из записок Некрасов, спрашивая о новостях «по нашему делу», прибавляет: «У меня сидит Салтыков. Напишите». Однако 23 сентября, не получив еще никакого официального ответа, Краевский и Салтыков взяли обратно свои бумаги. Об этом мы узнаём из следующего письма Краевского к начальнику Главного управления по делам печати М. Н. Похвисневу:

Милостивый государь
Михаил Николаевич.

В текущем месяце, я, вместе с г-м Салтыковым, подал в Главное управление по делам печати прошение о дозволении г-ну Салтыкову быть ответственным редактором по журналу «Отечественные Записки». Ныне же, по некоторым вновь встретившимся обстоятельствам, ни я, ни г. Салтыков не желаем давать дальнейшего хода нашему прошению.

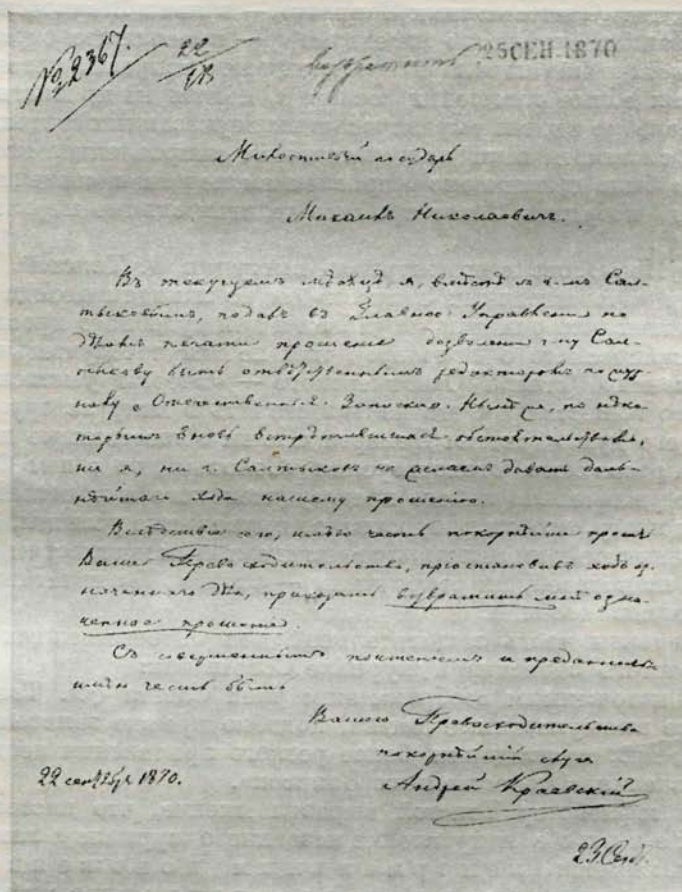
Вследствие сего, имею честь покорнейше просить ваше превосходительство, приостановив ход означенного дела, приказать возвратить мне означенное прошение.

С совершенным почтением и преданностью имею быть
вашего превосходительства покорнейший слуга

Андрей Краевский.

На письме, полученном 25 сентября, имеется резолюция Похвиснева «Возвратить». И на следующий день, 26 сентября, Краевскому действительно было возвращено «прошение его, от 1 сентября, о передаче редакторства «Отечественных Записок» М. Е. Салтыкову», как обозначено в подшитой к «делу» копии препроводительной записки.

Каковы были те «вновь встретившиеся обстоятельства», которые заставили Салтыкова, Краевского, а значит, и Некрасова прекратить начатые хлопоты, мы не знаем. Можно, однако, предполагать, что причина

АВТОГРАФ ПИСЬМА А. А. КРАЕВСКОГО К НАЧАЛЬНИКУ
ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ПО ДЕЛАМ ПЕЧАТИ М. Н. ПОХВИСНЕВУ ОТ 22 СЕНТЯБРЯ 1870 г.

Исторический архив, Ленинград

лежала в негласной информации, полученной Некрасовым или Краевским о позиции в этом вопросе Тимашева, предreshавшей верную неудачу и этому ходатайству.

Через месяц Некрасов вновь пытался, при помощи Ф. Толстого, возбудить вопрос о своем редакторстве. 23 октября 1870 г. в Совете Главного управления по делам печати обсуждалось донесение Петербургского цензурного комитета о десятой книге «Отечественных Записок». Обсуждение приняло весьма острый характер. Заседание Совета происходило под председательством генерала М. Р. Шидловского. Он был только что назначен на пост начальника Главного управления по делам печати

вместо М. Н. Похвиснева, вынужденного подать в отставку после своего отказа подчиниться требованию министра Тимашева «объявить официальные предостережения редакторам антипрусских газет» (в связи с франко-прусской войной)⁵⁹. Шидловский находил, что почти все материалы октябрьской книжки («Соловьи» Некрасова, «Вольтер-человек и Вольтер-мыслитель» Михайловского, «Очерки умственного развития нашего общества» Скабичевского, «Почему у нас в лесистых местностях в дровах нуждаются» Демерта и «Наши общественные дела», того же автора) ярко характеризуют «вредное» направление журнала.

«Направление «Отечественных Записок», — заявил Шидловский (в протокольной записи «журнала» заседания), — проводящее отрицательные и материалистические начала и возбуждающее вопросы, способные поддерживать враждебные отношения сословий, нельзя не признать вредным, и это направление вполне выразилось в вышеуказанных статьях. Вообще в журнале систематически поддерживается направление, которое уже многократно было принимаемо Управлением печати к сведению и должно, наконец, побудить Совет принять действительные меры к его прекращению»⁶⁰.

В защиту Некрасова и его журнала выступил Ф. Толстой. В статьях 10-й книжки «Отечественных Записок» он не находил повода к преследованию, считая, что они или «неуловимы для судебного преследования» (статья Михайловского о Вольтере), или не могут «служить поводом к предостережению» (статья Скабичевского — «Очерки умственного развития нашего общества») и что нельзя ставить в вину автору «мрачного настроения его духа» (статья Демерта «Наши общественные дела»). Что касается некрасовского стихотворения «Соловьи», то в нем Ф. Толстой «не находит решительно ничего предосудительного и полагает, что ставить в вину поэту, что он приурочивает привольные рощицы, в которых нет для птиц ни сетей, ни силков, к таким идеальным местностям, в которых не было бы ни податей, ни рекрутчины, — значило бы налагать тяжелую руку на поэзию вообще».

Заключительная часть защитительной для «Отечественных Записок» речи Ф. Толстого записана в журнале Совета так:

«По всем изложенным соображениям член Совета <Ф. Толстой> полагал бы все вышеуказанные статьи, подобно прежде заявленным, принять к сведению, в ожидании более резкого проявления неодобрительного направления «Отечественных Записок».

При этом гофмейстер Толстой выразил мнение, что настоящее неодобрительное направление названного журнала в значительной степени объясняется ненормальным положением его редакции, при котором ответственность перед правительством несет лицо, не принимающее никакого участия в литературной стороне издания (Краевский), а лицо, управляющее делом (Некрасов), не имеет никакого формального отношения к администрации печати. Член Совета выражает полное убеждение, что если бы законенная ответственность возложена была на г. Некрасова, через утверждение его редактором означенного издания, то можно было бы ожидать значительного улучшения в направлении журнала, так как этот литератор всегда обнаруживал внимание к внушениям власти и готовность к требуемым уступкам»⁶¹. Заключительные слова о «внимании к внушениям власти» и т. п. являются слишком очевидным тактическим аргументом Ф. Толстого, действовавшего тут по указаниям Некрасова и в защиту его интересов, чтобы нужно было опровергать здесь эти слова по существу.

После длительного обсуждения Совет пришел к следующему решению, в котором высказал и свое мнение по вопросу об утверждении редактором Некрасова:

«... Принять вышеуказанные статьи «Отечественных Записок» к сведению с тем, чтобы подвергнуть этот журнал административной карательной мере, если в следующей книге его будет продолжаться проявление вредного направления.

Что же касается до возбужденного гофмейстером Толстым вопроса о перемене редактора «Отечественных Записок», то, соглашаясь с выраженным мнением о ненормальности положения названного журнала в этом отношении, которое проявляется, между прочим, в том, что два издания — «Отечественные Записки» и «Голос», — состоящие под редакцией одного лица, следуют направлениям, совершенно противоположным, Совет находит, однако же, невозможным постановить по этому предмету какое-либо заключение, так как перемена редактора повременного издания обуславливается, с одной стороны, ходатайством о том издателя, а с другой — разрешением г. министра внутренних дел»⁶².

Утверждая журнал заседания, Тимашев надписал на нем: «Согласен с мнением Совета. 3 ноября 1870». Смысл министерской резолюции не вполне ясен, так как непонятно, относилась ли она (что вероятнее) к заключению Совета о вредном направлении журнала и запроектированной (по этому поводу) карательной мере или же к мнению Совета о ненормальности положения «Отечественных Записок» в отношении их редактора. Во всяком случае, никаких изменений в существовавшее ненормальное положение резолюция министра не внесла.

Весною 1872 г., в связи с предстоящим длительным отъездом Краевского за границу, Некрасов сделал очередную, четвертую по счету, попытку получить для себя или Елисеева временное редакторство в журнале. Относящиеся к этому эпизоду документы случайно оказались в архивных делах газеты «Голос» и потому не были замечены исследователями. Приводим их полностью:

В Главное управление по делам печати

Имея надобность отправиться за границу на три месяца, покорнейше прошу Главное управление по делам печати дозволить мне передать ответственную редакцию «Отечественных Записок», на время моего отсутствия, дворянину Николаю Алексеевичу Некрасову или коллежскому советнику Григорию Захаровичу Елисееву, состоящим с 1868 года главными сотрудниками и членами редакции означенного журнала. Удостоверение как того, так и другого в согласии их принять на себя временно ответственную редакцию при сем прилагаю.

Редактор «Отечественных Записок» А. Краевский

6 марта 1872 г.

⟨Карандашом внизу:⟩ [Доклад об отказе, со ссылкой на деятельность Некрасова и Елисеева в «Совр⟨еменике⟩» и на продолжение того же направления в «Отечественных Зап⟨исках⟩». Сношение с III Отд⟨елением⟩].

⟨Надпись карандашом зачеркнута, а выше сделана другая надпись:⟩ За поступившим новым ходатайством — приобщить к делу⁶³.

К прошению Краевского приложено собственноручное заявление Некрасова:

В Главное управление по делам печати

Я, нижеподписавшийся, сим удостоверяю, что принять на себя обязанности ответственного редактора Отеч⟨ественных⟩ Записок на время отсутствия г. Краевского из Петербурга согласен, буде на то последует разрешение Главного управления по делам печати. ⟨6?⟩ марта 1872.

Дворянин Ник⟨олай⟩ Алексеевич Некрасов⁶⁴.

Записка Елисеева в «деле» отсутствует.

Из приведенных документов видно, что в Главном управлении, после получения отрицательного ответа из III Отделения на посланный туда запрос, было решено заготовить доклад об отказе Некрасову и Елисееву в утверждении одного из них временным ответственным редактором «Отечественных Записок».

Некрасов на этот раз меньше всего надеялся на утверждение себя редактором «Отечественных Записок» и хлопотал в первую очередь за Елисеева. При встрече с Лонгиновым он сказал, что хотел бы поехать за границу и поэтому просил, «чтоб был назначен Елисеев, но если относительно Елисеева возникнут трудности, то я готов к услугам вашим»⁶⁵.

Сообщая об этом Лазаревскому, в нежданном письме к нему от 7 марта 1872 г., Некрасов передает, что Лонгинов встретил его «на ты», вспомнив их старое знакомство 40—50-х годов, что подало некоторую надежду на благополучный исход дела.

О дальнейшем ходе ходатайства Некрасов имел сведения от того же Лазаревского, а также Веселаго и др. Негласно извещенный ими, вероятно, о заготовленном уже отказе, Некрасов и на этот раз не довел дела до вынесения официального решения Совета.

После неудавшейся попытки получить согласие властей на утверждение, хотя бы и временное, редактором «Отечественных Записок» одного из фактических руководителей журнала, Некрасов подсказал мысль о возможности передать редакцию сыну Краевского — Александру Андреевичу (1839—1882). Некрасов писал при этом Краевскому: «Неужели и ему откажет эта крыловская разборчивая невеста. Хорошее комическое стихотворение можно бы написать по поводу оценки качеств, признаваемых цензурою желательными для редактора»⁶⁶.

Краевский воспользовался мыслью Некрасова, но остановил свой выбор не на сыне, а на другом своем родственнике. 22 марта 1872 г. он подал новое ходатайство, аннулировавшее первое. Краевский просил утвердить ответственным редактором «Отечественных Записок» и «Голоса» своего родственника (зятя) и ближайшего сотрудника, фактического редактора «Голоса», известного историка В. А. Бильбасова.

Приводим этот документ:

В Главное управление по делам печати.

Намереваясь в самом непродолжительном времени отправиться за границу, я имел честь запросить Главное управление по делам печати о дозволении передать ответственную редакцию «Отечественных Записок» г. Некрасову или г. Елисееву. Ныне, по изменившимся обстоятельствам, имею честь покорнейше просить о дозволении передать ответственную редакцию означенного журнала доктору исторических наук статскому советнику Василию Алексеевичу Бильбасову, которому я просил уже позволения передать и ответственную редакцию «Голоса» на все время моего отсутствия.

Редактор «Отечественных Записок» А. Краевский.

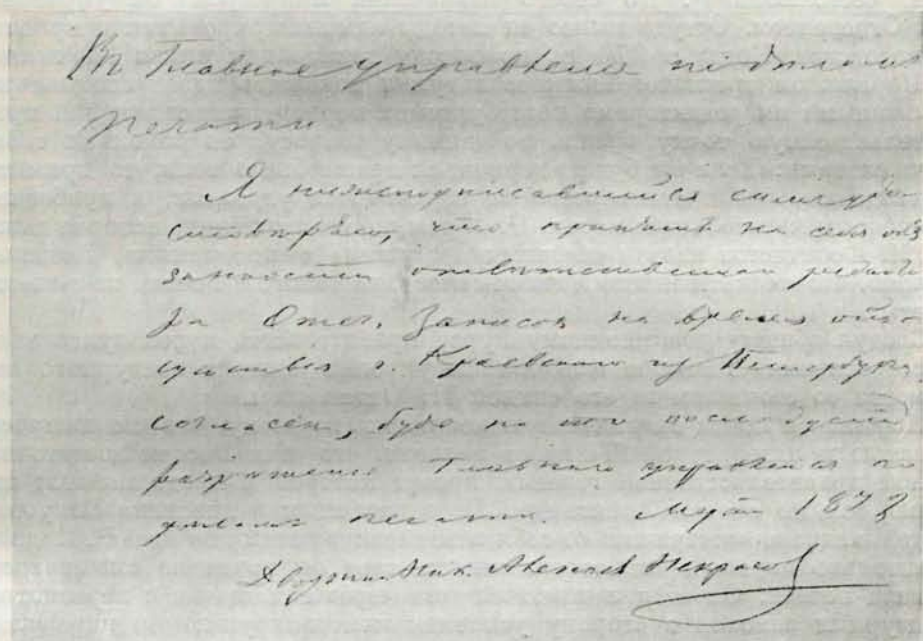
22 марта 1872 г.

(Вверху надпись карандашом:) Ожидать отзывается⁶⁷.

О Бильбасове, по существовавшему порядку, также наводились справки в III Отделении. 23 марта того же года из III Отделения сообщили, что не встречается препятствий к утверждению Бильбасова ответственным редактором «Отечественных Записок» и «Голоса», но что III Отделение не принимает на себя ответственности за будущую деятельность этого лица в звании редактора»⁶⁸.

О дальнейшей судьбе ходатайства Краевского никаких документов больше не удалось обнаружить. Тем не менее оно было очевидно удовлетворено, так как майская книжка «Отечественных Записок» за 1872 г. вышла за подписью В. Бильбасова, как ответственного редактора.

— После 1872 г. вопрос об утверждении Некрасова или кого-либо из членов редакции «Отечественных Записок» ответственным редактором этого журнала, видимо, уже не возбуждался больше. Официальным редактором попрежнему именовался Краевский. Однако Некрасов все же не терял надежды на возможность утверждения его или кого-либо из близких ему лиц редактором своего журнала. Когда в марте 1873 г. он заключил

М. Главное управление по делам
Печати

Я подписавшийся ниже
сметавший, что приняв на себя
задание ответственности редактора
За Отеч. Записок на время отсутствия
Краевского и Краевского из Петербурга
согласен, буду на все время
разрешения Главного управления по
делам печати. Март 1873

Н. И. Цветков

АВТОГРАФ ЗАЯВЛЕНИЯ НЕКРАСОВА В ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПО ДЕЛАМ
ПЕЧАТИ ОТ 6 «8» МАРТА 1872 г.

Исторический архив, Ленинград

очередной контракт с Краевским на продолжение срока аренды журнала еще на десять лет (с 1 января 1874 г. по 1 января 1884 г.), то вновь специально оговорил, что последний «остается и ответственным перед правительством редактором «Отечественных Записок» впредь до того времени, когда представится возможность исходатайствовать у правительства право на гласную передачу обязанностей ответственного редактора «Отечественных Записок» Некрасову, или которому-либо из его товарищей по редакции [гг. Салтыкову и Елисееву], или, наконец, тому лицу, которое Краевский и Некрасов изберут с общего согласия»⁶⁹.

Как известно, условия политической жизни в стране такой «возможности» не представили. В течение девяти лет, вплоть до своей смерти, организатор и руководитель лучшего журнала эпохи и великий поэт оставался на положении негласного редактора своего же издания.

V. «ОСОБЫЕ СООБРАЖЕНИЯ» А. Е. ТИМАШЕВА

Победа крепостнической реакции во второй половине 60-х годов потребовала другой политики и других людей для ее осуществления, чем в только что пережитую пору кризиса самодержавия в условиях революционной ситуации начала десятилетия.

В начале 1868 г. «либеральный» Валуев вынужден был выйти в отставку. Его преемником Александр II назначил генерал-адъютанта А. Е. Тимашева. На период его пребывания на посту министра и приходится в основном работа Некрасова в «Отечественных Записках».

Тимашев был, по словам дневника Валуева, «умен, сердит, односторонен, честолюбив»⁷⁰. До своего назначения министром он управлял III Отделением. Оттуда вынес он методы администрирования и приемы руководства. Когда в 1871 г., по поводу декларации князя Горчакова о Парижском трактате, Тимашев задумал изложить перед специально созванными им редакторами петербургских периодических изданий правительственную точку зрения по данному вопросу, он закончил свою речь словами: «Если вы будете держаться враждебного тона, то примите к сведению, что правительство не ограничится угрозами, а прибегнет к суровым карательным мерам»⁷¹. В том же выступлении, которое даже Е. М. Феоктистов назвал «нелепым», «глупым» и «постыдным», Тимашев заявил, что «общественного мнения самостоятельного в России не существует».

Следуя общему реакционному курсу правительства и пользуясь личными связями, Тимашев еще больше укрепил контакт цензурного ведомства со стоявшим за его спиной III Отделением.

Испытывая почти органическую неприязнь ко всему, что именовалось печатью и литературой (Тимашев полагал, что «для России достаточно одной правительственной газеты», проект которой и представлялся им царю), он, по словам Александра II, записанным в дневнике Валуева, хотел вначале «отстранить от себя заведывание делами печати»⁷². И действительно, первое время своего министерства он почти не вмешивался в дела печати. Он стал заниматься ими через год, начав с пересмотра цензурных законов в сторону усиления контролирующей и карающей власти администрации.

«М<инист>р В<нутренних> Д<ел>, — читаем в записи дневника Валуева от 23 октября 1869 г., — следуя системе не подвергаться неприятности без прямого к тому принуждения, придумал возложить пересмотр или дополнение закона о печати, о чем с 1866 года производится переписка, на особую Комиссию, под председательством особо назначенного от г<осуда>ря лица. Это переложение дела с больной головы на здоровую ген<ерал> Тимашев произвел на следующей белой нитке. Он заявил, что, будучи призван к применению власти, ему неудобно испрашивать ее усиления или расширения... Г<осуда>рь согласился, избрав затем председателя от себя, помимо предлагавшихся ген<ералом> Тимашевым лиц. Выбор пал на князя Урусова, и сего дня должно было состояться по этому предмету высочайшее повеление»⁷³.

Комиссия Урусова должна была свести все действующие постановления о печати в единую систему и внести в нее ясность и полноту. «Опыт показал, — говорилось в «высочайшем рескрипте» Урусову, — что временные правила от 6 апреля 1865 года во многих случаях возбуждают недоразумения и не всегда могут служить достаточно положительным руководством при судебном преследовании»⁷⁴.

В начале 1872 г. Урусов представил проект устава о печати и цензуре, который должен был заменить все действовавшие до этого постановления. Проект предусматривал предоставление больших прав не министру

внутренних дел, а судебным учреждениям. Однако, ссылаясь на то, что в комиссии Урусова высказывалось много иных точек зрения, Тимашев, в своем докладе Александру II 4 февраля 1872 г., представил эти точки зрения так, что проект Урусова был навсегда похоронен. Только для формы и было создано особое совещание под председательством Тимашева, при участии шефа жандармов, управляющего III Отделением и обер-прокурора святейшего синода для согласования этих различных точек зрения.

Уже до этого, 14 января 1872 г., Тимашев вошел с представлением в Государственный совет, в результате чего был издан закон от 7 июля 1872 г., предоставлявший министру внутренних дел право налагать арест на книги и журналы до выхода их в свет, а затем представлять их в комитет министров для окончательного запрещения. В последнем опять сказалось отмеченное Валуевым стремление Тимашева избежать излишних нападков на себя общества и переложить ответственность за свои действия на комитет министров.

Через год, 16 июля 1873 г., было утверждено новое Положение. Министру внутренних дел предоставлялось право воспрещать оглашение или обсуждение в бесцензурной прессе и во всех вообще изданиях того или иного вопроса и приостанавливать на 3 месяца периодические издания, нарушившие подобные распоряжения.

Таким образом, к концу 1873 г. Тимашев, независимо от права судебного преследования, пользовался столь обширными административными правами, что мог вполне обходиться без помощи суда. Фактически это означало дальнейшее и очень значительное усиление произвола и бесправия печати. По словам Е. М. Феоктистова (в письме к П. В. Анненкову от 24 января 1872 г.), Тимашев все же продолжал твердить, что он «все еще недостаточно вооружен властью для борьбы с литературой»⁷⁵.

Однако, несмотря на проведенное законодательное усиление репрессивного механизма цензурной власти, Тимашев в своей практической деятельности уже не был в состоянии проводить линию прямолинейно-разгромной борьбы с «нежелательной прессой». Так же, как Валуев, он вынужден был считаться с неизбежностью существования оппозиционной печати в условиях широко распространенных в стране настроений недовольства и политического протеста. И так же, как Валуев, он был озабочен уже не ликвидацией «неблагонамеренной литературы», что признавалось практически неосуществимым, а возможной локализацией и нейтрализацией ее «разрушительных тенденций».

В условиях начинавшегося «второго демократического подъема» (Ленин) в России и роста революционного подполья в стране, политика Тимашева, насколько можно судить по приводимым ниже материалам Главного управления по делам печати, склонна была рассматривать «Отечественные Записки», сосредоточившие вокруг себя значительную часть идейных сил революционного протеста в стране, как «наименьшее зло», как своего рода «клапан», дающий легальный и потому контролируемый выход для части этих сил. Предполагалось, что закрытие этого «клапана» (возможно, в этом смысле и употребил это выражение Валуев в цитированном выше документе) должно было повести к значительному усилению подпольной антиправительственной литературы и к увеличению и обострению оппозиционных выступлений во многих периодических изданиях, по которым бы «разбрелись» литературные силы ликвидированных «Отечественных Записок».

Трудно сказать, за отсутствием документальных данных, насколько ясно сознавал и формулировал такую тактику сам Тимашев (вспомним еще раз указание В. И. Ленина, что отдельные члены правящей клики

самодержавия могли, по своей ограниченности, не задумываться над реакционно-охранительной тактикой «полицейского футляра», но что «коллективный опыт и коллективный разум правящих заставлял их неуклонно преследовать эту тактику...»⁷⁶). Но она достаточно отчетливо зафиксирована и в резолюциях самого министра на журналах заседаний Совета и в выступлениях отдельных членов Совета — проводников политики правительства в области печати и литературы.

Наиболее рельефно выразил политику и тактику самодержавия в отношении оппозиционной печати и ее основного органа — «Отечественных Записок» — Ф. М. Толстой. Он сделал это в своем выступлении на заседании Совета Главного управления по делам печати 19 октября 1871 г., на котором обсуждалось «Недавнее время» Некрасова и другие материалы 10-й книжки «Отечественных Записок».

Выступая в защиту некрасовского журнала, которому грозило предостережение, Толстой умело использовал для этих целей аргументы и соображения, заимствованные из арсенала литературной политики и тактики самих властей.

«Журнал «Отечественные Записки», — заявил Толстой, — есть неминуемое последствие закона 6 апреля 1865 года. Нельзя было не ожидать, что у нас не образуются так называемые оппозиционные органы печати.

Это предвидел законодатель, включив в закон 6 апреля 16-й пункт IV главы, дозволяющий обсуждение целого законодательства и опубликованных правительственных распоряжений, с условием, чтобы только не оспаривалась обязательная сила законов и не употреблялись бы выражения, оскорбительные для установленных властей. Следовательно, критическое воззрение на правительственные распоряжения и на положение страны, подчиненной этим распоряжениям, дозволено с условием не оспаривать обязательной силы законов и не оскорблять властей. Поэтому обязанность наша строго наблюдать, чтобы печать не выходила из указанных пределов, но мы не можем остановить то, что дозволено законом, т. е. закрыть рот оппозиционной прессе.

Гофмейстер Толстой сознает, что эти беспрестанные нарекания и нередко ложные изветы раздражают и затрудняют администрацию, но карать можно только тех публицистов, которые выходят из пределов закона. Таким образом, в течение последних двух лет «Отечественные Записки» с ныне обсуждаемым <десятым> номером <за 1871 г.> включительно ни на волос не изменили своего направления. Оно осталось так же оппозиционно, так же неодобрительно, так же заносчиво, как и прежде, но положительно вредным гофмейстер Толстой его не находит, потому что несравненно зловреднее было бы, если бы литературные силы, открыто подвизающиеся ныне в «Отечественных Записках», укрывались бы в подпольной литературе. Удерживать «Отечественные Записки» в пределах благоразумия возможно еще, так как редакция подчиняется иногда советам и указаниям, чему служат свидетельством десятки статей, выключенных из заготовленных уже номеров журнала, но обесцветить совершенно «Отечественные Записки» невозможно и даже, можно сказать, не совсем политично по выше сказанным причинам.

Предостережение уменьшит, конечно, на некоторое время задор «Отечественных Записок», но это только до окончания подписки, а с января месяца журнал этот примет прежний тон. Конечно, администрация во всякое время может покончить с периодическим изданием, но тогда куда же деваться шести или семи тысячам подписчикам на «Отечественные Записки». Они набросятся на «Дело» или на «Вестник Европы», а сей

последний несравненно злореднее «Отечественных Записок», потому что журнал этот тонким и иносказательным образом подкапывается под основные начала нашего государственного устройства»⁷⁷.

Неожиданное, на первый взгляд, указание на ббльшую, чем «Отечественных Записок», «злоредность» либерального «Вестника Европы» должно быть понято, как употребленный Толстым ловкий ход в защиту некрасовского журнала, основанный на одном «конъюнктурном» эпизоде. Всем членам Совета было, разумеется, хорошо известно, что тогда как «Отечественные Записки» не навлекли на себя к этому времени еще ни одной крупной цензурно-административной кары, — декабрьская книжка «Вестника Европы» за 1870 г. была арестована за статью Пыпина о последних годах Александра I, возбудившую недовольство самого царя.

В продолжавшемся обсуждении председательствующий в Совете Главного управления по делам печати М. Р. Шидловский «выразил совершенное свое несогласие с мыслью, высказанною гофмейстером Толстым, о необходимости будто бы правительству оставить прибежище оппозиционным писателям в одном журнале и терпеть их выходки, чтобы не преследовать их разрозненные силы в разных изданиях: такой прием был бы несовместим с достоинством правительства, показывая его бессилие в борьбе с враждебными ему элементами».

«Оппозиционное направление при нашем строе государственном, — заявлял далее Шидловский, — не может иметь места; могут быть вредные, противоправительственные партии, и их должно преследовать, хотя бы они и не затрагивали явно основных начал нашего государственного права. Если правительство в отношении к «Отечественным Запискам» не принимало доселе никакой меры, то без сомнения это единственно

ДОМ ЛАВАЛЯ НА АНГЛИЙСКОЙ НАБЕРЕЖНОЙ В ПЕТЕРБУРГЕ

Здесь жил декабрист С. П. Трубецкой

Дом описан в поэме Некрасова «Княгиня Трубецкая»

Фотография 1940 г.

в надежде, что направление этого журнала исправится и изменит свой вредный характер. Этого исправления, как Совет может усмотреть из предшествовавшего перечня статей, не видно, и потому Совету надлежит, наконец, вступить в свои права и определить ту меру взыскания, какой должен подвергнуться журнал»⁷⁸.

После столь определенного выступления своего непосредственного начальника другие члены Совета поспешили присоединиться к нему и признали, что направление и характер «Отечественных Записок» уже достаточно определились и что «журнал в совокупности статей, помещенных на его страницах, выражает столь вредное отрицательное направление, которое долее не может быть терпимо»⁷⁹.

Однако к единой точке зрения на заседании Совета его участники все же не пришли.

Большинство членов Совета (председатель и пять членов) полагает, — записано в протоколе, — объявить журналу «Отечественные Записки» первое предостережение. А меньшинство (два члена) полагает принять указанные статьи к сведению, как определяющие вредное направление журнала»⁸⁰.

Шидловский, незадолго перед тем приехавший из Тулы, где он был губернатором (и в этом качестве — начальником Салтыкова), в цензурном ведомстве был человеком случайным и не соответствующим по своей негибкости и ограниченности новым требованиям правительства. Это был администратор «старой школы». На литературу он смотрел вполне глазами щедринского «помпадура». Выразительную характеристику Шидловскому в этом отношении дает следующая, еще не бывшая в печати, запись из дневника В. М. Лазаревского.

«Говорят, — читаем в этом дневнике под 23 февраля 1871 г., — что Тимашев, как бы в доказательство, что он не совсем глуп, изрек следующее: «Г. Шидловский тем только и замечателен, что во всю жизнь свою ни разу не сказал либерального слова».

Сегодня он сказал, это слово <...>. В горячих и продолжительных прениях с Шидловским на заседании Совета Главного управления по делам печати (по поводу передовой в подцензурной газете «День» — еженедельнике Об-ва распространения просвещения между евреями, издав. в Одессе) Ф. И. Тютчев заметил между прочим: «Для чего литература и печать, если отрицать значение ее заявлений?».

«Для забавы, для забавы! — крикнул не своим голосом Шидловский. — Для того, чтобы людям, которым нечего делать, было что читать. Другого значения литература и вообще печать не имеют!».

Все умолкли. Многие поотодвинулись на своих креслах от стола <...> (Были у меня по этому случаю Некрасов и Салтыков)»⁸¹.

Не случайно именно Шидловский послужил Щедрина живой моделью для гротескного образа градоначальника с «органчиком» в голове в «Истории одного города». Подобно этому сатирическому герою Шидловский имел в арсенале своего администрирования лишь два средства: «не потерплю» и «раззорю». Как сановный бюрократ старой формации он не мог «вместить в себя» самой мысли о возможности какой-либо оппозиции в печати, литературе или в какой-либо другой области русской жизни. И подобно тому как решительно пресекал он, будучи губернатором, малейшие проявления недовольства и протеста в руководимой им губернии, подобно этому намеревался он «пресечь» и «зловредные» «Отечественные Записки». Тонкостей и новшеств усложнившейся политики и тактики правительства он не понимал, признавая, по выражению того же В. М. Лазаревского, лишь «прямую борьбу в лоб». Несомненно, по этой причине Шидловский и оказался на своем посту начальника Главного управления по делам печати «калифом на час». Он занимал этот пост менее года.

Под давлением Шидловского большинством членов было решено объявить «Отечественным Запискам» предостережение. Заготовленный текст предостережения, вместе с журналом заседания Совета, был представлен на утверждение министру Тимашеву.

Однако Тимашев, вместо того чтобы утвердить предостережение (оно объявлялось от имени министра) и этим самым подтвердить предложенную Шидловским прямолинейную борьбу правительства с оппозиционной литературой, согласился «п о о с о б ы м с о о б р а ж е н и я м» с мнением меньшинства.

Но при этом он решительно высказался против предварительного чтения материалов «Отечественных Записок» членом Совета Ф. М. Толстым.

В своей резолюции на журнале заседания Совета Тимашев писал:

«Вполне соглашаясь с мнением большинства о вредном направлении журнала «Отечественные Записки», я нахожусь, однако ж, к крайнему моему сожалению, вынужденным, по особым соображениям, ограничиться и на этот еще раз принятием последней книжки упомянутого издания к сведению для определения его направления; но вместе с тем прошу г-на заведывающего Главным управлением по делам печати объяснить г. г. членам Совета о совершенном неудобстве того способа наблюдения, которому были подвергаемы «Отеч. Записки», редакция которых, как мне известно, считала себя вполне огражденною от законной ответственности, так как статьи, ею помещенные, были предварительно одобрены наблюдавшим членом Совета...— 24 окт. 1871 г.»⁸².

После такой резолюции министра, вызванной отчасти промахом негласного цензора, допустившего напечатание «оскорбительных» для Тимашева некрасовских стихов о «генерал-адъютанте» в «Недавнем Времени», Толстой вынужден был подать в отставку.

Употребленное Тимашевым выражение «о с о б ы е с о о б р а ж е н и я» заслуживает внимания. В данном случае эти «особые соображения» министра спасли «Отечественные Записки» от неминуемой, казалось, тяжелой кары «предостережения». Но оказывается, что это не единичный случай. В другой раз те же «особые соображения» Тимашева отвели от некрасовского журнала угрозу ареста очередного номера и возбуждения судебного преследования против редакции. Материалы, относящиеся к этому эпизоду, таковы.

В февральской книжке «Отечественных Записок» за 1871 г. была помещена статья «Фердинанд Лассаль» В. А. Зайцева (?), укрывшегося за псевдонимом М. М. Статья появилась вскоре после того, как 2-й том русского издания сочинений Лассалья был подвергнут судебному преследованию. Петербургский цензурный комитет забил тревогу. В Совете Главного управления также считали, что «трудно предположить, чтобы редакция «Отечественных Записок» не знала о том, что второй том сочинений Лассалья подвергнут судебному преследованию».

Статье М. М. придавалось еще большее значение в связи с тем, что в «том же номере журнала помещена другая статья, под заглавием «Сельские фарфоровые заводы», сама по себе не имеющая ничего предосудительного, но при сопоставлении со статьей о Лассале приобретающая тенденциозный характер»⁸³.

На заседании Совета, посвященном обсуждению инцидента, большинство присутствовавших (председатель и шесть членов) считало нужным, как записано в протоколе, «возбудить судебное преследование против редакции журнала по статьям 1036 и 1037 Улож. о Наказаниях, с предварительным наложением ареста на номер журнала и применением к указанной статье ст. 1045 Улож. о Наказаниях, а меньшинство — три члена — полагают: предварительно принятию этой меры предложить через председателя С.-Петербургского цензурного комитета редактору журнала

исключить означенную статью, а один член — преследовать редакцию, если до истечения срока выхода номера журнала она сама не заявит желания исключить означенную статью»⁸⁴.

Утверждая журнал Совета, Тимашев сначала согласился с решением большинства, но через три дня изменил свое решение. Вслед за краткой резолюцией на журнале: «Вполне согласен с большинством. 17 февраля 1871 г.», последовала пространная резолюция, написанная неуклюже канцелярским и достаточно безграмотным языком:

«Вследствие просьбы редактора Краевского и принимая в соображение, что на основании решения Уголовного Кас<сационного> Депар<тамен-та> Прав<ительствующего> Сената по делу о сочинениях Писарева за невыпуском книги в свет, должен ограничиться по о с о б<ы м> с о о б р<аж е н и я м> уничтожением уличенной статьи: разрешаю, по исключении статьи «Биография Лассала» и уничтожением оной, выпустить книгу в свет. — 20 февраля 1871»⁸⁵.

Приведем, наконец, еще один случай, когда «особые соображения» министра спасли «Отечественные Записки» от суровой кары, на этот раз от второго предостережения.

Незадолго до отставки Тимашева в Совете Главного управления дебатировался вопрос о четвертой книжке «Отечественных Записок» за 1877 г. Цензор Еленев сделал заявление о трех статьях этой книжки:

1) О рассказе Н. Н. Златовратского «Золотые сердца», который, по определению Еленева, «написан на одну из излюбленных тем нашей передовой литературы (особенно со времени романа Чернышевского «Что делать?»): представить в самом привлекательном и героическом виде типы так называемых новых людей, т. е. людей, относящихся враждебно ко всему существующему порядку и замышляющих некое «общее дело», под которым обыкновенно разумеется упразднение этого порядка».

2) Об анонимной статье С. Н. Кривенко «Физический труд как необходимый элемент образования», которая признавалась Еленевым (ошибочно приписывавшим статью Н. К. Михайловскому) вредной потому, что автор «ни к селу ни к городу пускается в развитие известной социалистической теории о том, что как в древности, так и в настоящее время устройство гражданских обществ основано единственно на том, что высшие правительственные классы посредством силы или обмана овладевают трудом низших рабочих классов».

3) Об очерке Г. Иванова «Глеба Успенского» «Из памятной книжки», в котором, по определению Еленева, «обращает на себя внимание крайне тенденциозное описание той подавленности, страха и безнадежности, под которыми будто бы стонало русское общество в конце 30-х и начале 40-х годов».

В заключение Еленев, «находя, что все три указанные статьи обнаруживают вредное направление журнала, которое было замечено в предыдущих книжках того же журнала, полагал объявить ему предостережение».

При обсуждении вопроса к общему решению члены Совета не пришли. Мнения разделились. В протоколе записано: «...Большинство членов Совета (председательствующий <В. В. Григорьев> и шесть членов) полагают: объявить журналу... второе предостережение, а меньшинство (четыре члена) полагают: записать об означенных статьях в журнал заседания»⁸⁶.

Казалось, что вновь предостережение было неминуемо. Но и на этот раз, подписывая журнал Совета, Тимашев не утвердил предостережения. Текст его резолюции гласил: «Ввиду особых соображений по настоящим обстоятельствам нахожу возможным согласиться с меньшинством. — 27 апреля 1877»⁸⁷.

В резолюциях на журналах заседаний Совета Главного управления по делам печати Тимашев в течение семи лет неоднократно употреблял выражение «п о о с о б ы м с о о б р а ж е н и я м». Причем эти слова встречаются только в его резолюциях, касающихся «Отечественных Записок», и всегда являются в них мотивировкой отказа санкционировать предлагавшиеся Советом карательные меры против журнала.

Являлись ли «особые соображения» Тимашева одним из конкретных проявлений сознательно проводимой им тактики «полицейского футляра»? «Щадил» ли он несомненно ненавидимый им некрасовский журнал потому, что действительно опасался с закрытием его попасть из «огня» легальной оппозиционной литературы в «полюмя» революционной подпольщины? Или его «особые соображения» вызывались еще и другими какими-либо обстоятельствами? — На эти вопросы мы не можем еще дать вполне определенных и обоснованных ответов.

С одной стороны, несомненно, в свете всего вышесказанного, что Тимашев, как и Валуев, вынужден был применять в своей борьбе с революционным движением и его литературно-пропагандистским выражением не только политику устрашений и репрессий, но и охарактеризованную Лениным тактику «либеральных» уступок в «полицейском футляре». Правда, по своим взглядам и убеждениям Тимашев лично вряд ли симпатизировал этой тактике. Но не забудем, что десятилетием позже даже сам «министр борьбы» гр. Д. А. Толстой, который ненавидел газету «Голос», долго не отваживался закрыть ее, так как, по свидетельству Е. Феоктистова, «ему казалось, что «Голос» служит органом какой-то чрезвычайно сильной партии и что если нанести ему удар, то чуть ли не произойдет бунт». При этом Феоктистов добавляет: «Такую же боязливость высказал он и по отношению к «Отечественным Запискам»⁸⁸.

С другой стороны, вполне допустимо предположение, что «особые соображения» Тимашева возникали как непосредственный результат использования Некрасовым или Щедриным в нужный момент их связей с «сильными мира сего». А к Тимашеву у них был «ход» через близко стоявшего к нему Лазаревского. Из воспоминаний того же Феоктистова, а также из письма самого Щедрина к Краевскому мы знаем, что Д. А. Толстой не предпринимал решительных шагов против «Отечественных Записок» отчасти и «по старому товариществу» (лицейскому) с сатириком, несмотря на то, что «в течение долгого ряда лет этот журнал усердно занимался... проповедью социалистических учений и пользовался большим почетом среди самых отъявленных врагов существовавшего порядка вещей»⁸⁹.

Но так или иначе, «особые соображения» Тимашева в конечном счете являлись объективно одним из конкретных выражений все той же охарактеризованной Лениным охранительно-реакционной тактики самодержавия, которое вынуждено было идти в своей борьбе с революционным движением в стране на известные уступки и вместе с тем стремилось облечь их в «полицейский футляр» и тем обезвредить.

VI. ТАКТИКА НЕКРАСОВА

«Отечественные Записки», как и сам Некрасов, находились «вечно под судом» самодержавной власти. Опасности и беды цензурно-административных преследований подстерегали каждую очередную книжку журнала. «В отношении «Отечественных Записок», — писал Щедрин, — принято совершенно особое правило — не давать предостережений, а прямо арестовывать номер и предавать сожжению. Понятно, сколько змеиной мудрости требуется, чтобы издавать журнал при наличии постоянной угрозы в этом духе. Понятно также, какое необходимо здоровье физическое,

чтобы кипеть в этом котле... Я положительно убеждаюсь, что не гожусь для такой деятельности, и ежели Некрасов умрет, то не знаю, как и поступить»⁹⁰.

«Змеиная мудрость» Некрасова заключалась в том, что он умел не только разгадывать в каждый данный момент тактику и намерения своего противника — самодержавия, но, исходя из их понимания, вырабатывать и противопоставлять им свои собственные тактику и приемы борьбы. При этом обладая своим превосходным знанием политического быта и самой психологии самодержавия и его слуг, Некрасов замечательно искусно нащупывал и использовал в своих целях все слабые стороны и промахи противника.

Так было и при организации «Отечественных Записок», когда Некрасов поставил перед собой, казалось вовсе неосуществимую, задачу — возродить через 1½—2 года после выстрела Каракозова «крамольный» «Современник». Вряд ли можно сомневаться, что Некрасов, при его связях и информированности о всех закулисных делах и намерениях правительства в области печати, не знал о подлинных мотивах, по которым министр Валуев дал свое согласие на журнал. Некрасов должен был знать это, хотя бы от того же Ф. М. Толстого, с которым был достаточно близок. Можно не сомневаться, что в переговорах с властями Некрасову и официально были поставлены определенные условия или требования: правительство разрешает оппозиционный журнал с условием, что Некрасов обязуется в нем сдерживать оппозиционные силы литературы в определенных, дозволенных законом границах. И Некрасов должен был, конечно, «обещать» Валуеву, Мезенцову и Шувалову «выполнять» это условие. Здесь, как и во многих других случаях, Некрасову приходилось использовать обычную «военную хитрость» и внушать противнику ложные представления, дезориентировать представителей самодержавной власти и «убеждать» их в своей «благонамеренности». И мы знаем, что Некрасов достиг многого этим своим искусством.

Антонович, говоря о «Современнике» и характеризуя руководящую редакторскую работу в нем Некрасова, вспоминал:

«А между тем, Некрасов в не литературной, но начальственной относительно литературы сфере распространял и поддерживал такое убеждение, что он не принимает никакого участия в редактировании журнала, что он интересуется журналом только с материальной стороны, что его сотрудники что хотят, то и делают, без его ведома и согласия. И такое убеждение, действительно, держалось в этих сферах. Одна особа сказала однажды Некрасову: «Мы знаем, что Вы — человек вполне благонадежный, что Вы сами ни в чем неповинны, но что всё неодобрительное творит Ваш главный штаб, и вся Ваша вина только в том, что Вы дали полную волю Вашему штабу, вовсе не смотрите за ним; поэтому советую Вам...» и т. д. Так мало осведомлена была особа об истинном положении дела; она не знала и не воображала, что в этом главном штабе почти главную роль играл сам же Некрасов»⁹¹.

Реакционно-охранительной и провокационной тактике «полицейского футляра», проводившейся Валуевым — Тимашевым, Некрасов противопоставил свою тактику. Она неизменно выводила революционно-демократическую литературу из всех сооружаемых властями вокруг нее «полицейских футляров» и капканов, держала передовую мысль и ее журнальные органы в идейно-политической независимости и чистоте и конкретизировалась в таких, например, фактах, как появление в «Современнике» «Что делать?» Чернышевского, уже арестованного властями, или постоянное сотрудничество в обоих некрасовских журналах не только оппозиционно-демократических писателей, но и многих профессиональных революционеров эпохи. Общие же результаты применявшейся Некрасовым

тактики борьбы с «полицейским футляром», давшей ему возможность длительного сохранения журнальной трибуны для самого передового общественно-политического течения русской мысли той эпохи, общеизвестны.

Один из основных приемов тактики борьбы Некрасова за журнал был построен на использовании средства, первоначально введенного в цензурную практику самими властями. Речь идет о негласном, неофициальном контакте с руководящими чиновниками цензурного ведомства. Рекомендуя это средство, Валуев, как мы знаем, рассчитывал при его помощи оказывать «давление» и «осуществлять постоянное присутствие» и руководство цензурной власти в области литературы. Но практика «надпечатного», по выражению Валуева, вмешательства цензурных властей в дела «Отечественных Записок» была обращена Некрасовым против самих властей.

Приемы и методы, при помощи которых Некрасов устанавливал и поддерживал «дружбу с чиновниками» цензурного ведомства, достаточно известны. Некрасов называл царскую цензуру «гнусным ведомством». Это был враг, с которым он находился в состоянии постоянной, напряженной борьбы. «Для каждого времени, — писал о Некрасове Г. З. Елисе-ев, — является «свой муж потребен». Герой тот, кто понял условия битвы и выиграл победу». «Условия битвы», соотношение сил не позволяли небольшому отряду русской революционной демократии 60—70-х годов, в передовой шеренге которого вел бой Некрасов, открыто штурмовать непоколебленные еще твердыни самодержавия. Борьба с врагом в этих условиях требовала маневрирования, сложных обходных движений «прикармливания зверя». Все это широко и применял Некрасов в своей борьбе с царской цензурой. Однако было бы неправильно полагать, что такие приемы и средства борьбы являлись индивидуальной тактикой Некрасова. Это была тактика группы единомышленников, тактика редакции «Отечественных Записок», одобрявшаяся Щедриным, Елисеевым и Михайловским и продолжавшаяся и после смерти Некрасова.

Возможность и успешность применявшихся Некрасовым методов использования крупных царских чиновников для «охранения» своего журнала находит себе объяснение в общих условиях политического быта самодержавия. Его государственный аппарат не являлся в эту пору идейно и организационно целостным орудием власти, не был вполне верной и надежной «опорой трону», которому служил. Элементы недоброжелательства, критики и скептицизма, а наряду с этим беспринципность, льстивость перед начальством, склонность к коррупции всех видов и форм, существовали во всех звеньях и прослойках царской бюрократии, свидетельствуя, уже для этой эпохи, о далеко зашедшем разложении исторически умиравшего русского абсолютизма. Активное участие многих министров и сановников Александра II, как и самой царской семьи, в безудержной вакханалии антигосударственного хищничества, в пору российского грюндерства 60—70-х годов («железнодорожная горячка») — один из немногих хорошо известных тому примеров.

Более конкретные для нашей темы, но не менее выразительные иллюстрации к сказанному мы находим в неизданном дневнике В. М. Лазаревского — члена Совета министра внутренних дел и Главного управления по делам печати, о характере деловых и личных отношений с которым Некрасова мы будем говорить ниже. Характеристики Лазаревского тем более интересны и объективно ценны, что они, во-первых, относятся непосредственно к тем представителям власти (цензурной), с которыми Некрасов как редактор и литератор больше всего имел дело, и что, во-вторых, эти характеристики и оценки принадлежат хорошо осведомленному человеку и даны с полной откровенностью интимно-дневниковых записей, не рассчитанных на оглашение.

Вот несколько отрывков, относящихся к периоду с конца 60-х по начало 80-х годов (годовые даты отсутствуют в рукописи):

О М. Н. Турунове — председателе С.-Петербургского цензурного комитета (1864—1865), члене Совета министра внутренних дел и Главного управления по делам печати (с 1866 г.), начальнике отдела перлюстрации («черного кабинета») III Отделения, сенаторе:

«21 декабря <1869—1872?>. Сегодня Некрасов сообщил мне чрезвычайные любопытные сведения о Турунове. Оказывается, что Некрасов дал ему деньги на поездку летом за границу.

— То-есть занял? — спрашиваю я.

ПОТЕРЯ РУКОПИСИ.

В воскресенье, 3 февраля, во втором часу дня, проѣздомъ по Большой Конюшенной отъ гостиницы Демута до угольного домъ Капгера, а оттуда чрезъ Невскій проспектъ, Караванную и Семеновскій мостъ до дома Краевскаго, на углу Литейной и Бассейной, оброненъ свертокъ, въ которомъ находились двѣ прошнурованныя по угламъ рукописи, съ заглавиемъ: ЧТО ДѢЛАТЬ. Кто доставитъ этотъ свертокъ въ означенный домъ Краевскаго, къ

Некрасову, тотъ получитъ **ПЯТЬДЕСЯТЬ
РУБ. СЕР.**

2018

ОБЪЯВЛЕНИЕ НЕКРАСОВА О ПОТЕРЕ РУКОПИСИ «ЧТО ДѢЛАТЬ» ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Объявление было помещено в «Ведомостях С.-Петербургской городской полиции»
5, 6 и 7 февраля 1863 г.

— Какое занял! Просто дал 1500 рублей.— Но вчера, — продолжал он, — представьте, этакое свинство, он опять просит 1500 рублей, — иначе не может давать вечеров. Я отказал, т. е. не отказал совсем, а обещал, когда уплатит мне долг барон Врангель.

Турунов — порядочная скотина, но все-таки я не думал, что Некрасов просто платит ему, чтобы быть спокойным от III Отделения и от цензуры.

Кстати, как-то Валуев (когда я управлял Департаментом Общих дел) спрашивает меня:

— Как, по вашим замечаниям, давно уже началось у Турунова разжижение мозга?

А вывел в сенаторы».

О Ф. Н. Еленеве (Скалдине) — цензоре С.-Петербургского комитета в 60-х годах, члене Совета Главного управления по делам печати и одновременно авторе известных очерков «В захолустье и в столице», печатавшихся в «Отечественных Записках» за 1867—1869 гг.:

«10 июня Я. Еленев заявил в Совете, что в силу того, что он был цензором, он ничего не брал от журналистов, так что когда однажды предложили ему папиросу, то он отказался, высказав это убеждение.

Иллюстрация к сему. Еленев, под именем Скалдина, печатал в «Отечественных Записках» большое сочинение, изданное после отдельной книгой. Получал д в о й н у ю п л а т у за листы. Оттиски получал д а р о м. Книгу эту изъяс после их продажи и усиленно, недостойно, глупо стал после, при всяком случае, ругать «Отечественные Записки», глумиться над ними и т. п.»

О П. А. Вокаре — члене Совета Главного управления по делам печати:

«Вокар — сортир, в который испражняется цензура.

В одно из заседаний Совета Феоктистов наклоняется ко мне (мы сидели об руку) и шепчет:

— Ведь вот Вокар — уж на что болван и скотина, а, подите, как дела свои обделывает».

О Г. П. Данилевском — члене Совета Главного управления по делам печати, известном историке-романисте:

«26 ноября <1885 г.> состоялось первое предостережение Ив. Серг. Аксакову за статью о русской дипломатии, в 21-м номере «Руси» <...>. Когда, по очереди, пришлось подписывать протокол Григ. Данилевскому, то сей архи-брехунец заржал жеребенком:

— Ах, с каким наслаждением я подписываю на этом протоколе свое имя».

Галерея образов и характеристик ближайших соратников Лазаревского по долголетней работе в высшем цензурном органе царизма завершается таким «групповым портретом», включающим и самого автора:

«Цензоры — блюстители нравов. Следовательно, мы — члены Совета (цензоры по преимуществу) — должны быть люди безукоризненно нравственные и, как нарочно, — все мерзавцы. И оттого — постоянное трогательное единогласие».

И дальше — как вздох сожаления об утраченных моральных устоях самодержавной власти и ее слуг — апелляция к главному идеологу феодально-дворянской реакции в России начала века:

«<А. С.> Шишков отличался неподкупной честностью убеждений. «Необходимо, — говорил он, — чтоб цензура составлена была из немалого круга людей честных, ученых, благородных. Надо, чтобы они были умные и осторожные».

Лазаревский констатирует этой записью, что всех этих качеств уже не имел современный ему цензурный аппарат полицейско-крепостнического государства и что больше всего отсутствовала среди высших «блюстителей нравов» именно «неподкупная честность убеждений».

На том участке русской освободительной борьбы, на котором действовал Некрасов со своим «штабом» (выражение в одном из жандармских донесений о поэте), цензурно-охранные силы самодержавия и реакции были его непосредственным, прямым противником. Именно цензурный аппарат самодержавия ближайшим и конкретнейшим образом противостоял всей литературно-общественной, а тем самым и политической активности Некрасова и тому делу, на службу которому эта активность была отдана. Не следует, однако, думать, на основании приведенных свидетельств Лазаревского, что в той постоянной войне, которую вел Некрасов с цензурой, он имел дело с противником, уже в значительной мере дезорганизованным и нестойким. При всей той гнили, которую таили в себе высшие сановно-бюрократические сферы самодержавия, государственный аппарат царизма, включая и цензурную власть, был хорошо организованной и грозной силой. Разбить и уничтожить эту силу было дано лишь Великой Октябрьской революции. В эпоху же подготовки и созревания сил русской революции радикальные демократы 60—70-х годов, ведя тяжелую, неравную борьбу с «чудищем царизма» (Герцен), должны были создать особые тактику и формы этой борьбы.

VII. Ф. М. ТОЛСТОЙ

Феофил Матвеевич Толстой (1809—1881), или «Феофилка», как его обычно называли в кругу редакции «Отечественных Записок», был первым по времени влиятельным членом Совета Главного управления по делам печати, использованным Некрасовым для неофициальной защиты журнала в этой высокой цензурной инстанции.

Композитор-дилетант, неудачливый беллетрист и музыкальный критик (под псевдонимом Ростислав) и, вместе с тем, сановник, обладатель придворного чина гофмейстера, Ф. Толстой подвизался на цензурном поприще уже давно. Контакт с ним как с представителем цензурной власти Некрасов установил еще в пору «Современника». Именно от Ф. Толстого, и тогда уже бывшего членом Совета Главного управления по делам печати, впервые узнал Некрасов о грозивших его журналу в 1866 г. бедах. Через него же пытался поэт спасти положение, понудив Толстого, уже после постановления комиссии Гагарина о прекращении «Современника», написать протест по этому поводу министру внутренних дел⁹².

Начиная издание нового журнала и сразу же создавая систему его «охранения» от цензуры, Некрасов должен был вспомнить о Толстом. И действительно, в конце 1867 г. Некрасов вступил с ним в переговоры. Об этом свидетельствует краткое письмо Некрасова к Толстому от 23 октября 1867 г., в котором сказано: «Мне и должно, и желательно, и нужно побывать у Вас, что, наконец, и исполню завтра же часу в 1-м»⁹³.

Вероятно, на этом свидании и была достигнута принципиальная договоренность о сотрудничестве Толстого в деле «охранения» журнала. При этом, для усиления эффективности такого сотрудничества, Толстой, возможно по совету Некрасова, принял на себя обязанности официально наблюдающего за «Отечественными Записками» члена Совета (все издания были «прикреплены» к определенным членам Совета), что должно было придавать его мнениям о журнале, заявляемым на заседаниях, большую авторитетность. Однако, если судить по выступлениям Толстого в Совете, относящимся к 1868 г., то создается впечатление, что «защищать» «Отечественные Записки» он стал не сразу, а лишь с конца года, что, однако, могло быть приемом своего рода конспирации (от властей) установленной им деловой связи с редакцией некрасовского журнала.

В переговорах с Ф. Толстым принимал, со своей стороны, участие и Краевский. С Толстым у него уже существовало давно налаженное сотрудничество по «охранению» газеты «Голос».

Сохранилась записка Толстого к Краевскому, в которой он, приступая к негласному «домашнему» цензурованию «Голоса» в 1867 г., как бы определяет круг своих обязанностей и возможностей в принятых им на себя перед издателем-редактором газеты обязательствах.

«Вам известно, вероятно, различие, — писал Толстой, — существующее между обязанностями члена Совета Главного Управления и обязанностями цензора. Цензор отвечает перед Советом за одобрение или за неодобрение просматриваемой корректуры (в подцензурных изданиях); мнение члена Совета имеет законную силу только в совокупности мнений других членов и по утверждении журнала министром.

Следовательно, просматривая в угождение Вам корректуру, я принимаю на себя роль цензора, но прошу Вас иметь в виду, что в настоящем случае я снимаю с себя всякую ответственность и действую только как частное, совещательное лицо, а не как член Совета»⁹⁴.

«В угождение» Краевскому, расплачивавшемуся за это высокими гонорами за музыкально-критические статьи Ростислава и за заведывание им музыкальным отделом в «Голосе», Толстой с 1869 г. берет на себя

также предварительный, неофициальный просмотр и статей «Отечественных Записок», т. е. становится «домашним цензором» при редакции журнала.

Первым из сохранившихся документов, свидетельствующим о начавшемся сотрудничестве, является письмо Ф. Толстого к Краевскому от 5 июля 1869 г., в котором читаем:

«Благодарю Вас за доверие и пользуюсь им на благо общего нашего дела, т. е. для постепенного и безмятежного развития свободного слова.

В настоящую минуту я «калиф на час» и потому я должен был оставить надзор за О<течественными> З<аписками> за наблюдающим временным членом; вследствие этого отметки и сокращения, которые сделаны в отписках с Вашего дозволения, сделаны нами с общего согласия.

Как ни ненавистен «красный карандаш» — это цензорское орудие, — но, вникнув в наши отметки, Вы, конечно, согласитесь, что тут нет желания о с к о п л е н и я, а только посбавлен излишний з а д о р, от которого страсти возбуждаются, но не удовлетворяются.

Вся суть осталась в неприкосновенности, и потому я в полной надежде, что никто не будет в претензии: на Вас — за Вашу снисходительность и за Ваше доверие, а на н а с — за нашу осторожность, проистекающую от искреннего желания быть полезным общему нашему делу»⁹⁵.

Таким образом, даже будучи «калифом на час», т. е. временно исправляя должность начальника Главного управления по делам печати, Ф. Толстой, отстранив от себя на время свои официальные обязанности наблюдающего за «Отечественными Записками» члена Совета, вместе с тем не прекращал их неофициального цензурования.

Неудачник в литературе и искусстве, хорошо понимавший свою непригодность для писательства и, вместе с тем, всю жизнь тянувшийся к нему, Ф. Толстой, несмотря на свое гофмейстерство и высокое служебное положение, держал себя с «заправскими» деятелями литературы и журналистики, даже такими как Краевский, не только скромно, но даже как-то приниженно. Роль просвещенного и бескорыстного защитника литературы чрезвычайно импонировала ему. И можно ли сомневаться, что Некрасов, с его знанием психологии врага и с его острым практическим умом, умело «играл» на этой «струне», когда являлась необходимость заставить «домашнего цензора» выступить на заседании Совета в защиту журнала. Конечно, Ф. Толстой никогда не переставал быть царским цензором, чиновником «гнусного ведомства». Иногда он до такой степени ревностно оскоплял статьи, что Щедрин кратко обозначал эту операцию выражением: «Феофилка гадит», а Елисеев в трудные для журнала минуты искал утешения в поговорке: «бог не выдаст, Феофилка не съест». И всё же у него была психологически-моральная потребность убедить себя в том, что он выступал в защиту некрасовского журнала из искреннего желания блага литературе: надо было как-то облагородить в своем сознании ту двойную игру, которую вел он в цензурном ведомстве.

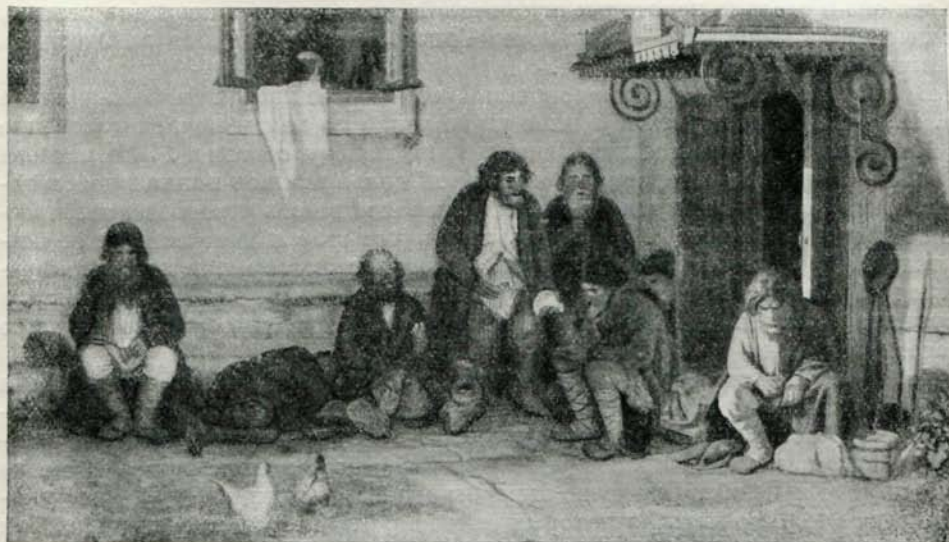
В одном из писем к Краевскому 1869 г. Ф. Толстой писал:

«Должен признаться, что в литературном деле я разыгрываю роль Дон-Кихота и подчас крыловской мухи. — То с мельницами сражаюсь, то жужжу: «мы па х а л и!».

Но смехотворное, может быть, участие мое в литературе все-таки истекает из источника чистого, и согласитесь, что служение моему отечественному слову — бескорыстное.

Я желаю, по возможности, п р е у с п е я н и я нашей литературы — вот единственная моя цель»⁹⁶.

Свое предварительное цензурование статей «Отечественных Записок» Ф. Толстой не скрывал ни от Петербургского цензурного комитета, ни от

ЗЕМСТВО ОБЕДАЕТ

Картина маслом Г. Г. Мясоедова, 1872 г.

Третьяковская галерея, Москва

Совета Главного управления. «Домашняя цензура», как знаем, поощрялась Валуевым. Толстой считал это даже своей заслугой и сам указывал, что редакция исключала целые статьи из приготовленных уже книжек журнала⁹⁷.

Как опытный чиновник Ф. Толстой в своих выступлениях в Совете, связь которых с директивами, получаемыми от Некрасова, наоборот, тщательно скрывалась, не забывал время от времени указывать, что активность его «в надпечатной области» оправдывает и подтверждает планы и предположения министра⁹⁸. «Сдержанность тона» «Отечественных Записок» за 1869 г. Ф. Толстой также приписывал своему влиянию. Так, в журнале заседаний Совета Главного управления по делам печати от 17 декабря 1869 г. (журнал специально составлялся для министра и утверждался им) читаем: «Эту сдержанность тона <Петербургский цензурный> комитет объясняет, впрочем, и происходившими ежемесячными соглашениями редакции с надлежащими учреждениями <т. е. с упомянутым комитетом и наблюдающим членом Совета Ф. Толстым>»⁹⁹.

Относительное цензурное благополучие «Отечественных Записок» в 1868—1869 гг. не означало, конечно, что журнал не страдал от цензуры. Спасая большее и основное, Некрасов должен был идти на некоторые уступки и жертвы. Они были необходимыми элементами его тактики самообороны, так как давали в руки защищавшим его членам Совета необходимые и убедительные в глазах власти аргументы защиты («уступчивость» Некрасова).

В этом отношении характерна запись в журнале заседаний Совета от 31 декабря 1868 г.

Ф. М. Толстой, — сказано в протоколе, — «находит нужным сравнить образ действия двух редакций: «Отечественных Записок» Некрасова и «Всемирного Труда» Хана. Для ноябрьской книжки «Отечественных Записок» предназначалась статья Унковского по поводу книги Самарина. Цензурное ведомство нашло целесообразным исключить всю статью. Редактор исполнил это. Иначе поступила редакция «Всемирного Труда».

Хотя она и сделала некоторые исключения, но все-таки напечатала статью, и цензурное ведомство, — заключает Толстой, — имеет право заподозрить благонамеренность г. Хана»¹⁰⁰.

В октябре 1869 г. цензуровавший «Отечественные Записки» цензор Н. Е. Лебедев написал в Главное управление по делам печати донесение о 10-й книге «Отечественных Записок», по поводу статьи Г. З. Елисеева «О направлении в литературе», в которой доказывалась полная несостоятельность законодательства о печати и необходимость «предоставить прессе большую свободу»¹⁰¹. Цензор полагал, что статья дает повод для возбуждения судебного преследования. Совет Главного управления намеревался объявить «Отечественным Запискам» предостережение. В защиту журнала выступил Ф. Толстой. Его мнение и принятое затем решение Совета записаны в журнале заседаний так:

«Член Совета полагает, что непоследиельные разглагольствованиа автора означенной статьи¹⁰² никакого вреда принести не могут. Предостережение в настоящем случае подало бы повод упрекнуть Главное управление в том, что оно преследует за неумеренность выражений, а не за зловердные мысли. Но полезно было бы сделать редакции внушение, указав на все те уклонения, о которых заявлено было как в предыдущих, так и в настоящем заседании Совета.

На основании вышеизложенного <мнения Ф. Толстого> Совет п о л а г а е т: предварительно принятию карательной меры, пригласить редактора и предупредить его, что, в случае продолжения предосудительного направления, он может подвергнуться законной ответственности».

Однако в дело вмешался министр внутренних дел А. Е. Тимашев. Он нашел недостаточным приведенное выше решение Совета. В своей резолюции Тимашев писал:

«Нахожу недостаточным внушение, так как направление журнала «Отечественные Записки» уже вполне достаточно обнаружилось, а потому прошу обсудить это издание по общему его характеру»¹⁰³.

После этой резолюции Главное управление по делам печати потребовало доклада от Петербургского цензурного комитета о направлении «Отечественных Записок». Доклад был составлен цензором Лебедевым и представлен на обсуждение Совета.

Лебедеву была известна резолюция министра, и, составляя донесение, он не мог не учитывать, что во «вредном» направлении процензурованных им самим «Отечественных Записок» будут видеть его собственные упущения. Тон отчета поэтому был довольно безобиден¹⁰⁴.

Выступая на заседании Совета, Толстой согласился с Комитетом, что «Отечественные Записки», «хотя и не заслуживают одобрения, но не могут вызвать немедленной карательной меры, так как не касаются основных начал государственного устройства, не проводят субверсивных доктрин и довольно сдержаны по тону»¹⁰⁵.

Совет Главного управления, в свою очередь, согласился с донесением Петербургского цензурного комитета и с заключением Ф. М. Толстого. Он признал «направление «Отечественных Записок» не вполне одобрительным, но, вместе с тем, находит, что направление это избегает таких крайних проявлений, которые должны были бы подать повод к немедленному принятию карательных мер против названного журнала. По этим соображениям Совет п о л а г а е т: в настоящее время ограничиться принятием вышеизложенного к сведению, как материал для характеристики «Отечественных Записок», поручив Цензурному комитету и наблюдающему члену следить за этим изданием с особенно строгим вниманием и по выходе каждой книжки журнала доводить до сведения Совета о содержании и направлении заключающихся в ней статей».

Решение Совета было утверждено Тимашевым¹⁰⁶.

Однако, несмотря на специальное предписание «наблюдающему члену», т. е. Ф. Толстому, следить за «Отечественными Записками» «с особенно строгим вниманием», его характеристики журнала за 1869 г. показывают, что Толстой не только не проявил в них «строгости», которой требовал от него министр, но, наоборот, устранил из них ту агрессивность, которая была в его первых отзывах за 1868 г. Он сам счел нужным сказать об этом и мотивировать изменение своего отношения к журналу так:

«В отзывах моих за прошлый <1868> год (№№ 5 и 6) и представленном обзоре 9-й и 12-й книг «Отечественных Записок», в которых указывалось на статьи Щедрина, Скабичевского и Скалдина, я находил, что в «Отечественных Записках» начинало в то время проглядывать тесное их родство с бывшим «Современником». В текущем году сатирический тон со свойственной Щедрину иносказательной резкой речью уступил место более сдержанному направлению»¹⁰⁷.

Это писалось в год, когда на страницах «Отечественных Записок» печатались «История одного города», «Помпадур и помпадурши», «Господа ташкентцы» Щедрина — произведения, с огромной силой разоблачавшие и бичевавшие весь политический строй и быт самодержавия. Очевидно, что причина изменения тона отзывов Толстого была иная и заключалась она в том, что к этому времени Некрасов уже имел с ним вполне налаженный контакт и оказывал свое воздействие на его выступления в Совете.

Ф. Толстой считал, и, нужно признать, не без основания, что ему удалось принести известную пользу «Отечественным Запискам», и уже в 1881 г., т. е. много лет спустя после своей отставки, напоминал Краевскому, что Щедрин, как преемник Некрасова по редакции, сознаёт оказанные им, Толстым, «услуги по защите журнала»¹⁰⁸. «Услуги» эти, вероятно, могли бы быть значительнее, если бы и по отношению к редакции «Отечественных Записок» Толстой не был одновременно «службой двух господ» — Некрасова и Краевского, и второго — больше, чем первого. Об этом свидетельствуют еще не опубликованные письма Толстого к Краевскому, которые будут ниже приведены.

Пользуясь своими давними личными связями с Краевским, а также его положением официального редактора и собственника «Отечественных Записок», Ф. Толстой предпочитал обращаться по делам своего «негласного цензорства» непосредственно к нему, а не к Некрасову. Тем самым Толстой «вмешивал» Краевского в редакционные дела журнала, и предусмотренная Некрасовым номинальность его официального редакторства, несомненно, далеко не всегда соблюдалась. В этом, кстати сказать, и заключалась одна из причин настойчивых, но тщетных усилий Некрасова и Щедрина освободиться от редакторской подписи Краевского на журнале, о чем говорилось выше. Информированный Ф. Толстым и другими негласными цензорами об их требованиях, предъявляемых в процессе предварительного ознакомления с материалом, Краевский — и в этом были заинтересованы власти — должен был оказывать со своей стороны давление на Некрасова.

О переговорах с Краевским по поводу предложенных Ф. Толстым и принятых редакцией изменений в одной из статей свидетельствует следующее письмо Ф. Толстого, относящееся к июлю 1869 г. (без обращения):

«Благодарю Вас за добросовестное исполнение принятого Вами добровольного обязательства, я хочу сказать о перепечатании отмеченных п а с с а ж е й. Я твердо убежден, что, делая ничтожные исключения, мы оба с Вами служим верою и правдою н е о к р е п ш е м у еще у нас свободному слову. Всего не усмотришь, а вольно практикующая цензура с т о у с т о й т о л п ы так и ловит каждое слово и каждый промах, для

того, чтобы как-нибудь да напакостить <литературному> делу. Так, например, в «Парижских письмах» на стр. 151 приведена программа одной из фракций социалистов, в которой сказано, между прочим, — параграф 12 — «Экспроприация всех финансовых комиссий» и пр. и пр. (посмотрите там же), другими словами, «отнятие собственности частной в пользу немущих».

Это как исторический факт можно и должно огласить, но что нехорошо, это — о д о б р е н и е Вашего корреспондента этого предложения.

Я не полагаю, чтобы эти обмолвки вызвали протест со стороны членов Совета, но сообщаю Вам для Ваших будущих наблюдений. Ф. Т<олстой>¹⁰⁹.

Итак, Ф. Толстой, недовольный очередной корреспонденцией Шас-сена («Парижские письма»), напечатанной в 7-й книжке «Отечественных Записок» за 1869 г., давал указания и советы Краевскому, инструктируя его для «будущих наблюдений» над цензурностью материалов подготавливаемых номеров журнала. Очевидно, что Краевский систематически вел такие «наблюдения» и что, таким образом, обычные представления о его якобы полном невмешательстве в редакционные дела журнала не вполне соответствуют действительности.

Когда редакция «Отечественных Записок» уклонялась по каким-либо причинам от предварительного цензурирования Ф. Толстого, последний, в ответ на это, предпринимал иногда ходы, которые Щедрин определял цитированным уже выражением: «Феофилка гадит».

В сентябре 1869 г. Ф. Толстой писал Краевскому:

«Августовская хроника От<ечественных> Зап<исок> не была у меня в просмотре, и я признаюсь Вам, что я обязан заявить ее в Совет. Есть повод надеяться, что заявление мое не поведет к каким-либо карательным мерам, но, желая сохранить п р и м и р и т е л ь н ы й х а р а к т е р добровольных наших соглашений, я считаю долгом по с е к р е т у уведомить Вас о том»¹¹⁰.

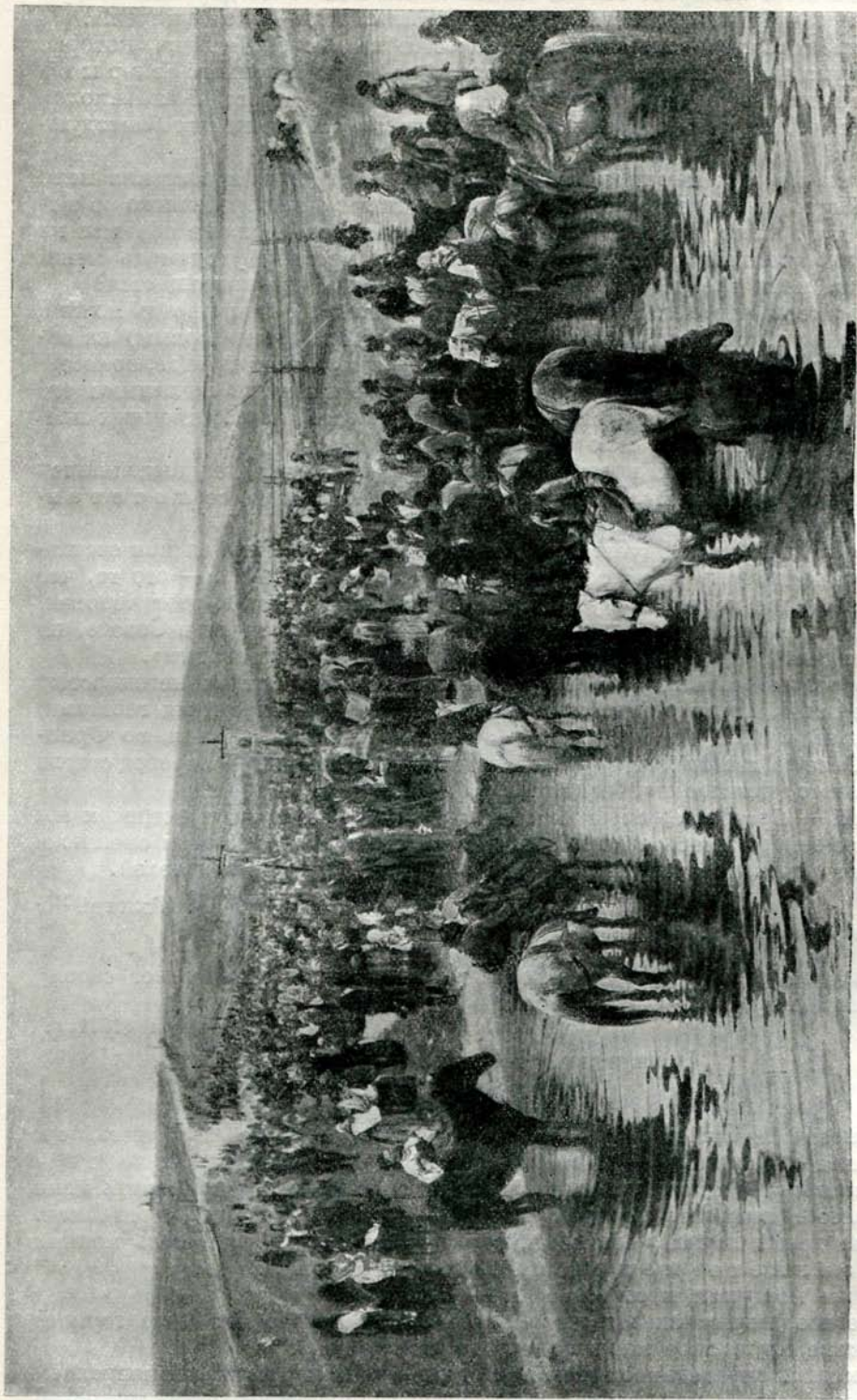
В награду за оказываемые изданиям Краевского услуги Ф. Толстой, как указывалось уже, состоял заведующим музыкальным отделом в «Голосе», а также писал музыкальные обозрения в «Отечественных Записках». Сотрудничество Ф. Толстого в названных изданиях было откровенной взяткой, весьма обременительной для дающих и весьма выгодной для берущего. Ф. Толстого никто и нигде не хотел печатать, а он так рвался к журнальной трибуне. Нет ничего удивительного, что как только Толстой, «разоблаченный» начальством, вынужден был в ноябре 1871 г. покинуть Главное управление по делам печати и стал практически не нужен ни «Голосу», ни «Отечественным Запискам», «вознаграждение» его прекратилось. Ему было отказано во всех видах сотрудничества. Об этой второй своей «отставке» он говорит в ряде писем к Краевскому:

<27 декабря. 1871 г.>

Милостивый государь Андрей Александрович!

Благодарю Вас за извещение о передаче музыкального отдела «Голоса» сыну Вашему. Так как за сим приглашения от заведующего ныне этим отделом не последовало, то я должен принять извещение это з а ч и с т у ю о т с т а в к у.

Благодарю и за это! Совпадение д в у х о т с т а в о к, т. е. отставки, полученной мною за слишком усердное заступничество журнала, издаваемого под Вашей фирмой, и отставки из числа Ваших сотрудников — чрезвычайно знаменательно. Это доказывает, что число м о и х н е д о б р о ж е л а т е л е й увеличивается не по дням, а по часам. При нынешних обстоятельствах нельзя не порадоваться такому обилию вражды и недоброжелательства; по словам великого Щедрина, «Самодовольная

СПАСОВ ДЕНЬ НА СЕВЕРЕ
Картина маслом И. М. Прянишникова, 1887 г.
Третьяковская галерея, Москва

современность» попирает только людей менее или более даровитых, презнося бездарности; следовательно: «Благодарю — но ожидал!».

Кстати, о «Самодовольной современности» великого Щедрина, которая и [послужила] была причиной (хотя тайной) озлобленного в з р ы в а неукротимого арх(ангела) Михаила <Шидловского>, — сосед Ваш Николай Алексеевич Некрасов поступил в отношении моей персоны еще благодарнее Вас.

Переиначив мои мысли в Муз(ыкальном) обозрении и заставив меня воскликнуть «в добрый час» по поводу влияния, приобретенного р а т к л и ф и с т а м и в консерватории, он, т. е. Некрасов, не обратил ни малейшего внимания на покорнейшую мою просьбу уведомить меня, что же от меня требуется? что мне дозволяется и что запрещается?

Согласитесь, что нельзя писать статью, не зная о чем писать можно. Покорнейшая моя просьба передана была барином <Некрасовым> на обсуждение г. Салтыкова, и великий Щедрин — в воздаяние трудов, понесенных мною при злосчастном моем н а б л ю д е н и и за желчными его измышлениями, которые я выносил, можно сказать, на собственных плечах, — оставил просьбу мою без ответа.

Он достиг своей цели, потому что, не получая ответа и не удостоившись свидания ни с ним, ни с Некрасовым, я должен считать себя о т с т а в л е н н ы м от сотрудничества.

Впрочем, да не возрадуется зело великий Щедрин: сугубая моя отставка не повредит доброму моему имени. Всё, что может быть, — это то, что благомыслящие люди скажут, пожимая плечами: «Чудак этот человек! вздумал придерживаться каких-то убеждений, тогда как ни в Совете, ни в редакциях люди с убеждением и не удобны и не пригодны».

Одно только странно, — это то, что меня изгоняют за негодностью тогда именно, когда статьи мои перепечатываются западными газетами: в Бельгии, в *Echo du parlement* — архиполитический журнал, во Франции, в *Gazette musicale* и в *Presse musicale*. В последней — перевод статьи о Риголетто, помещенной в Голосе.

За сим — прощайте; смею надеяться, однакож, что при встречах мы не будем отворачиваться друг от друга. Это было бы слишком смешно и слишком радостно для многочисленных моих недоброжелателей.

Ф. Толстой¹¹¹.

27 дек(абря 1871 г.)

Через два дня, разочарованный и уязвленный Толстой шлет своему корреспонденту следующие строки:

29 декабря <1871 г.>

Милостивый государь
Андрей Александрович!

Бесцеремоннее и, скажу более, н е б л а г о д а р н е е поступить, как поступили Вы со мною — и злейший враг не придумал бы.

Вы воспользовались моей невзгодой по службе, чтобы придавить меня еще более и выказать перед публикою — или, может быть, пред Глав. Упр. по делам печати, что и Вы, с своей стороны, чуждаетесь меня и о т с т а в л я е т е меня за н е г о д н о с т ь ю.

Так же поступил и собрат Ваш — Некрасов.

Любезное, нечего сказать, возмездие за все труды мои и за горячее сочувствие, оказанное мною литерат(урному) делу!

...Ожидать справедливости на сем свете — нельзя, но такой вопиющей несправедливости, как выказанной Вами в отношении меня, я еще до сих пор не встречал.

Ф. Т(олстой)¹¹².

Много лет спустя, в 1881 г., в письме от 13 июля Ф. Толстой писал Краевскому:

«Я выразил желание удостоиться дарового экземпляра Ваших изданий, конечно, не из к о р ы с т и, но как вещественного доказательства, что преемники покойного Некрасова сознают оказанные мною услуги. Известный Вам Фукс и еще кой-кто сильно точили зубы на О<течественные> З<аписки>. Почти каждое заседание я вынужден был отстаивать их от набегов этих ревнителей мрака, и не будь моего заступничества, то многое из того, что я оставлял в О<течественных> З<аписках> на свой страх, подало бы повод к какой-либо административной мере.

Я просил также содействия Вашего для того, чтобы пристроить племянницу моей жены, бывшего сотрудника самого Лароша, в Вашу или в другую какую-либо редакцию.

Известное изречение «да, наши предки Рим спасли!» смешно, конечно, в наше время, но сердце раздирается, когда видишь, что родная правнучка Кутузова-Смоленского рыскает до упаду, отыскивая себе кусок хлеба, т. е. заработок в какой-либо из многочисленных наших редакций.

Мне же по случаю служебного моего к р а х а, вызванного известными Вам обстоятельствами, помочь ей не из чего; тем более, что я также в настоящее время нахожусь не у дел в журнальной части. С Катковым я разошелся уже несколько лет, не сумев поддаться под его направление; с Комаровым, потому, что «он мягко стелет — да жестко спат»; с Вами потому, что Вы сами указали мне дверь; прочие же издатели знают меня не хотят. По какой это причине — я решительно понять не могу, потому что в 7 лет пребывания моего в Совете я никому никакого вреда не учинил.

Припомните извет Т р у б н и к о в а, издававшего во время нечаевского процесса Биржевые Ведомости и осмелившегося провозгласить в передовой статье, что испр. должность начальника Гл. Управления оттого мирволит к Голосу, потому что не кто иной как Ростислав — сотрудник постоянный издателя Голоса.

Цензурный комитет представил доклад в Совет по случаю нахальной этой статьи, и я же истощил все свое красноречие, чтобы доказать, что «никто в своем деле судьей не может быть» и что приличие требует не подвергать суду Трубникова.

Счастливо для Трубникова, что в то время заведывал министерством добродушный и сладчайший князь Лобанов; будь тогда Тимашев — Трубникову не миновать бы шестимесячного заключения в смиренном доме. Присмирел бы он тогда!

Впрочем, всё суета сует в сем мире скоротечном»¹¹³.

После отставки Ф. Толстого наблюдение за «Отечественными Записками» было поручено члену Совета Главного управления по делам печати В. Я. Фуксу, который, по словам Ф. М. Толстого, сильно точил зубы на журнал Некрасова. Впрочем, и Фукс скоро был в числе «приручаемых» и «прикармливался» на специальных вечерах у Некрасова, на которых бывал Щедрин, принимавший там, по образному выражению современника, «иудино лобзание» от Фукса, имевшего привычку прикуривать свою сигару от сигары сатирика.

«Прирученный» Некрасовым В. Я. Фукс в скором времени стал «защищать» «Отечественные Записки» в Совете и в этом отношении явился преемником Ф. М. Толстого.

Однако, как при Ф. Толстом, так и при В. Фуксе, роль *primo motore* — «первого двигателя» — в организованной Некрасовым защите своего журнала в Совете Главного управления по делам печати, как высшей цензурной инстанции, играл В. М. Лазаревский.

VIII. В. М. ЛАЗАРЕВСКИЙ

В конце 60-х — начале 70-х годов, т. е. в первую пору существования некрасовских «Отечественных Записок», имя Василия Матвеевича Лазаревского (1817—1890) значило многое в чиновничьих кругах цензурного ведомства и Министерства внутренних дел. Будучи членом Совета Главного управления по делам печати (начиная с 1866 г.), он пользовался здесь репутацией наиболее влиятельного и авторитетного чиновника. Такая репутация происходила не только из его «обширной многоопытности и неутомимого рачительства к делам государственным», как говорилось в «высочайшем рескрипте» при пожаловании ему в 1877 г. чина «тайного советника». Лазаревский был лично близок к Тимашеву и занимал одновременно с должностью в цензурном ведомстве место члена Совета министра внутренних дел. Этого было достаточно, чтобы с мнением Лазаревского считались особо. В иных случаях его выступление в Совете Главного управления могло склонить остальных членов к принятию рекомендованного им решения.

В лице Лазаревского Некрасов нашел, таким образом, в аппарате руководства царской цензуры весьма полезную и эффективно, как увидим, использованную силу для «охранения» своего журнала, подобной которой не знали ни «Современник», ни «Отечественные Записки» более позднего периода.

Здесь не место входить в изложение биографии Лазаревского. Но некоторые факты, необходимые для обрисовки литературного портрета этого «друга-врага» Некрасова, соприкасавшегося с жизнью и работой поэта в течение ряда лет и о котором мы имели до сих пор неверные представления, должны быть сообщены.

К своим высоким постам в цензурном ведомстве Лазаревский поднялся по ступенькам удачно и гладко пройденной чиновно-бюрократической карьеры, сначала в провинции (Оренбург), а с 1850-х годов — в столице, при министрах Л. А. Перовском и М. Н. Муравьеве («Вешателе»).

Но биография Лазаревского не исчерпывается его послужным списком. Он был еще литератором, а главное — охотником.

Писательская деятельность Лазаревского не принесла ему ничего, кроме уязвлений и уколов его «трудному и злому», по собственной оценке, самолюбию. Как и Ф. Толстой, но еще с большим основанием, он был в литературе полным неудачником. Его объемистый роман «Житейские встречи» и ряд рассказов и переводов и по сию пору остаются в рукописях, обременяя папки его архива. А несколько повестей, которые Лазаревский напечатал в начале 50-х годов в тогдашних «Отечественных Записках» («Капельмейстер», «Девичник» и др.), встретили столь отрицательное отношение критики (от «Москвитянина» до Дружинина), что это обстоятельство сразу и навсегда оборвало беллетристическую карьеру автора. Десятилетием позже «народные повести» Лазаревского, сентиментально идеализировавшие патриархальную гармонию крепостного крестьянина и доброго помещика, упомянул однажды, чтобы воздать им суровое должное, Н. А. Добролюбов. В одной из своих статей в «Современнике» 1860 г., говоря о литературной моде начала 50-х годов «на русского мужика», критик писал: «За несколькими писателями, действительно наблюдавшими народную жизнь, потянулись целые толпы таких сочинителей, которым до народа-то и дела никогда не было... Тогда-то обратили на себя внимание гг. Данковский, Лазаревский, Мартынов и многие им подобные... Как мужик с своей деревней связан, как управляется, какие повинности несет, чей он, и как с барином, с управляющим, с окружным или исправником ведается — это вы могли

открыть в весьма редких случаях... Житейская сторона обыкновенно пренебрегалась... а бралось, без дальних справок, сердце человеческое, и так как для него ни чинов, ни богатства не существует, то и изображалась его чувствительность у крестьян и крестьянок»¹¹⁴.

Более удачны были литературные труды Лазаревского, посвященные специальным вопросам охоты. По поводу его книги «Об истреблении волком домашнего скота и дичи и об истреблении волка» (СПб., 1876) И. С. Тургенев со свойственным ему комплиментарным преувеличением писал автору: «Монография останется в литературе наряду с подобными сочинениями С. Т. Аксакова». Были у Лазаревского, обладателя ученой степени кандидата философии, как будто и научные интересы. В его архиве имеются почти законченные рукописи «Полного малороссийского словаря», «Опыта географического словаря» и ряда других трудов, ему принадлежащих. Там же хранятся тетради с записями фольклорных, этнографических и диалектологических материалов; он помогал их собирать В. Далю, с которым был связан с конца 40-х годов. Однако на всех этих «опытах» и начинаниях Лазаревского, всегда незавершенных и хаотичных, лежит яркая печать дилетантизма. Барин-помещик, потративший всю жизнь на совершение карьеры крупного столичного бюрократа, Лазаревский по существу был далек от всяких подлинно научных и литературных интересов.

Но в его жизни была одна живая и глубокая страсть — охота. Охотник он был, судя по материалам его архива, действительно неутомимый и увлекающийся, что даже несколько противоречит его общему психологическому облику. «Охота — мое лучшее удовольствие», — записал он

ПОДАТИ

Картина маслом Н. В. Орлова, 1895 г.
Третьяковская галерея, Москва

однажды в своем дневнике. Вопросы охоты интересовали Лазаревского не только практически. Он был непременным участником и членом всякого рода охотничьих обществ и комиссий, участвовал в разработке специального законодательства об охоте, писал на охотничьи темы статьи и, как упоминалось, даже книги и т. п.

Возникновение личного знакомства Некрасова с Лазаревским относится, видимо, еще к концу 50-х годов. Наиболее ранняя из сохранившихся (далеко не полностью) в дневнике Лазаревского записей бесед с Некрасовым датирована 1860 г. Знакомство возникло, вероятно, на почве общих охотничьих интересов. Однако сближение началось десятилетием позже и также на почве охоты. «Мы охотимся вместе с Некрасовым с 1868 года», — сообщает Лазаревский в своем дневнике. Одновременность даты начавшегося сближения и момента, когда Некрасов брал в свои руки дело руководства новым журналом, надо полагать, не была случайностью.

«Охотничья дружба», столь легко и естественно возникшая между завзятыми охотниками, да еще укрепляемая, со стороны Некрасова, разного рода услугами и одолжениями, какие он сразу же стал оказывать своему компаньону, сулила многое для журнала, когда этим компаньоном становился крупный и влиятельный чиновник цензурного ведомства. И действительно, возможности, предоставленные сближением с Лазаревским, были использованы Некрасовым, как увидим, широко.

Однако находились ли они действительно «в близких, приятельских отношениях», как об этом сообщает биографическая литература о Некрасове? ¹¹⁵

На эти вопросы, как мы сейчас убедимся, не столь легко ответить. И всё же ответ должен быть дан отрицательный. Место, занимаемое до сих пор Лазаревским в биографии Некрасова, должно быть определено заново; иную оценку должно получить его отношение к поэту.

Если судить по сохранившимся письмам Некрасова к Лазаревскому (в большей своей части еще не опубликованным), их отношения за период 1868—1874 гг. действительно представляются близкими и дружескими. Уже самые эпистолярные обращения как будто бы свидетельствуют об этом: «Дорогой Василий Матвеевич», «многомилейший Василий Матвеевич», «добрейший друг», «отче, друже и брате», «глубоко чтимый и любимый друг», «многолюбивый друг» и т. д.

Правда, в одном из своих еще не изданных писем к Лазаревскому, выясняя возникший в их отношениях, на почве недоразумений по охоте, конфликт, Некрасов писал: «Положим, мы не то, что называется в строгом смысле д р у з ь я (я так думаю, что отношения, завязываемые в 40 лет, не могут быть названы дружбою, ибо у каждого до этих лет успевает накопиться более желчи и холоду, чем допускает дружба, безусловно понимаемая), но все-таки мы были коротки настолько, что эта короткость обязывает говорить прямо...» ¹¹⁶. Таким образом, не друзья, «в строгом смысле», но все же искренне и дружественно расположенные друг к другу люди — таково признание самого Некрасова.

А вот признание Лазаревского в черновике неизданного и вряд ли отправленного письма к Некрасову от 5 мая 1871 г.: «Вы хотите объяснения — оно коротко. Вы знали, что я любил Вас, но я сам не знал силы этой привязанности, доходившей до страсти» (последние три слова зачеркнуты).

Таковы эти личные, друг для друга лишь предназначенные объяснения и признания, которых мы раньше не знали. Казалось, они должны были бы окончательно утвердить за Лазаревским традиционную репутацию «друга» Некрасова, усилить отблеск славы поэта на человеке, чья любовь и сила привязанности к Некрасову доходили «до страсти»...

если бы не существовали и не дошли до нас другие признания этого же человека — глубоко утаенные, лишь для самого себя предназначенные и потому целиком, часто до цинизма даже, откровенные.

Мы имеем в виду «дневник» и «воспоминания» Лазаревского, лишь недавно обнаруженные вместе с другими остатками его архива в г. Горьком¹¹⁷.

Слова «дневник» и «воспоминания» употреблены нами условно, лишь для обозначения двух различных видов автобиографических записей, найденных среди бумаг Лазаревского.

И те и другие записи сохранились далеко не полностью. В теперешнем своем виде — это беспорядочное собрание разрозненных и отрывочных заметок самого Лазаревского, часто на отдельных листках и даже клочках бумаги, перемешанных с подлинниками писем к нему, черновиками его собственных писем, различными выписками, справками и т. п. Некоторые эпизоды, отраженные в дневниковых записях, повторяются в переработанном виде в отрывках мемуарного характера. Имеются наброски биографически-портретных характеристик отдельных лиц (например, М. А. Марко-Вовчок) и др. Изучение этой архивной россыпи, которую мы в дальнейшем будем для удобства называть «Записками», позволяет думать, что Лазаревский намеревался, видимо, переработать свой дневник (он сохранился в небольшом количестве беспорядочных и хронологически разорванных записей) в воспоминания и что отчасти он уже приступил к этой работе, хотя вряд ли с намерением опубликовать ее.

«Записки» Лазаревского — документ, несомненно, несколько необычный для того вида и жанра литературы, к которому принадлежит. Это своего рода «дневник» Глумова — циничного героя из пьесы Островского «На всякого мудреца довольно простоты». Подобно Глумову, Лазаревский маскировался и приспособлялся в жизни. С министром Тимашевым он держался как почтительный чиновник, послушный исполнитель и проводник его политики, с цензорами — как цензор, с Некрасовым и Щедриным — как либерал, если не демократ. Но подлинные свои мысли Лазаревский, как и Глумов, доверял лишь интимному дневнику. В нем он отводил душу и в искренности с самим собой отдыхал от постоянного напряжения лицемерия и маскировки.

Найденные «Записки» Лазаревского ярко вскрывают беспринципность, двоегласие и вместе с тем опустошенную душу и часто грязный цинизм этого человека, столь неосторожно зачисленного в «друзья» Некрасова.

Лазаревский не падает в своих «Записках» почти никого и ничего (исключение — Т. Г. Шевченко и отчасти М. Е. Салтыков, о котором сказано: «вообще очень порядочный господин»). Он резко критикует, морально клеймит своих сослуживцев и начальников по цензурному ведомству, которых прекрасно знает, понимает и презирает, а вместе с ними и всю царскую цензуру, которой, однако, раболопно служит (см. приведенные выше характеристики цензоров и членов Совета с заключительным выводом: «все — мерзавцы»).

Он с нескрываемым удовольствием пишет о «глупости» Тимашева, перед которым однако угодничает (предпонося министру свою книгу «Об истреблении волков...», Лазаревский надписал на ней: «Его Высокопревосходительству... твердому, мудрому и зоркому уничтожителю «волков» зла государственного. С истинным почтением...» и т. д.).

Он не падает самого себя, заявляя, что его «будущность всецело перешла в гниение»; однако в письме к Некрасову патетически восклицает: «в чести имени есть своя святость...; охраняя эту честь, я забывал свое будущее...».

Дневник Лазаревского вскрывает всю фальшь и подлинно пудушкино лицемерие его «дружбы» с Некрасовым.

Лазаревский пишет: «Я в продолжение трех лет показывал и доказывал себя беззаветно ему <Некрасову> преданным». «Показывал», «доказывал», т. е. носил личину друга и одновременно рукой врага собирал и вносил на страницы своего неопрятного дневника клевету о поэте.

В качестве «близкого человека» Лазаревский очень часто «запросто» обедал у Некрасова, охотно отзываясь всякий раз на его приглашения. В качестве Лазаревского-Глумова он записывал об этих «дружеских» встречах: «это была положительно жертва с моей стороны».

Общаясь с Некрасовым часто и неофициально, Лазаревский не увидел в нем «ни поэта, ни гражданина» и даже, как в человеке, не нашел в нем ни одной положительной черты (если не считать любви к охоте). Он судит о поэте (в своем дневнике) «применительно к подлости» собственного лицемерия и, одновременно, применительно к удивительно низменному и ограниченному кругу своих интересов. Напрасно было бы искать в его дневнике записей, бесед и разговоров на литературные или общественные темы. Их нет. На глазах у Лазаревского создавались такие произведения, как «Дедушка», «Недавнее время», «Русские женщины», и др. Но ни об одном из них он даже не упоминает.

В заключительной записи своего дневника, относящейся к Некрасову и датированной 15 января 1877 г., Лазаревский окончательно срывает с себя маску, которую носил в обществе поэта и близких ему («мы в глазах ближайших его друзей считались ближайшими друзьями», записал он однажды). Прочтя принесенные ему В. И. Лихачевым листы только что вырезанного цензурой из «Отечественных Записок» некрасовского «Пира на весь мир», Лазаревский испытал нечто вроде пароксизма злобы и бешенства. И взяв дневник, он вылил на уже безнадежно больного поэта ушат такой грязной, отвратительной и гнусной клеветы, до которой никогда не опускались наиболее яростные и злобные враги Некрасова.

Так подвел итог своим отношениям с Некрасовым человек, который еще недавно готов был уверять, что сила его привязанности и любви к поэту «доходит до страсти».

Некрасов, разумеется, не знал и не догадывался, какого рода «летопись» тайно ведет о нем Лазаревский. Не числя его среди друзей, Некрасов, однако, действительно поддерживал с влиятельным цензором и товарищем по охоте близкие бытовые отношения. Домашние и ресторанные обеды, совместные поездки на охоту и посещения театров, игра в карты и т. п. — в пределах этого обычного и для Некрасова и для Лазаревского быта они легко сохраняли внешне дружеские связи. Общее увлечение охотой особенно помогало этому. Но дальше этого быта Некрасов и не пускал Лазаревского. Отмеченная выше поразительная бедность его дневника, не зарегистрировавшего почти ни одного факта из литературной жизни поэта, — результат не только узости интересов Лазаревского. Поле его возможных наблюдений было ограничено самим Некрасовым, о чем свидетельствует также их переписка, почти сплошь посвященная цензурным делам и охоте.

Бытовое общение и охота были удобной рамкой для дела, которое связывало Некрасова с Лазаревским.

Разгадал ли Некрасов в Лазаревском «Глумова» — мы не знаем. Но что он знал о его беспринципности и легкой податливости на далеко идущие компромиссы, к тому же всегда хорошо маскируемые, — это несомненно. Эти качества характера Лазаревского, занимавшего столь влиятельное положение в цензуре, были широко и эффективно использованы Некрасовым в интересах защиты «Отечественных Записок».

НЕКРАСОВ

Фотография Тулинова, 1860-е гг.

Институт литературы АН СССР, Ленинград

С 1868 г. по 1873 г. Лазаревский, искусно направляемый Некрасовым, был, по существу, главным «адвокатом» «Отечественных Записок» в Совете Главного управления по делам печати, не раз спасая журнал от грозивших ему бед. Лазаревский же, стоявший, как указывалось, близко к Тимашеву, являлся для Некрасова и Щедрина главным источником их информации о планах и намерениях властей.

Разумеется, воссоздать картину этих деловых отношений Некрасова и Лазаревского полностью невозможно. Обо всем главном уславливались и договаривались при личных встречах, на словах. Однако сохранившиеся письма и записки Некрасова к Лазаревскому, частично публикуемые во II томе настоящего издания, образуют солидную документацию негласного сотрудничества влиятельного члена Совета Главного управления по делам печати в цензурном «охранении» журнала.

С другой стороны, «Записки» Лазаревского отчасти разъясняют мотивы и, так сказать, психологию этого сотрудничества для самого Лазаревского.

У нас нет материалов для достаточно определенных суждений о политических взглядах Лазаревского. Обличительные тирады его дневника и личные связи с Некрасовым и Щедриным, в свете всего сказанного, вовсе еще не уполномачивают усматривать в его взглядах какой-то особый либерализм.

С 1866 г. до своей смерти в 1890 г. Лазаревский был одним из руководящих деятелей царской цензуры. Оставаясь всегда царским цензором, Лазаревский подчас действительно был непрочь пококетничать, даже наедине с самим собой, чем-то вроде либерализма. В его дневнике есть, например, такая запись:

«При чтении я отмечаю карандашом не те места, за которые могли бы обвинять, а те, которыми можно бы оправдать.

Хорошими вещами я люблюсь как читатель и болею сердцем как цензурная власть».

Этот афоризм лицемерия, достойный Иудушки Головлева, опирался, однако, у Лазаревского и на его отчетливое понимание общей политики правительства в отношении оппозиционной печати вообще и «Отечественных Записок» в частности, и тактики, при помощи которой эта политика осуществлялась. Так же, как Валуев и Тимашев, Лазаревский считал нежелательным и опасным закрытие легальных органов противоправительственной журнальной печати. Об этом свидетельствует такая запись в его дневнике:

«Две партии литературных направлений — это две гири на концах коромысла. Они вечно балайсируют и должны балансировать, иначе — упразднить одну из них — и коромысло станет колом.

И потом: куда же деваться той силе, которую хотят и предполагают возможным упразднить. Одна будет делать только глупости. Другая — набираться силы. Накопится ее избыток, и должен последовать взрыв».

Противодействуя иногда в Совете попыткам «упразднения» журнальной трибуны «партии» демократов, выступая здесь против таких «твердолобых» и прямолинейных консерваторов-реакционеров как, например, Шидловский, — Лазаревский, таким образом, целиком находился в фарватере основного для данного периода направления политики и тактики правительства — тактики «либерализма» в «полицейском футляре».

Защита «Отечественных Записок» и контакт в этом деле с Некрасовым и Щедриным могли, таким образом, иметь в сознании Лазаревского свою идеологическую и психологическую мотивировку. Но трудно сказать, в какой мере нуждался он в ней.

Зато с достаточной определенностью можно предполагать, что услуги, оказываемые Лазаревским редакции «Отечественных Записок», далеко не всегда были материально бескорыстны. Правда, касаясь в своем дневнике этих щекотливых вопросов, Лазаревский изменяет тут цинической откровенности других своих признаний и многого недоговаривает. В его изложении дело представляется так, что Некрасов неоднократно пытался давать ему прямые или слегка замаскированные взятки, но что эти попытки неизменно оканчивались неудачей, разбиваясь о его, Лазаревского, неподкупность и добродетель.

Приведем некоторые относящиеся сюда записи из дневника Лазаревского.

«17 декабря <1870 г.>. У Еракова мы играли с Салтыковым (Щедрин) в пикет. Подле сидел Некрасов. Было выпито. Некрасов предложил мне ни с того, ни с сего:

— Хотите, Василий Матвеевич, я устрою у себя карточный вечер собственно для Вас?

Я расхохотался:

— Что я за игрок!

— Ну, хотите играть со мной вообще в доле? Для чего и вручите мне 1 000 рублей.

Я отвечал, что если он имеет в виду, чтобы я не был при этом в проигрыше, так я, разумеется, на это не согласен, рисковать же тысячью рублями не вправе и не могу.

Он приставал ко мне раз пять — шесть с тем же предложением. Я отказался наотрез. Он затем уехал на игру...

2 марта 1871 г. 28 февраля Некрасов просил меня притти по делу о покупке у Владимирова дачи. Я застал у него Еракова и Лялина. Через полчаса мы разошлись. Он долго упрашивал меня остаться обедать<...>. 2 марта, не помню за чем, я зашел к нему поутру. С первых слов он мне рассказал, что 28-го был у него гр. Граббе и играл до 4-х часов, но когда сажались обедать, то Граббе и Лялин, отказавшись,

уехали обедать к Дюссо, где с какими-то проезжими проиграли до 4 часов утра, и Лялин, приехав домой, лег и умер (задохся). Я Лялина видел у него раза два, знакомы не были. При этом он рассказал мне, что Лялин держит мужской пансион, до 40 мальчиков, по тысяче рублей за каждого. Пил и играл, запутал свои дела, но все еще имел около 8 тысяч чистого дохода от пансиона. Что 24-го Лялин просил у него займа 5 тысяч, чтоб устроиться с делами, но он указал ему, что гр. Граббе выиграл в последнее время 25 тысяч и если даст 2 с половиной тысячи, то Некрасов тоже даст другую половину. Что при этом он имел в виду, если бы к пансионному делу Лялина приставить, в половине, по экономической части, хорошего человека, то дело могло бы для обоих быть очень выгодным. Мне как бы отдаленный луч сверкнул. Минуту через пять подобного же разговора он опять вернулся к этой мысли и развил ее несколько подробнее, но прямо ровно ничего не сказал, обо мне даже не намекнул, но я ясно уже это понял, что он меня готовил в эти полонищии, следовательно, как бы для меня рисковал дать ему эти деньги. Я, разумеется, не сказал ни слова на вызов для развития мысли, хотя совершенно сознательно подумал: зачем ты, милый друг, рисуешь мне радужно будущность, которая всецело перешла в гниение...»

Продолжая запись, Лазаревский упрекает далее Некрасова в том, что он не выполнил двух его просьб. Содержание первой неясно, а вторая заключалась в том, что Лазаревский, в поисках дополнительных средств, хотел получить «аренду» (так называлось правительственное вспомоществование, выдававшееся наиболее крупным чиновникам из сумм на расходы «известные его императорскому величеству») и просил Некрасова о содействии и посредничестве. «Я развил ему <Некрасову>, — пишет Лазаревский, — более чем подробно, что Краббе легко может устроить для меня через Зеленого (мне очень обязанного) аренду». Некрасов будто бы «ничего из этого не передал Краббе».

«Может показаться странным, — заканчивает Лазаревский изложение этого эпизода, — почему я позволил себе рассчитывать на такую угодливость». И разъясняет эту странность так: «Во 1-х — я в продолжение трех лет показывал и доказывал себя беззаветно ему <Некрасову> преданным. Во 2-х, что мы в глазах ближайших его друзей считались ближайшими друзьями».

Приведем из «Записок» Лазаревского еще один эпизод, документированный не только дневниковыми и мемуарными записями, но и приложенными к ним письмами Некрасова и самого Лазаревского. Эпизод связан с историей нелегального сотрудничества П. Л. Лаврова в «Отечественных Записках» и представляет более широкий интерес.

Известно, что по соображениям конспирации Лавров в своих сношениях с редакциями легальных русских журналов должен был прибегать к посредничеству третьих лиц. Для редакции «Отечественных Записок» таким лицом являлась М. А. Маркович (Марко-Вовчок). Однако ее переписка с «государственным преступником», находившимся за границей, в эмиграции, не могла, разумеется, гарантировать редакции необходимой конспирации. В этой связи у самой Маркович или у Некрасова возник план использовать, для предохранения эпистолярной связи «Отечественных Записок» с Лавровым, имя и адрес Лазаревского. По своей должности, репутации, положению он находился, разумеется, вне подозрений цензоров «черного кабинета». С Лазаревским же Маркович находилась в давних и приятельских отношениях.

В феврале 1871 г. Лавров, находившийся тогда в Брюсселе, куда он ненадолго приезжал из Парижа и где познакомился с Марксом и Энгельсом, начал высылать указанным ему способом, через Лазаревского — Маркович, рукопись своей статьи (или статей) о франко-прусской войне и

осаде Парижа. Однако весь задуманный план рухнул, хотя рукопись и дошла (неизвестно, однако, полностью ли) до подставного адресата.

Лазаревский недаром был царским цензором. Он сам, помимо «черного кабинета», действительно не обратившего внимания на корреспонденцию, заподозрил в полученных им двойных конвертах конспирацию и потребовал у Некрасова объяснений. Они были достаточно драматичны. Некрасову с трудом удалось потушить историю и успокоить перетрусившего Лазаревского. Какою ценою было достигнуто это? Лазаревский и тут, видимо, чего-то недоговаривает. Он сообщает лишь, что Некрасов весьма откровенно предложил ему деньги за доношение властям, но что предложение было с негодованием отвергнуто. Изложение эпизода обрывается на неразрешенном конфликте. Однако из дальнейших записей видно, что отношения между Некрасовым и Лазаревским скоро восстановились.

Приводим из дневника Лазаревского относящиеся к данному эпизоду записи и документы.

(1)

8 марта 1871 года. В конце ноября 1870 г. Некрасов как-то, в общем разговоре, жаловался, что или должен произвести какие-то уплаты или оставаться без денег дня три, пока получит 9 декабря тысяч 9—10 — свою долю по изданию Отечественных Записок, которые он обыкновенно получает одновременно, в конце года. Я тогда взял взаймы в Министерстве внутренних дел 1000 руб. и предложил ему. Пока, говорит, еще перебьюсь; коли нужно будет — возьму. Через несколько дней, после, при каком-то случайном разговоре, я предложил ему двести рублей, в долю игры. Он принял долю — 16 коп., т. е. 6-ю часть с рубля. Признаюсь, что я после очень жалел об этом, и о том, числа 20 декабря, прямо сказал ему это, поставив вопрос так, что я одинаково этим стеснен: и спросить деньги, как бы не доверяя, и оставить, как будто напрашиваясь на большой выигрыш, между тем как мои деньги собственно ему не нужны. Он ответил, что дело уже сделано, что при значительном выигрыше его я могу получить значительный куш; я спорил, он возражал, и порешили на том, что деньги мои останутся у него до Нового года. В Новый год я был у него. Он показал мне ежедневные отметки игры, в чистом выигрыше было у него 3275 руб. Так как в дни серьезной игры игроки не любят давать денег из кармана, то я, конечно, не спросил их, приписывая непередачу их этому обстоятельству. Я виделся с ним 3 января, — он сказал, что проиграл в эти дни 3 тысячи руб. Я настолько не считал уже себя в этой игре, что, имея в виду отправление детей в школу, прямо написал ему 4 января о присылке мне денег. Он прислал в пакете, без всякой записки, 200 руб. У нас не были еще кончены с ним счета за день последней охоты. По моим расчетам, я был должен ему рублей 80—90. Я, на другой день получения 200 руб., т. е. 5 января, послал ему 100 руб., при записке, что если этого нехватает до полного расчета, то он может добавить из переданных ему моих денег Николаем Карловичем Краббе. Он ничего не ответил. Так это и осталось до 25 февраля. За это время мы виделись раз десять, и часто tête-à-tête.

11 февраля получил я из Брюсселя письмо. Распечатав, я нашел другой конверт с надписью: Марии Александровне Маркович. Так как она в последнее время мне пакостила, интригуя против Л. Ив., то, отправляя к ней это письмо, я написал, что крайне сожалею, не имея сведений, какой корреспонденции я передатчик. Она не ответила мне, не пришла сама, и 14 февраля не приехала к обеду к Еракову, где знала, что буду я. 26 февраля получил я другое письмо из Брюсселя, с надорванным и отчасти расклеившимся конвертом. Получил я письмо часа в два.

К 4-м пошел к Некрасову. Я захватил с собой это письмо, чтобы показать ему, что оно, по моим соображениям, могло быть на почте прочитано. Когда пили водку, я говорю Некрасову, что имею сказать ему несколько слов *à part*. Были Салтыков, Успенский, еще кто-то. — Ах, я вам еще не отдал 33 руб. от Краббе, — до того странно ответил он мне, что это не могло не броситься в глаза. Денежный вопрос был у него, видно, на душе. Мы пошли в кабинет. Ответ сей показал мне, что он почему-то растерялся. Эту растерянность я приписал тому, что как раз я, вынув письмо,

В. М. ЛАЗАРЕВСКИЙ

Фотография 1870-х гг.

Областной исторический архив, г. Горький

стал говорить ему о своих соображениях. Он сразу мне ответил, что это письмо от Лаврова. Меня это огрело, как обухом по лбу. И первое то письмо было от него. Если его читали на почте, значит проверяющий знал, что я передатчик писем государственного преступника. Что это письмо не было там читано, разумеется, ручаться он не мог. С другой стороны, эта баба, получив мое заявление, что я не желаю получать анонимных писем, не остановила переписки. Я был взбешен до-нельзя. 27-го я написал ей, чтобы она возвратила перевод Аденьки, отданный ей для напечатания в журнале. Она сказала, что пришлет ответ вечером, но не прислала. 28-го — мои именины. Она, конечно, не пришла. Не желая ее видеть и я писал в субботу о переводе. В понедельник, 1 марта, я послал ей письмо, выразив нелепость ее поступка. О вновь полученном из Брюсселя

не говорил ни слова. Свое письмо я читал Некрасову, т. е. давал читать. Он не сказал ничего, ни pro ни contra, прочитавши. Предложил вскрыть письмо брюссельское и, по содержанию его, или отдать ей, если не опасно, или действовать по моему усмотрению в противном случае [или уничтожить тут между нами]. Я на это заметил, что решать вопрос: отдать ли ей письмо как пустое, или придержать как важное — критериума нет. 6 марта я был у Некрасова. Говорил, что не захватил письма Мар. Алекс. в ответ на мое. — А вы послали свое? — Да. — Ну, батюшка, я этого не думал. — Как не думали, если вы одобрили? — Я? Одобрил? Напротив, я находил, что письмо это очень резко. — Ну, думали вы или не думали, я так понял ваше молчание. — Перед богом и перед честью клянусь в этом — впрочем, будьте спокойны, что бы вы мне тогда ни сказали, я и тогда, как и теперь, не переменял бы в нем ни одной фразы. (Мар. Алекс. была перед тем у него, его не застала дома и, как известно, заходила с Крестовым <помощником почт-директора СПб. почтамта>, вероятно, по поводу ее письма. Он послал мне это известие, чтобы доказать, что с ней не виделся). Говорили еще долго о том, и я убедил его вполне, что она поступила со мной более чем мерзко.

Во время этого разговора он опять вспомнил о 33 рублях и вынул из комода 50 руб., которые, повертевши в руках, положил на стол. Когда я уходил, он напомнил о них; я вынул бумажник, взял оттуда 25 руб. и положил на стол, взявши с него 50 руб. — Ну, так все-таки за мной еще 8 руб. Затем, когда он стал прощаться, на пороге кабинета, он вдруг заговорил: — А нам нужно свести счеты. Видите ли, я вчера отыгрался вполне от проигрыша после Нового года, с меня вам следует 6-я доля выигрыша до Нового года. — Я возразил на основании того, что, пока он был в выигрыше, я денег не получал, а когда он проиграл, то, на спрос мой, переслал только мои деньги. Подобный спор продолжался минут 20. Я положительно отказался и вышел, он за мною, уговаривал через 4 комнаты, до лестницы, взять деньги. — Ну, если не хотите взять, так они пусть останутся у меня, теперь у меня пойдет большая игра, может быть я много выиграю — вы в доле. Я так же положительно отказался. Тогда он ловким оборотом заметил, что если это расчеты по охоте, так зачем же я прислал еще 100 руб. Я ответил, что прислал 100 руб. по расчету за охоту, считая свой долг от этого. Весь смысл этого безвременного предложения в том, что и Некрасов, как и Мар. Алекс., знал, что первое письмо было от Лаврова, и не сделал ни одного шага, чтобы остановить эту мерзость, зная, что я могу расплатиться будущностью моих детей.

Между прочим, он не раз замечал мне, что если бы я принял какие-нибудь серьезные меры по поводу этой корреспонденции, то я потерял бы в мнении либерального кружка. Я ответил на это, что Мар. Алекс. поставила мне вот какую ловушку: как герою русской сказки, мне теперь два пути: пойду по одному — подлец перед либеральным кружком, пойду по другому — подлец перед семейством. При этом другом — оно пропадет с голоду, я сам пойду на улицу, где либеральный кружок через неделю перестанет узнавать меня, и мне тогда останется сочинить статью под заголовком — Лазаревский и редакция Отечественных Записок — и затем кинуться в воду. Когда, придя домой, грустно заявил об этом Л. Ив., мне стало положительно ясно, что он хотел подкупить меня этими 500 руб. <...>, более чем подкупить, а обратить меня по делу этой переписки в раба, обязанного молчать.

<2>

14 марта 1871 г. Я сказал Некрасову, что получено 4-е письмо. Полное сочувствие тяжелому моему положению. Убеждение, что на

всякие меры я имею право и основание. На замечание, что не пойти ли мне к Мезенцову и сказать, что получена статья из Парижа, я заметил, что будь это при Похвисневе, я бы ему прямо сказал, в чем дело. Он согласился с основательностью такой меры. Бесконечные уверения, что это так и останется тайной. На эти уверения я даже перестал уже возражать. Мы простились приятно. Одевшись уже, я вернулся из передней. Он мялся. Я сказал, что его замечание о Мезенцове и мое о Похвисневе дало мне сейчас мысль сообщить об этом Мансурову.

Я сейчас, говорит, приду. Он мялся долго, конечно обдумывал. Когда пришел, то сразу начал говорить: если письмо и было прочитано, то, не усмотрев в нем ничего серьезного, отослали мне и больше уже не читали, и, стуча по биллиарду кулаком, непривычно громко, несколько раз повторял:

— Я не был на настоящей точке зрения до настоящей минуты, а теперь уверен, что тут не может быть никакого правительственного вмешательства, и дело нужно оставить как есть. Иначе, если я *«Лазаревский»* теперь заявлю, то сам навязываюсь на разбирательство, при котором я *«Лазаревский»*, как молчавший так долго, буду виноват первый.

— Значит, мне выхода уже нет, и теперь я ваш сообщник.

— После этого прошу вас прекратить разговор.

Я повернулся и ушел.

Финал этого разговора, в день 14 марта, совершенно ясно показывает, как следует понимать его начало, производящее, по первому взгляду, странное впечатление.

Конечно, Некрасов не собирался направлять Лазаревского к начальнику III Отделения с доносом на самого себя и ставить тем самым и себя лично и журнал свой перед лицом неотвратимой катастрофы. Конечно, Некрасов не мог признать и за Лазаревским права «на всякие меры». Это была бы такая же катастрофа. Но, видя испуг Лазаревского, Некрасов, опасаясь предательства с его стороны. Необходимо было узнать его мысли и намерения. С целью выведать их, Некрасов и завел свой «откровенный» разговор. Он дал результат. Лазаревский признался в своем желании сообщить все властям, через Н. П. Мансурова — директора одного из департаментов в Министерстве внутренних дел. Некрасов должен был сразу же принять меры против возникшей опасности. Он тут же постарался внушить перепуганному Лазаревскому, что предательство, донос уже не спасут его, «как молчавшего так долго». Он дал понять также, намекая на что-то известное Лазаревскому, что в случае правительственного вмешательства и разбирательства он все равно будет признан «сообщником» редакции и что выход для него один — молчание.

Весь разговор и последние слова Некрасова произвели на Лазаревского весьма гнетущее действие. Вернувшись к себе, ночью, он написал Некрасову такое письмо:

<3>

<В ночь на 15-е марта 1871 г.>

«В чести прожитого, в чести имени есть своя святость. Тут основа и движение общественных начал; охраняя эту честь, я забывал свое будущее и будущее своего семейства.

Вы мне сказали не новость, что тут записка об осаде Парижа. Я был уверен в этом. Вся история об этом прошла на моих глазах, и 30 дня в день. Разрешение редакции, в том и в другом случае, выслать ее на мое имя последовало не вступно вслед за моим протестом против такой высылки.

Прошу Вас предъявить это письмо Салтыкову.

Прошу Вас сообщить ему и наш вчерашний разговор.

В дневнике моем он записан.

Как личность не вне вопроса, и в то же время, как хозяин местности беседы, Вы закончили ее крайним неприличием.

Я не оценил ваших, очень памятных, доводов, что к молчанию я обязываюсь потому, что теперь мыслить о своей охране для меня уже бесполезно.

Рассудит нас будущее.

Конечно, мы сделаем себе взаимную честь, не признавая друг друга при встречах».

Было ли отправлено это письмо? Мы думаем, что нет. И не потому, что текст его сохранился в архиве отправителя (хотя рукопись не похожа на черновик). А потому, что, находясь в состоянии нервного возбуждения, Лазаревский сказал в письме то, что не доверил даже своему дневнику и что создавало бы, будь письмо послано, компрометирующий его документ.

Вопреки всем записям дневника, Лазаревский признает в письме 1) что он знал об отправителе и содержании корреспонденций, поступивших на его имя из Брюсселя и Парижа, 2) что «вся история об этом прошла на моих глазах, изо дня в день»; 3) что редакция «Отечественных Записок» вела с ним, Лазаревским, прямые переговоры, добиваясь его согласия на посредничество в конспиративных связях с Лавровым, хотя разрешения на это от него и не получила.

Письмо, таким образом, существенно корректирует дневниковые записи и делает понятным намек Некрасова на неизбежность признания сообщничества Лазаревского в этом деле, в случае его разбирательства властями.

Утром того же 15 марта Лазаревский получил следующую записку от Некрасова (приводится по подлиннику):

<4>

<15 марта 1871 г.>

До прихода литературной братии мне еще нужно сделать счет по 3-ей книге, и я никак не успею до часа зайти к Вам. А между тем, нахожу нужным поговорить о вчерашнем деле с хладнокровием, которого мы вчера не выдержали. Семь раз примерь, — один раз отрежь. Если Вы тех же мыслей, то не зайдете ли ко мне?

Ваш Некрасов.

Лазаревский принял предложение, и встреча состоялась. В его дневнике она была записана, видимо, подробно, однако соответствующие листы рукописи утеряны. Сохранилось лишь следующее начало записи:

<5>

15 марта <1871 г.>. Только что я встал. В 10 часов приносят письмо от Некрасова. Я пошел к нему. — Я вчера, — говорит, — не играл, все думал по этому делу и признал вполне, что всему виной эта дура <Маркович>. Хотите, она придет к вам извиниться... — Мне противно ее видеть. — Хотите, я сейчас за ней пошлю, чтоб пришла сюда. — Не хочу. — Хотите, она напишет извинительное письмо, которое может служить документом. — Поймите, что ни то, ни другое, ни третье не вносит ровно ничего, что бы могло изменить сущность вопроса. С своей стороны, я должен сказать вам две вещи: 1) что письма могут быть

<6>

Ва<ше> Вы<соко>-Превосходительство
Милостивый Государь

С 11 минувшего февраля представлены мне с почты четыре заграничных письма: два из Брюсселя и два из Парижа. Под конвертом первого из них оказался другой, с адресом знакомой мне г-жи Маркович (известной под литературным псевдонимом Марко-Вовчок). Отправляя к ней это письмо, я заявил о нежелании получать для передачи подобную корреспонденцию, о которой не имею никакого понятия. Так как скольконибудь удовлетворительного объяснения на это от нее не последовало, то, недоумевая о сущности вещи и не желая быть агентом подобной переписки, я оставлял пока у себя последующие письма, не вскрывая их. Ввиду этой неизвестности я считаю служебной обязанностью представить упомянутые три письма и конверт четвертого на благоусмотрение Вашего В<ысоко>-Превосходительства как непосредственного моего начальника.

С истинным почтением и глубокой преданностью имею быть Вашего Превосходительства покорнейший слуга.

17 марта 1871 г.

Шаг к предательству, сделанный Лазаревским, дался ему не легко. О его душевном состоянии и тяжелых переживаниях дает представление письмо к Некрасову, написанное им, очевидно, одновременно с письмом к Тимашеву.

<7>

<17 марта 1871 г. ?>

Н е п о с л а н о

Неповинный ни в чем, я вот уже три недели терплю муки поистине невыносимые. Мне предлагают спасение, обратив их из острых в хронические. Так быть граждански — противно разуму общественного склада, физически — не под силу нервам. И когда я думаю, что взяли меня, ничего даже не подозревавшего, взяли обдуманно и повесили на крюк за ребро, и стерегут, чтоб не сорвалась жертва, время от времени отуманивая ее дурманом, — я теряю всякое человеческое чувство, и смысл, и волю. Для меня становится понятным, как человек подходит к сумасшествию, к самоубийству. Я весь опутан. Выход один — разбирательство и приговор по суду. Пусть рассудит нас общественная совесть. Считаю нужным прибавить, что 15 марта я говорил уже вам лично: Мария Александровна теперь на втором плане. Это не больше как загребистая дура; олицетворение наглости с медным лбом. На ее клавикордах играли иные руки: это — редакция «Отечественных Записок».

На письме к Некрасову имеется пометка: «не послано». На черновике письма к Тимашеву Лазаревский такой пометки не сделал. И тем не менее, не приходится сомневаться, что Лазаревский в последний момент удержал себя или вернее был удержан от рокового шага. М. Д. Лобач-Жученко прямо сообщает по этому поводу, несомненно со слов М. А. Маркович, что «только решительное вмешательство Некрасова и Салтыкова» воспрепятствовало перепуганному Лазаревскому осуществить его намерение обратиться к властям — в III Отделение и к министру Тимашеву (см. «Твори Марка Вовчка», т. IV, Харків, 1928, стр. 203).

Финал эпизода не ясен. В «Записках» Лазаревского есть еще два документа, относящихся сюда. Это взаимно примирительные письма, которыми обменялись Некрасов и Лазаревский в начале мая, т. е. уже по прошествии 1½ месяцев после изложенных событий. Некрасов писал Лазаревскому:

⟨8⟩

⟨Понедельник, 3 мая 1871 г.⟩¹¹⁸

В субботу воротился я из Чудова — убил 24 дупеля, только что прилетевших. Советую туда поехать, охота недурная.

Посылаю Вам бумагу, заключенную с кн. Мухранским, который чуть не отдал свои земли другому. Да и нам отдал только на один год. По уговору с Краббе — мы эту арендную плату берем на себя вдвоем.

М. А. МАРКОВИЧ (МАРКО-ВОВЧОК)

Фотография 1860-х гг.

Институт литературы АН СССР, Ленинград

Я не заходил к Вам по моим обыкновенным причинам: утром — газеты и корректуры, после обеда — сон, вечером — клуб; но почему Вы не завернете? В последнее время мне это начало казаться отчасти странным; думал пойти к Вам, да тоже как-то дико показалось; допустив раз мысль, что тут творится нечто неспроста, — должен от Вас ждать развязки. Не сказал ли я чего-нибудь лишнего при наших разговорах о письмах? Или не есть ли это последствие какой-либо сплетни со стороны М. А. ⟨Маркович⟩, которая по поводу этих писем не раз заходила ко мне. Я полагаю, что едва ли для нее не было бы одним из сильнейших удовольствий известие о нашей ссоре, но доставлять ей это удовольствие в мои расчеты не входило; не думаю, чтоб и в Ваши. Во всяком случае, люди — не собаки, и обрывать так отношения, подобные нашим, очень уж как-то дико. Вот почему я все это пишу и жду объяснения.

Попрежнему преданный Вам Некрасов.

Лазаревский отвечал на это Некрасову:

<9>

<Среда> 5 мая 1871 г.

Письмо Ваше взбунтовало во мне все, начинавшее улегаться. Два дня вот уже и в голове и сердце тревога. Вы хотите объяснения — оно коротко. Вы знали, что я любил Вас, но я сам не знал силы этой привязанности [доходившей до страсти]. Вы видели до какой степени страдал я во всех смыслах; Вы, как медиатор, не стали на стороне нравственных прав, которым, прежде всего, как человек умный, Вы не могли не сочувствовать.

Неприязни к Вам во мне нет. Вы знаете, что я всегда говорю и действую по правде. Встретившись, я бы подошел к Вам, но встречи бы не искал.

Прошлое не воротится, и об этом тоже я буду жалеть. Но во имя приличий — будем соблюдать приличия. Люди не собаки — это правда. У собак нет нерва, нравственной боли, у человека он есть, а у глупых людей даже особенно болезнен.

Степан сегодня пишет мне, что есть дупель и тяга. Я уже давно из халата только по вторникам вылезая. Хочетсядохнуть болотом, а главное — нужно вознаградить собаку. На всякий случай я сказал Шидловскому, что, быть может, на-днях уеду. Кстати, у нас звонят, что он заменяет Мезенцова, и очень скоро. Много болтают о других прочих <нраб.— переменах?>.

Вскоре отношения были восстановлены полностью, и Лазаревский по-прежнему стал активно защищать «Отечественные Записки» в Совете, консультировать и информировать Некрасова в делах цензурного «охранения» журнала, охотиться с Некрасовым, посещать на его абонемент театры... и по-прежнему заносить в свой дневник клевету о поэте.

Наше изложение истории о конспиративной попытке редакции «Отечественных Записок» получить и напечатать корреспонденции Лаврова об осаде Парижа в 1871 г. было бы неполно без некоторых самых кратких, итоговых комментариев и выводов.

Прежде всего, возникает вопрос о судьбе, постигшей статью или статьи Лаврова. Поскольку три письма, содержащие лавровские рукописи, из четырех присланных, находились в руках у Лазаревского (это явствует из письма его к Тимашеву), можно предполагать, что они были уничтожены им, после того как он раздумал дать ход своему доносу. Среди позднейших печатных работ Лаврова специальной статьи об осаде Парижа (она могла сохраниться у автора в копии) не появлялось.

Приведенные документальные материалы открывают, далее, истинную причину временного перерыва сношений редакции «Отечественных Записок» с Лавровым в 1871 г. Известно, что этот перерыв налаженной связи с журналом, который Лавров больше всего ценил, причинил ему немало неприятных переживаний. Он с горечью должен был констатировать в своих письмах к Е. А. Штакеншнейдер, что «порядочные люди <т. е. редакция «Отечественных Записок»> порывают с ним всякие сношения и не заботятся об их поддержании». Виня в невнимании к себе также Марко-Вовчок, он даже заговорил, в письме к той же Штакеншнейдер, о «повальном понижении нравственности, особенно литературной и издательской», имея в виду Марко-Вовчок и редакцию «Отечественных Записок»¹¹⁹.

Эти и многие другие аналогичные обвинения Лаврова по адресу Некрасова и редакции в целом должны быть теперь сняты. Дело было не в «нарочитом невнимании» и не в «создаваемом конфликте», а в простых мерах предосторожности, побудивших редакцию временно прекратить конспиративную связь, находившуюся под угрозой полицейского раскрытия.

местному охотничьему хозяйству. Но по существу причина лежала в ином. 1874 год был очень трудным для «Отечественных Записок». Цензурные репрессии сыпались на журнал одна за другой: майская книжка была задержана, тираж сентябрьской уничтожен. Лазаревский либо уже не мог, либо не хотел больше защищать некрасовский журнал. В условиях начавшегося подъема революционного движения в стране и ответных контрмер правительства его позиция негласного «адвоката» демократического органа становилась опасной. Почвы для «дружбы» больше не существовало, и связи Некрасова с этим «другом-врагом» были прекращены.

IX. НЕКРАСОВ И СОВЕТ ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ПО ДЕЛАМ ПЕЧАТИ

В борьбе Некрасова с царской цензурой его «дружба» с чинами Совета Главного управления по делам печати призвана была обеспечивать «главную коммуникацию» противоцензурной обороны журнала. Судьбы «Отечественных Записок» в значительной мере определялись этим высшим цензурным органом царской России. Возможность оказывать воздействие на решения Совета, организация и проведение защиты журнала на его заседаниях венчали всю систему мероприятий, созданных Некрасовым для «охранения» своего издания от преследований цензуры.

Изучение протоколов («журналов») заседаний Совета Главного управления по делам печати позволяет достаточно ясно увидеть картину того, как осуществлялась на практике организованная Некрасовым защита «Отечественных Записок» в высшей цензурной инстанции.

Протокольные записи выступлений членов Совета Ф. Толстого и В. Лазаревского — негласных «адвокатов» редакции «Отечественных Записок» в высшем цензурном «суде» — показывают в ряде случаев, что их защитительные речи умело и тонко подготавливались иногда самим Некрасовым.

Как это делалось, видно, например, из следующего, еще не бывшего в печати, письма Некрасова к Лазаревскому от середины апреля 1872 года:

«Вот книга — представлена сегодня в цензуру — пожалуйста, проходите еще мою поэму. Если у Вас завтра будет заседание, то не возникнут ли толки? Я побаиваюсь за сцену на площади; но прошло 50 лет! да и все это есть у Корфа, которого книги во многих тысячах экз(емпляров) в руках у публики¹²⁰ — картинка чисто внешняя, не гнущая мысль читателя ни в которую сторону..., ну, да Вы найдете, что сказать в защиту. Только выживший из ума Петров может напугаться и предупредить Лонгинова, как он сделал с «Дедушкой», на которого, кстати, тоже можно сослаться, — этот дед, в сущности, резче, ибо является одним из действительных деятелей, — а не по сопутности захваченных событиями, как эти дамы, — и притом выведен нераскаившимся, т. е. таким же, как был.

Я посылаю тоже книгу и подобную записку Каменскому и прошу его завтра обедать. Прошу и Вас.

Александр зовет на глухарей. Поговорим завтра».

⟨Против первых строк письма рукой Лазаревского помечено:⟩ «От. Зап. Княгиня Трубецкая»¹²¹.

Письмо не требует особых комментариев. Некрасов в деликатной форме дружеской записки подсказывает Лазаревскому, накануне заседания Совета, аргументы в защиту своей поэмы «Княгиня Трубецкая», пригла-

шает его и другого члена Совета, также защищавшего «Отечественные Записки», Д. И. Каменского, на обед, упоминает о перспективах хорошей охоты.

Такова была подготовка «защиты». Как она происходила, можно показать на материалах (еще не бывших в печати) обсуждения в Совете Главного управления по делам печати некрасовской поэмы «Недавнее время».

Как явствует из печатаемых документов, Ф. Толстой в неофициальном порядке советовал Некрасову не печатать этой резко-обличительной сатирической поэмы или, по крайней мере, пойти на смягчение и изъятие отдельных ее мест. Однако Некрасов, отвергнув первый совет, лишь в малой мере последовал и второму. По выходе 10-й книжки «Отечественных Записок» за 1871 г., в которой появилось «Недавнее время», Некрасов узнал, что из-за его поэмы журналу грозит предостережение. Некрасов, несомненно, принял свои обычные меры и постарался надлежащим образом подготовить предстоящие выступления своих «защитников» в Совете — Ф. Толстого и В. Лазаревского.

Петербургский цензурный комитет нашел стихотворение Некрасова, наряду с другими статьями десятой книжки ¹²², «крайне предосудительным». В «Недавнем времени» Цензурному комитету не нравилось все: и описание Английского клуба, и нравов недавней мрачной эпохи, и изображение личностей, посещавших клуб, и, особенно, — ненависть поэта к аристократическому обществу и доносам.

Доклад Цензурного комитета поступил на обсуждение в Совет Главного управления.

«В означенном стихотворении, — записано в журнале заседаний, — поэт, желая описать настоящее положение одного именитого клуба (без сомнения, Английского), проводит параллель между прежними и настоящими его посетителями. Относясь иронически к прежнему недавнему времени, когда этот клуб посещался разными знаменитостями из высшей административной сферы и аристократического круга общества, поэт в самых непристойных и мрачных красках описывает время последних лет царствования императора Александра I. Так, говоря о том, что первые новости, вследствие тогдашнего безмолвия русских газет, узнавались прежде всего в этом клубе, он припоминает события об аресте Полевого, произведшем на поэта самое тяжелое впечатление. Поэт не предвидел, что его самого ожидают последствия еще худшие со стороны той же карающей власти, причем выражает свою мысль в следующих стихах на стр<анице> 266:

Не такие еще поощренья
Встретишь ты на пути роковом, —
Но не понял я песенки спросту,
У Цепного бессмертного мосту
Мне ее пояснили потом.

Упоминая о том, что в то время и первые известия с поля военных действий узнавались раньше всего в означенном клубе, поэт замечает о неблагодарности русских к героям, жертвовавшим собою на войне, и, напротив, помнящих тех, которые грабили солдат, прятали русскую корпию впрок и потом продавали англичанам (стр. 267).

Описывая затем некоторые личности клубных посетителей, отличавшихся своим невежеством и тупоумием, поэт, говоря о каком-то молодом человеке из высшего круга, посвящавшем все свое время еде, попойке и ухаживанию за актрисами, утешает его тем, что бездарность не может помешать ему сделаться генерал-адъютантом, носить украшения на груди, так как всего этого можно достигнуть с меньшим знанием и меньшим талантом.

Далее следует описание в самых мрачных красках обращения военного начальства с солдатами, в пример которого поэт приводит какого-то мужа, управлявшего больницей и пожарной командой, который будто для приучения солдат к действию на пожарах заставлял их проводить время в угарной бане и делал столько фальшивых тревог, что при действительном пожаре и люди и лошади оказались до того измученными, что не были в состоянии действовать. Или когда ожидали этого генерала в больнице, то для очистки воздуха отворялись все форточки, после чего прибавлялось всегда несколько больных горячкою и несколько преждевременных смертей (стр. 272 и 273).

Далее поэт замечает, что после февральской революции доносы сделались всеобщими, и предержавшие власти не отказывались принимать их (стр. 273). Газеты в то время все молчали, современных вопросов никто не смел касаться, допускались только доносы; в то время все так было угнетено, что даже доносчик Авдей (указание на Фаддея Булгарина) казался исчадием ада (стр. 274).

На стр. 275 с иронией упоминается о победах на маневрах под Красным Селом и о порожденной ими уверенности в нашем превосходстве над Европой.

Переходя затем к новому времени, т. е. к нынешнему царствованию, поэт замечает (на стр. 278), что надежды на него не сбылись, что оно не сдержало своих обетов, к удовольствию ретроградов и невежд; но что в начале оно Россия была удивительно хороша, что тогда она сбивала свои оковы, как будто спеша куда-то. При этом, бичуя предшествовавшее время, автор доходит до крайности в выражениях ненависти к прежнему обществу, говоря следующими стихами, на стр. 279:

Мы взывали: даруйте свободу
Угнетенному нами народу,
Мы прошедшее сами клянем!
Посмотрите на нас: мы обжоры,
Мы ходячие трупы, гробы,
Казнокрады, казенные воры,
Угнетатели, трусы, рабы!

В конце стихотворения поэт, отвечая на делаемый ему будто вопрос, почему он коснулся прошедшего, а не настоящего времени, поясняет, что он лишен права голоса в текущих вопросах; прикасаться же к ним робко и несмело находит бесполезным, так как в этом случае он бы более запутывал их»¹²³.

Первым в защиту «Недавнего времени» на заседании Совета выступил Ф. М. Толстой. Одновременно он защищал и себя как неофициального цензора журнала, указывая на то, что им были сделаны попытки предотвратить печатание произведений. Приводим протокольную запись выступления Ф. Толстого:

«Н е д а в н е е в р е м я». Это стихотворение Некрасова принадлежит к разряду сатирических стихотворений. Этот род поэтических произведений, со времен Ювенала, всегда отличался некоторой едкостью, необходимой для того, чтобы выставить рельефнее недостатки и даже пороки, бичуемые сатириком-поэтом. Этот род поэзии существовал и существует во всех литературах. Грубый памфлет возмущает, но тонкая поэтическая сатира принимается образованными обществами снисходительно даже со стороны тех, до кого она менее или более касается.

При этом гофмейстер Толстой заявил, что он, впрочем, советовал Некрасову не печатать этого стихотворения, потому что сатира должна быть более объективного характера, т. е. должна более обобщать свой предмет, а здесь прямо указывается на один из клубов, в котором, конечно, в течение

Очевидно, что слово «генерал-адъютантом» вставлено сюда для стиха и для соблюдения местного колорита. Поэт хотел этим выразить, что можно достигнуть высших почестей без особенных заслуг. Это совершенно избитая, всем известная тема.

В стихах «Недавнее прошлое» <?> много едкого, много грустного и, пожалуй, не совсем приятного для русского общества, но, по мнению гофмейстера Толстого, стихотворение не выходит из пределов сатиры. Английский сатирик Свифт — с которым не сравнится, конечно, Некрасов — и не такие правды высказывал английскому обществу, что не мешало ему, однако ж, пользоваться всеобщим уважением»¹²⁴.

Для связи с последующим изложением подчеркнем то место в выступлении Толстого, где он пытался отвести от некрасовского «генерал-адъютанта», совсем не случайно всполошившего весь цензурный муравейник, содержащийся тут опасный намек на самого шефа цензурного ведомства, министра внутренних дел генерал-адъютанта Тимашева, ранее управляющего III Отделением «у Цепного бессмертного мосту». Но Толстому не помогли ни указания на «местный колорит», ни на «избитость» якобы только и выраженной Некрасовым «всем известной темы» о том, что «можно достигнуть высших почестей без особенных заслуг», ни, наконец, на случайность появления этого слова, вызванного якобы требованием стихотворного размера. Как увидим ниже, пропущенный Толстым как неофициальным цензором журнала «генерал-адъютант» стоил ему его дальнейшей цензурной карьеры. Именно после этого заседания, где Толстой защищал «Недавнее время», он вынужден был после замечания Тимашева подать в отставку.

После доклада Ф. Толстого выступил председательствующий в Совете начальник главного управления М. Р. Шидловский.

«Относительно стихотворения «Недавнее время» Некрасова, — сказал он, — член Совета Толстой заявил, что это есть изображение жизни известного Английского клуба, но, по мнению председателя, клуб здесь только маска, под прикрытием которой поэту удобнее порицать порядки недавнего прошлого, к нам очень близкого; в этом стихотворении автор не только глумится над прошлым царствованием, но и проводит тяжкую для нас мысль, что и настоящее царствование не оправдало тех общих ожиданий, которые оно вызвало в своем начале»¹²⁵.

Это свое мнение Шидловский высказал «после прочтения в Совете более рельефных мест» стихотворения.

При дальнейшем обсуждении 10-й книжки «Отечественных Записок» высказались члены Совета Еленев, Петров, Вокар и Стремоухов, которые присоединились к мнению Шидловского и находили, «что вредный характер «Отечественных Записок» уже достаточно определен и с особенной рельефностью выражается в последней, 10-й книжке», что подбор статей в журнале Некрасова «в совокупности выражает столь вредное отрицательное направление, которое долее не может быть терпимо, полагали бы объявить этому журналу предостережение»¹²⁶.

Последним в заседании выступил Лазаревский. Его «защитительная речь», таким образом, заключала прения, а речь Толстого открывала их. Такое распределение порядка их выступлений вряд ли было случайным.

«Член Совета Лазаревский заявил, — гласит протокольная запись, — что он не может вполне согласиться с выраженными в Совете взглядами на некоторые из подлежащих обсуждению статей. Таким образом, он наблюдает, что стихотворение Некрасова «Недавнее время» есть действительно не более как характеристика Английского клуба, что доказывается уже тем, что почти все выведенные там лица не суть какие-нибудь общие образы, а лица более или менее весьма угадываемые. Пьеса эта скорее, так сказать, анекдотического склада. Что касается частных, то здесь

собственно два места, вызывающие обвинение, — это намек на объяснение в III Отделении и стих «Впрочем, быть генерал-адъютантом». Касательно первого, никто не станет отрицать, что здесь не заключается не только ничего оскорбительного для власти, но что в свободной печати, известной язвительностью у нас, положительно нельзя указать на что-либо другое, где бы отношение могущественного лица выразилось с большим благодушием к человеку, увлекшемуся дальше дозволяемых пределов. В таком освещении это лицо и его действия могут вызвать в читателе чувство только симпатическое. В объяснение же вышеприведенного стиха не следует упускать из виду, что речь идет о личности, шалости которой суть только невольная дань молодости и избытку внутренних сил, но каждый, конечно, согласится, что подобная личность, именно по богатой своей организации, всегда способна отряхнуть напускную желчь, чтобы сделаться человеком, способным к высшему гражданскому достоинству.

Наконец, что касается вообще характеристики Некрасова как поэта, то он уже, так сказать, закончился в своем поприще. Он всегда верен своей музе, им же очеркнутой. Два-три стихотворения более или менее ничего не прибавят и не убавят ни к современному, ни к историко-литературному его значению. Если тут вносилось в общественное сознание зло, было довольно времени, чтобы оно сказалось, чтобы остановить. Если этого не было, то последнее стихотворение не сильно само по себе дает особый колорит сумме всей поэтической его деятельности¹²⁷.

Как видим, и Лазаревский, вслед за Толстым, пытается, и очень умело, нейтрализовать предосудительность метивших в генерал-адъютанта Тимашева стихов («Впрочем, быть генерал-адъютантом») ссылкой на избыток внутренних сил, на «богатую организацией» личность, способную «к высшему гражданскому достоинству», т. е. министерскому портфелю и «светлому» пути чиновничьей карьеры.

Лазаревский считал, что после того, как Совет главного управления по делам печати в конце 1869 г. обсудил, по указанию Тимашева, «общее направление и характер «Отечественных Записок», выходивших под негласной редакцией Некрасова», — направление журнала не изменилось:

«В заключение член Совета Лазаревский согласился с тем местом заявления гофмейстера Толстого, где говорится о состоявшемся в 1869 г. существенном пересмотре вышедших до того времени книжек «Отечественных Записок» под негласной редакцией г. Некрасова. Заключение, данное в то время и Цензурным комитетом, и Советом Главного управления по делам печати, известно. С тех пор и до настоящего времени ни одна книжка «Отечественных Записок» в общем значении ее характера не выходила, так сказать, из ряда вон. По всему вышеизложенному член Совета Лазаревский не видит оснований объявлять ныне «Отечественным Запискам» предостережение и полагал бы, согласно мнению гофмейстера Толстого принять оные к сведению, как определяющие вредное направление журнала»¹²⁸.

На заседании Совета Главного управления по делам печати члены Совета не пришли к единому мнению: «Б о л ь ш и н с т в о членов Совета (председатель и пять членов) п о л а г а е т, — записано в журнале заседаний, — объявить журналу «Отечественные Записки» первое предостережение, а м е н ь ш и н с т в о (два члена) п о л а г а е т принять указанные статьи к сведению, как определяющие вредное направление журнала».

Министр внутренних дел Тимашев, «п о о с о б ы м с о о б р а ж е н и я м», согласился с мнением меньшинства, т. е. с мнениями Ф. Толстого и В. Лазаревского. Заготовленный уже текст предостережения «Отечественным Запискам» не был подписан им¹²⁹.

Х. БОРЬБА ЗА ГАЗЕТНУЮ ТРИБУНУ

В предыдущем изложении было уже показано, что одной из важнейших задач цензурных и жандармско-полицейских учреждений царизма в их борьбе с «неблагонамеренной печатью» являлась локализация общественного воздействия этой печати «возможно более узкими и тесными пределами». На этом принципе зиждилась, как мы видели, политика Валуева — Шувалова, разрешивших Некрасову в 1868 г. издание «Отечественных Записок». «Сосредоточить бродячие литературные силы бывшего «Современника» в одном журнале» Валуев «находил более удобным», считая, что в противном случае они «разбредутся» по многим изданиям, что представлялось опасным.

Царская цензура и ее руководители были вполне последовательны поэтому в своей политике, когда допускали (хотя и в искаленном часто виде) произведения Некрасова и Щедрина на страницы «Отечественных Записок» и одновременно запрещали эти же самые произведения в дешевых и популярных изданиях.

Предметом особой настороженности и бдительности цензурно-полицейских властей являлся контроль за недопущением литературной группы бывшего «Современника» в газету. Для такой настороженности властей имелись основания. В условиях широкого развития в 60—80-е годы русской газетной печати и «чудодейственно-быстрого рождения читающего человека на Руси» (М. Горький о 70—80-х годах) Некрасов не мог не оценить значения и преимуществ газеты как средства литературно-общественного и политического воспитания массового читателя, в отличие от журнала, обращенного всегда к численно ограниченной аудитории.

Борьба Некрасова за создание газетной трибуны до сих пор не освещалась в литературе, посвященной изучению его журнально-издательской деятельности. Однако существуют материалы, позволяющие утверждать, что мысль о проникновении в газету занимала Некрасова и что, уже начиная с 60-х годов, он неоднократно пытался подойти к практическому решению этой задачи.

Было бы, однако, поспешно заключать, на основании тех скудных, разрозненных и иногда требующих подтверждения фактов, которые будут сейчас сообщены, что Некрасов мог всерьез мечтать в эти годы о создании для русской демократии той эпохи, когда она и субъективно и объективно была революционной, своей повседневной политической печати, своего рода газетного «Современника» или газетных «Отечественных Записок». В условиях русской политической действительности не только 60—70-х годов, но и более поздней эпохи, существование независимой легальной газеты последовательно демократического направления было невозможно. Лишь революция 1905 г. впервые дала возможность, весьма впрочем кратковременную, для создания ряда легальных газет революционного направления (вплоть до большевистской «Новой Жизни»). В 70-е же годы повседневная печать так называемого прогрессивного лагеря была сплошь оппортунистической и полностью зависимой от чрезвычайно жесткого и придирчивого к ней контроля цензуры и органов политического надзора царизма.

В этих условиях Некрасов мог думать о более скромных и все же очень важных задачах: об организованном проникновении своей литературной «партии» в одну или несколько существующих газет для пропаганды и популяризации там того направления общественной мысли, на службу которому были поставлены им «Современник» и «Отечественные Записки». Под этим углом зрения и следует рассматривать неоднократно предпринимавшиеся Некрасовым попытки негласного проникновения в издания

массовой периодической печати, о чем мы узнаем из впервые публикуемых ниже документов.

Любопытное свидетельство о наиболее раннем плане Некрасова создать массовую газету для народа мы находим в забытой главе из воспоминаний А. Я. Панаевой, не вошедшей в их отдельное издание и публикуемой в настоящем томе. Вот что сообщает по этому поводу А. Панаева:

БОГОМОЛКИ-СТРАННИЦЫ

Этюд маслом И. Е. Репина 1878 г. для картины «Крестный ход в Курской губернии»

Третьяковская галлерея Москва

«Некрасов при самом начале издания «Современника» мечтал о дешевой газете.

— Кабы были деньги, сейчас бы начал издавать дешевую газету. Я уверен, что дешевая газета десятки тысяч имела бы подписчиков.

Многие сомневались в успехе дешевой газеты, но Некрасов горячо защищал свою мысль об издании такой газеты.

В Крымскую кампанию Некрасов особенно горевал, что не удалось ему осуществить свою идею относительно издания дешевой газеты:

— Ведь в самом захолустье России жаждут прочесть, что творится с их сыновьями, мужьями, а разве большинству доступно выписывать наши дорогие газеты?

И будь у Некрасова тогда деньги, он наверно бы стал издавать дешевую газету».

В литературе нет никаких других сведений об этом проекте Некрасова, но нет и оснований заподозрить достоверность сообщаемого Панаевой.

Если не считать относящегося к 1857 г. намерения Некрасова издавать вместе с Щедриным, И. Панаевым и др. юмористическую газету «Правда», то следующим начинанием в этой области явилась попытка (датируемая 1857—1860 гг.) создать специальную газету для путешествующих с весьма широкой общей программой, о чем мы узнаем впервые из публикации С. А. Рейсера в этом томе.

К 1872 или 1873 г. Некрасов, по свидетельству А. Г. Бородиной, чьи воспоминания также публикуются в настоящей книге В. Е. Евгеньевым-Максимовым, предполагал купить у Ф. Н. Устрялова газету «Новое Время», но «потом раздумал».

Обнаруженные нами новые архивные источники, относящиеся к 1867—1876 гг., содержат ряд любопытных указаний на неизвестные до сих пор попытки Некрасова негласно проникнуть в некоторые периодические издания для использования их в качестве дополнительных к «Отч. Запискам» рупоров того «направления», которому Некрасов, по его собственному выражению, «служил». Приводим эти документы в их хронологической последовательности, отдельными эпизодами.

1

В марте 1867 г. издатель-редактор газеты «Неделя» Н. Мунт просил о передаче редакторства купцу 2-й гильдии В. Ф. Генкелю. По существующему порядку, Главное управление по делам печати запросило в III Отделении сведения о политической благонадежности Генкеля. Присланная справка характеризовала Генкеля как человека «исключительно коммерческого» и политически «благонадежного». Против передачи ему газеты III Отделение не возражало, но составленный в этом смысле ответ, посланный за подписью Мезенцова, содержал следующее предупреждение:

«Необходимо только иметь в виду, чтобы он (Генкель) не был подставным лицом. В настоящем случае такое опасение представляется тем более имеющим вероятность, что на газету «Неделю», как известно, имел виды бывший редактор запрещенного журнала «Современник» Некрасов, а также сотрудники как этого, так и тоже прекращенного журнала «Русское Слово»¹³⁰.

2

В январе 1868 г. А. И. Мамонтов подал в Главное управление по делам печати прошение о разрешении ему издавать в Москве газету «Театральный Листок». Запрос в III Отделение вызвал, в свою очередь, предписание его начальника Мезенцова Московскому губернскому жандармскому управлению о наведении необходимой справки. Она скоро была получена и содержала положительную, с точки зрения властей, характеристику Мамонтову. Но Мезенцов, читая эту характеристику, подписанную начальником Московского жандармского управления, генерал-майором С(нрзб.), вспомнил, что фамилия Мамонтова ему знакома, и потребовал выяснить, не было ли в III Отделении «дела», в котором она упоминалась. Такое «дело» действительно нашлось (Дело 1 эксп., 10 апреля 1866 г. № 100, ч. 156, «о покушении»). Вследствие этого последовало вторичное, на этот раз устное предписание

жандармскому полковнику Воейкову «произвести самую тщательную проверку сведений» о Мамонтове. В ответ на это предписание и был послан публикуемый документ:

Помощник начальника
Московского Губернского
Жандармского Управления

10-го февраля 1868 года

№ 16

Москва

В 3-ю Экспедицию III Отделения

Секретно

Действительный студент Московского университета Анатолий Иванов Мамонтов ходатайствует о разрешении ему издавать в Москве «Театральный Листок». По поводу сего, согласно словесного поручения, сделанного мне лично в С.-Петербурге, хотя и собраны сведения, но имеющие между собой некоторую разность, заключаются в следующем <1>:

Редактором упоминаемого «Листка» будет называться и подписываться Анатолий Мамонтов, но редакцией будут управлять гг. Алексей Николаевич Плещеев и Николай Александрович <1> Некрасов (бывший редактор «Современника»). Газета эта не ограничится эстетическою критикою наших драматических произведений, цель ее — не искусство для искусства: но редакторы предполагают проводить здесь, под прикрытием критических обзоров, доктрины современной политической философии и намерены действовать скорее как публицисты, чем как издатели листка, посвященного исключительно искусствам.

Тенденции их предвидеть не трудно, по крайней мере достоверно известно (но под большим секретом мне передано), что Плещеев, предполагая участвовать в издании «Антракт», разошелся с г. Родиславским <подчеркнуто красным карандашом> за то, что последнего хотел устранить от направления издания, а действовать самостоятельно с целями уже объясненными; но г. Родиславский устранил самого Плещеева и издает один. Вследствие сего Плещеев с сотрудниками своими Некрасовым и Островским <почт. красн. карандаш> предложил Мамонтову принять номинальное звание ответственного редактора «Театрального Листка», настоящим же редактором будет Плещеев. Предложение это для Мамонтова выгодно потому, что он имеет на Малой Дмитровке в доме Хлудова собственную типографию, где предполагается печатать и «Театральный Листок». Основной капитал для издания дают Островский и часть одного Плещеев.

По другим же сведениям, цель издания «Театрального Листка» объясняется мне иначе, что задуманное предприятие есть то, чтобы иметь в своем распоряжении орган произвольного суда над драматическими произведениями и, опираясь на этот авторитет, взять в монополию репертуар столичных театров. Все произведения других авторов будут строго разбираемы, в них всегда найдут недостатки, и только пьесы Островского будут превозносимы до небес. Наша публика еще не созрела до того, чтобы иметь свое суждение. Она толкует пока по печатным отзывам и верит в печатное слово, а чем более пьес г. Островского будет на репертуаре, тем ему более дохода. Издатель «Антракта» не имеет таких даровитых сотрудников, каковы Некрасов, Плещеев и Островский, и долго состязания не выдержит; тогда «Театральный Листок» будет устанавливать законы для Московской и Петербургской сцен. Петербургский «Театральный журнал» по отзывам знатоков также плох.

Сообщая эти сведения относительно лиц и направления листка, я считаю долгом объяснить о характеристике г. Мамонтова, как лично мне известного в политической его неблагонадежности. Он, сын почетного гражданина и бывшего откупщика, воспитывался в Московском университете, откуда хотя и вышел действительным студентом, но этому много способствовали средства и связи отца его, нежели действительные успехи.

Мамонтов по окончании курса в 1860 году отправился за границу, пробыл там два года, посетил Лондон, Париж, Берлин, Вену, Швейцарию и Италию. На границе Австрии и Италии был подвергнут обыску и у него найдены портреты Гарибальди, Мадзини, Огарева и Герцена, а также памфлет на Русское правительство.

Возвратясь в Россию, Мамонтов занялся издательской деятельностью, сблизился со Спиридовым (подч. красн. карандаш.), учителями Марксом, Худяковым (известными по 4 апреля). Спиридов (подч. красн. карандаш.) дал под вексель две тысячи рублей серебром, потом завел типографию, на которую перебрал у отца до 150 тыс. руб., но, в сущности, столько не истратил.

При типографии устроил отделение наборщиц, называвших себя обществом коммунисток. В 1866 году Мамонтов был подвергнут обыску по близкому его знакомству с отставным поручиком Спиридовым (подч. красн. карандаш.), который оказался одним из главных деятелей революционного общества, уехал за границу и, несмотря на вызовы, в Россию не возвращается. Мамонтов, по всем упоминаемым обстоятельствам, отдан под секретный надзор полиции.

Мамонтов образован плохо и не имеет природного хорошего ума, с театральным же искусством едва ли знаком, поэтому положительно не может быть благонадежным редактором «Театрального Листка».

У Анатолия Мамонтова в типографии находится фактором бывший С.-Петербургский студент, новгородский мещанин Иван Савелов Матросов, (который) был привлечен в Комиссию по студенческим беспорядкам СПб. университета, а также по ассоциации; он участвовал в народных школах, где был преподавателем, впоследствии поступил в типографию Мамонтова; последний под руководством Матросова делал переводы с английского из Вальтер-Скотта; переводами этими занимались также нигилистки, и напечатанные книги продавались даже с целью их распространения.

Далее опускаем подробное изложение о возникшем «неудовольствии» между Мамонтовым и Матросовым, о намерении последнего завести читальню и соединить с нею Черепинскую библиотеку путем женитьбы на падчерице Черепина Людм. Зубчаниновой, о намерении ехать в Пензу к Черепину, «чтобы убедиться, насколько он упал в нравственном отношении», и о секретной поездке Черепина в Москву.)

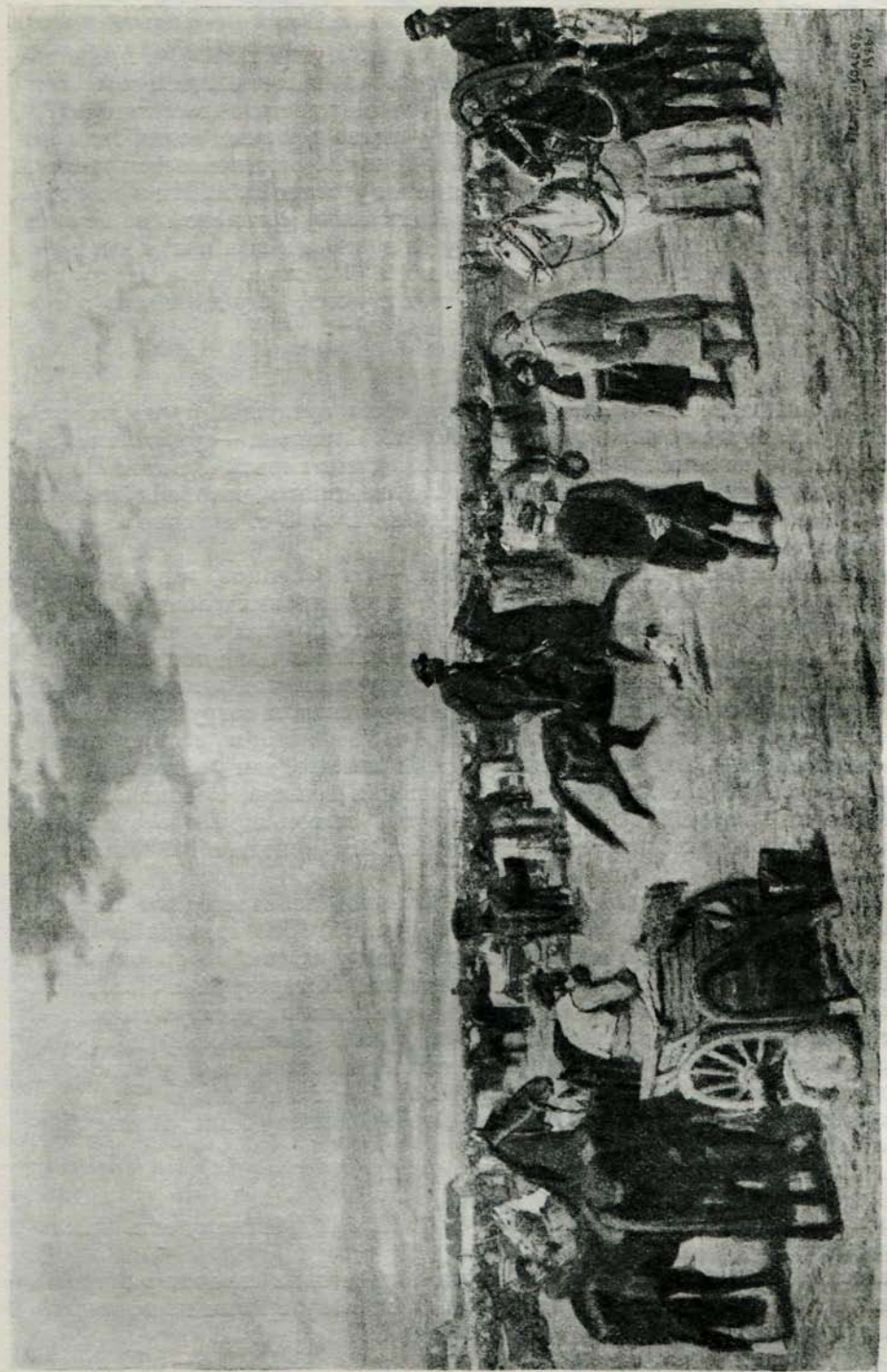
Сообщая тщательно собранные сведения об Анатолии Мамонтове, насколько он может быть благонадежным редактором, счел необходимым коснуться и некоторых лиц, в том числе и об Матросове, как о человеке, тоже обращающем на себя внимание, а посему я, со своей стороны, полагал бы невозможным всем поименованным лицам разрешить какое-либо издание.

О чем имею честь довести до сведения 3-й Экспедиции III Отд. с. е. и. в. к.

Полковник Воейков 3-й

⟨Сбоку на полях рукой Н. Мезенцова:⟩ «Так и уведомить»¹³¹.

18 марта 1868 г. Главное управление по делам печати запросило III Отделение: «Не встречается ли препятствий к удовлетворению просьбы содержательницы типографии рижской гражданки Луизы Вольф издавать

КОННАЯ ЯРМАРКА

Акварель П. П. Соколова, 1886

Третьяковская галерея, Москва

ей в С.-Петербурге газету под названием «Гласность», без предварительной цензуры, под редакцией лейтенанта Василия Афиногеновича Куницкого».

III Отделение, как обычно, навело справки. Луиза Вольф, в представленной Мезенцову записке, была охарактеризована как «женщина совершенно не опасная»; о Куницком сказано, что, «не имея достаточного литературного понятия, <он> постоянно принимает участие в разных изданиях из-за одного тщеславия и тратит на это большие деньги». Заканчивается записка так: «Говорят, что в газете «Гласность» примет участие Н. А. Некрасов».

11 июля <1> 1868 г. Мезенцов ответил Похвисневу согласием, но в конце письма добавил, подчеркнув: «К сему не излишним считаю присовокупить для сведения В. пр., что в газете «Гласность», как ходят слухи, будет принимать участие Н. А. Некрасов»¹³².

4

В воспоминаниях М. Слепцовой «Штурманы грядущей бури» имеется указание на неудавшуюся попытку А. А. Слепцова — участника революционного движения 60-х годов, бывшего члена первой «Земли и Воли», автора ряда прокламаций, сотрудника «Современника», человека близкого в свое время Чернышевскому — предпринять в 1868 г. издание журнала с участием Некрасова.

«В том же 1868 г., — пишет М. Слепцова, — он <Слепцов> задумал научно-популярный журнал для юношества и для широких слоев мало подготовленного читателя. Охотно отзывались на его пылкий призыв Щедрин, Некрасов, Успенский, Тургенев, Достоевский... весь цвет тогдашней литературы. Получив разрешение на выпуск журнала под заглавием «Природа и люди», Слепцов представил в цензуру список сотрудников. Цензура возопила: Обман! Обман! Разве такие авторы станут писать для юношества? — И журнал был запрещен раньше, чем увидел свет»¹³³.

Неудачей закончилась и вторая аналогичная попытка Слепцова, почти одновременная первой. Об этой попытке мы узнаем из запроса начальника Главного управления по делам печати Похвиснева в III Отделение от 19 октября 1868 г.

Из названного документа видно, что Слепцов действительно подавал просьбу о разрешении ему «с 1 января будущего, 1869 г. издавать, под его редакторством, без предварительной цензуры, библиографический, критический и научный журнал под названием «Литературная Летопись». Справка о Слепцове и ответс ответа III Отделения отсутствуют в «деле». Но на полях запроса Похвиснева чей-то рукой (Мезенцова?) помечено: «Отказать со ссылкой на предыдущую деятельность и на участие сотрудников закрытого «Современника»¹³⁴.

В издании «Литературной Летописи» А. А. Слепцову было, таким образом, отказано.

5

Среди неизданных писем Некрасова к В. М. Лазаревскому есть небольшая записка:

«Уведомьте, отче, друже и брате, можете ли сегодня вечером в 8 придти ко мне на полчаса, — нужно Елисееву и Салтыкову с Вами посоветоваться, и мне отчасти».

<Сбоку записки рукой Лазаревского помечено:> «15.IX.69 — об издании Елисеевым и Салтыковым газеты «Стрела»¹³⁵.

Этот проект, — непосредственная причастность к которому Некрасова несомненна, хотя сам он и не назвал своего имени в числе инициаторов, — редакция «Отечественных Записок» попыталась осуществить.

Лазаревский, видимо, отсоветовал Салтыкову и Елисееву, не говоря уже о Некрасове, хлопотать от своего имени, ввиду явной безнадежности получить в этом случае разрешение властей. Ходатайство об издании «Стрелы» было подано поэтому от имени М. А. Маркович (Марко-Вовчок), не впервые, как мы знаем, использованной редакцией «Отечественных Записок» в качестве подставного лица. Ее прошение поступило в Главное управление по делам печати 28 октября 1869 г. и в тот же день разбиралось. Приводим запись этого обсуждения из журнала заседания Совета:

«Пршение госпожи Маркович (псевдоним — Марко-Вовчок) о разрешении ей издания газеты «Стрела» по программе, при сем прилагаемой.

Член Совета Фукс находит неудобным разрешить г-же Маркович предположенное ею издание под ее же редакторством. Администрацией печати принято было за правило уклоняться от утверждения лиц женского пола в звании ответственных редакторов журналов вообще и политических — в особенности; исключения касались лишь модных и детских журналов. Такое правило признавалось соответственным в виду возможных осложнений по отношениям редакторов к администрации и суду. В настоящем случае не представляется оснований отступать от означенного правила; авторские достоинства Марко-Вовчка вовсе не устраняют предусматриваемых неудобств. Впрочем, член Совета не видит препятствий к разрешению г-же Маркович просимого ею издания, но под ответственным редакторством другого лица. С этим мнением согласился член Совета Вокар.

Член Совета Варадинов выразил мнение, что г-же Маркович, как женщине, не может быть предоставлено права ни издательства, ни ответственного редакторства политической газеты.

Член Совета Толстой находит вышеизложенные доводы недостаточными для отказа в ходатайстве г-жи Маркович. Известность ее (Марко-Вовчка) в литературе и честное направление служат верными гарантиями в благонадежности издания. Между нашими редакторами так мало литераторов, что появление таких редакторов, как Марко-Вовчок, весьма желательно, и отказывать ей не имеется достаточного основания. С этим мнением согласились члены Совета Каменский, Веселаго и Стремоухов.

Члены Совета Еленев и Лазаревский, находя, что г-жа Маркович представляет не менее гарантий благонадежности, чем многие из лиц, утвержденных уже в звании редактора, полагают возможным разрешить г-же Маркович предположенное ею издание, с исключением из его программы юридического отдела.

По мнению председательствующего <Похвиснева> утверждение женщин редакторами действительно может повлечь за собой нежелательные осложнения, как в отношении администрации к таким редакциям, так и в случаях судебного преследования. По этим соображениям, бывшим министром внутренних дел <Валуевым> принято было за правило допускать редакторство женщин только в детских, модных и т. п. изданиях. Но, с другой стороны, имя Марко-Вовчка пользуется заслуженной известностью в нашей литературе, а потому председательствующий полагал бы возможным разрешить сие издание, но с уничтожением всего первого отдела программы, то-есть ее политического и юридического характера. С этим мнением согласился член Совета Петров.

На основании вышеизложенного большинство членов Совета (четыре члена) полагают: испрашиваемое г-жой Маркович издание разрешить по представленной программе.

Председательствующий же и прочие члены Совета остались при вышеизложенных «особых мнениях»¹³⁶.

К протокольной записи заседания Совета приложена следующая программа, написанная, видимо, рукой Маркович:

Программа газеты «Стрела» •

- 1) Вопросы и известия относительно законодательства, управления, суда, замечательных событий иностранных и общественных.
- 2) Хроника общественной жизни.
- 3) Литературные обозрения замечательных книг, журналов, газет.
- 4) Сатирические заметки, очерки, стихи.

«Стрела» будет выходить раз в неделю, в объеме не менее одного листа. Цена без пересылки и доставки 4 руб. 50 к.¹³⁷.

Министр Тимашев, разумеется, не разрешил издания «Стрелы». На журнале заседания Совета он наложил резолюцию: «Вижу много неудобств в разрешении редакторства женщины, а потому признаю нужным просьбу отклонить. 12 ноября 1869 г.»¹³⁸.

Опубликованные документы, помимо основного факта, ими установленного, любопытны как пример того «маскарада», к которому прибегали иногда и редакция «Отечественных Записок», и власти в их отношениях взаимной борьбы. В приведенном эпизоде в «маски» обряжены и люди, и документы. Прощение подавала Маркович, но на самом деле за ее спиной стояли Некрасов и Щедрин. Представленная программа газеты поражает своей скромностью, в действительности же ее убогость прикрывала проект создания газетного филиала «Отечественных Записок». Сановные цензоры на заседании Совета были превосходно осведомлены (во всяком случае, Лазаревский и Толстой) о том, чье и какое дело они обсуждают; но, удерживая «смех авгуров», они говорили и спорили только о редакторских достоинствах Маркович и представленном ею куцом проекте. Министр Тимашев, запрещая газету, мотивировал отказ «неудобством» предоставления редакторства женщине; на самом деле он пресекал выход на газетную арену «партии» Некрасова и Щедрина, так как, несомненно, был информирован III Отделением об их замысле.

6

В январе 1870 г. С. В. Звонарев, бывший служащий конторы «Современника» и доверенный человек Некрасова в его денежных делах, ставший в 70-е годы книгопродавцем, подал прошение в Главное управление по делам печати о разрешении ему издавать иллюстрированный журнал «Иностранное Обозрение» под редакцией М. А. Маркович (Марко-Вовчок). На этот раз редакторство было отклонено сразу же. В постановлении Совета говорилось:

«Совет, не находя удобным разрешение издания г. Звонареву, издательская деятельность которого не может быть названа благонадежною, и, согласно недавней резолюции г. министра <Тимашева> о неудобстве допущения к редакторству женщин, полагает: означенное ходатайство отклонить»¹³⁹.

Приложенная программа «Иностранного Обозрения» показывает, что журнал ставил перед собой задачу подробно освещать жизнь западных стран не только в публицистических статьях, но и в сатире. Вряд ли можно сомневаться, что и это издание было задумано Некрасовым и Щедриным, а Звонарев и Маркович выступали их подставными лицами.

7

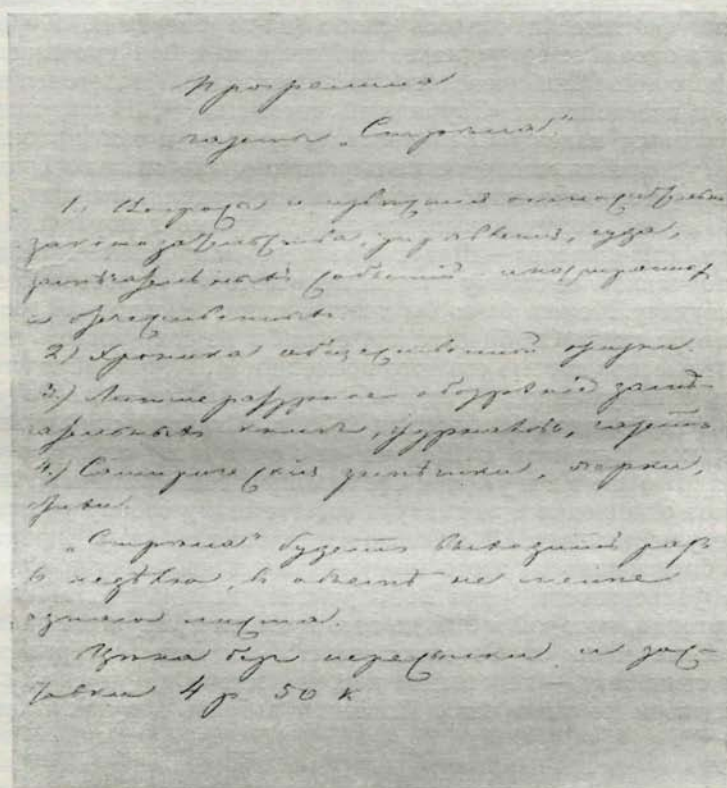
Из письма Г. З. Елисеева к М. А. Маркович, датированного 30 июля 1870 г., видно, что летом этого года Салтыков-Щедрин вновь вел предварительные переговоры о возможности издания газеты. На этот раз он

советовался с Ф. М. Толстым, и, очевидно, тот указал ему на отсутствие шансов на успех.

«Что касается газеты предполагаемой,— писал Елисеев в этом письме, то, после слов Толстого Салтыкову, не знаю что и делать. Надобно о сем глубоко подумать»¹⁴⁰.

8

Существенный интерес представляют сообщения и свидетельства А. М. Скабичевского о настойчивости, с какой Некрасов и редакция «Отечественных Записок» пытались добиться овладения газетной трибуной.

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ «СТРЕЛА»

Программа была приложена к ходатайству об издании газеты, подававшемуся Некрасовым от имени Марно-Вовчок в Главное управление по делам печати 28 октября 1869 г.

Исторический архив, Ленинград

В своих «Литературных воспоминаниях» Скабичевский рассказывает: «Редакция «Отечественных Записок» давно уже мечтала завести при журнале свою газету. Но при трудности разрешения новых изданий в те тяжелые времена мечты эти оставались мечтами. Елисеев подбил меня подать просьбу в Главное управление о разрешении мне издавать новую газету... Мы нарочно придумали самое благонамеренное название — «Русак». Но, увы, ничего не вышло...

Вслед за тем у Елисеева возникло намерение взять в аренду «Петербургский Листок», с которым происходил какой-то кризис, но и это не удалось, и слава богу: вряд ли могло выйти что-либо путное из внезапного превращения уличного листка в радикальную газету».

Дальше Скабичевский сообщает о том, как по прямому предложению Некрасова и Щедрина ряд видных постоянных сотрудников «Отечественных Записок», а именно: братья Н. и В. Курочкины, Плещеев, Демерт и, наконец, сам Скабичевский — были «посланы» осенью 1874 г. в либеральную газету «Биржевые Ведомости» В. А. Полетики, чтобы там «проводить взгляды „Отечественных Записок“». При этом обязательным условием, поставленным Некрасовым и Щедриным, была анонимность или псевдонимность участия в газете названных писателей, продолжавших «сохранять в «Отечественных Записках» те же позиции, какие имели до того времени».

Негласное участие группы сотрудников «Отечественных Записок» в газете Полетики фактически свелось скоро (из-за смерти В. Курочкина и Н. Демерта и отхода от сотрудничества Плещеева и Н. Курочкина) к работе в ней одного лишь Скабичевского, писавшего здесь фельетоны, вплоть до 1879 г., под псевдонимом «Заурядный читатель»¹⁴¹. Возлагавшихся на него Некрасовым надежд Скабичевский, как он и сам признается, не оправдал и, употребляя щедринское выражение, «не столько сражался» с либерально-плутократическим органом и «проводил взгляды», «сколько был сражаем» им, получая высокие литературные гонорары.

В целом, план Некрасова — Щедрина овладеть направлением либеральной газеты и подчинить ее своему воздействию методом «завоевания изнутри» потерпел неудачу. Можно было бы даже усомниться в полной достоверности позднего рассказа Скабичевского, если бы не сохранилось подтверждающее этот рассказ письмо его того времени к Н. К. Михайловскому, недавно лишь обнаруженное. В этом обширном письме — своего рода «исповеди» — датированном 10 февраля 1878 г., Скабичевский прямо говорит о том, как Некрасов и Щедрин «п о с л а л и» его «д е р ж а т ь в р у к а х П о л е т и к у», и с откровенной самокритичностью характеризует свое отношение к замыслу и собственному своему участию в попытке его осуществления: «Я с самого вступления своего в Биржевку был убежден в безуспешности этого предприятия и пошел туда единственно в качестве фельетониста, ради 2400 рублей, избавивших меня от проклятой педагоги, которой я был до того времени принужден заниматься, получая весьма мало от От(ечественных) Записок, сообразно увеличившемуся семейству, — педагоги, которая мне и не удавалась и была противна хуже я не знаю чего. Полетику забрать в руки, конечно, не удалось...»¹⁴².

9

В феврале 1876 г. А. С. Суворин купил с помощью В. И. Лихачева, близкого знакомого Некрасова и Щедрина, газету «Новое Время». Переговоры о приобретении газеты, а вместе с нею и принадлежавшего ей в Петербурге книжного магазина происходили в конце 1875 г. — начале 1876 г. и породили оптимистические надежды среди демократической интеллигенции. Суворин еще «ходил тогда в либералах» и даже сохранял репутацию демократа и «красного» (из-за своего ареста в 1866 г. за книгу «Всякие», уничтоженную цензурой).

Известно, что Суворин, приобретя «Новое Время», сразу же обратился с предложением сотрудничества в нем к Некрасову и Щедрину, что оба приняли предложение, но что оно ограничилось напечатанием в газете, в том же 1876 г. (№№ 112—114), лишь одного щедринского очерка «Тяжелый год», ранее запрещенного цензурой в «Отечественных Записках». Отмеченный Лениным поворот Суворина «к национализму, к шовинизму, к беспардонному лакейству перед властью имущими»¹⁴³ оборвал уже в том же 1876 г. всякие связи с ним Некрасова и Щедрина.

Вот все, что до сих пор было известно о деловых взаимоотношениях, связывающих обоих руководителей «Отечественных Записок» с Сувориным в начале 1876 г. Обнаруженные нами во 2-м секретном архиве III Отделения два агентурных донесения сообщают новые сведения о намерениях и планах Некрасова и Щедрина.

<А>

2 января 1876 г. № 3

Получено сведение, что фельетонист «Биржевых Ведомостей» А. Суворин (Незнакомец), известный своим резким направлением и влиянием на молодежь, намеревается открыть в Петербурге книжный магазин. В компанию с ним предполагают вступить известные писатели Н. Некрасов и М. Салтыков (Щедрин), в руках которых находится журнал «Отечественные Записки» и которые сами по себе всегда были представителями отрицательного направления. Магазин этот предполагает привлечь к себе в качестве покупателей всю интеллигентную молодежь провинции и столиц, чего, несомненно, он и достигнет, благодаря популярности названных лиц и в особенности тому, что в нем образуется склад изданий известного пошиба. Весьма вероятно, что магазин будет содействовать распространению таких книг, которые будут соответствовать лишь его тенденциозным целям ¹⁴⁴

<Б>

9 февраля 1876 г. № 90

Получено сведение, что известный писатель-фельетонист А. Суворин (Незнакомец) составил компанию для приобретения от г. Трубникова газеты «Новое Время». В составе этой компании называют известного либерала — товарища председателя Окружного суда Лихачева и литератора Н. Некрасова.

Предполагается, что «Новое Время» сделается самым веским либеральным органом, в духе прежних «С.-Петербургских Ведомостей», около которого сгруппируется целая партия и который, заведя обширные связи с провинцией, будет иметь огромное влияние на молодежь и на все русское общество.

Когда подобное положение занимали «С.-Петербургские Ведомости» г. Корша, где Суворин занимал главную роль, то из провинции нарочно приезжали земские деятели для знакомства с редакцией.

При этом присовокупляется, что в последнее время Суворин принял раздражительный тон и деятельность его для общества, несомненно, поведет к возбуждению раздражения в молодежи.

Говорят, что Суворин уже подал прошение в Главное управление по делам печати.

<Сверху карандашом:> «Иметь в виду, когда поступит запрос Главного управления по делам печати. 9/II» ¹⁴⁵.

Мы исчерпали имевшиеся в нашем распоряжении факты, относящиеся к истории борьбы Некрасова за создание при редакции «Отечественных Записок» своей газетной трибуны. Задачу эту поэту не удалось разрешить. На этом участке борьбы победа осталась за властями и их тактикой «тесных пределов» для демократически-оппозиционной литературы. Неоднократные попытки Некрасова расширить область распространения идей своего «направления» за пределы, доступные журналу, путем негласного проникновения в газету, также неизменно терпели неудачу. Упорству, настойчивости, изобретательности и конспирации, проявленным на этом пути Некрасовым, противостояли такие заградительные цензурно-политические

щиты и рогатки, которые оказались непреодолимыми. Но наступательная активность Некрасова в борьбе с тактикой «тесных пределов», его практические усилия придать подлинно массовый характер пропаганде передовых, освободительных идей русской демократии представляют одну из существенных сторон его журнально-издательской деятельности и заслуживают специального внимания.

ХІ. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Отечественные Записки» и творчество самого Некрасова представляли активную силу, действовавшую против самодержавия. Полицейско-охранительные учреждения царизма отдавали себе в этом ясный отчет.

В 1883 г. директор департамента полиции В. К. Плеве представил царю специальную «Записку о направлении периодической прессы в связи с общественным движением в России». «Записка» представляет собой краткий очерк сведений о развитии «неблагонамеренной печати» за период 1848—1883 гг., извлеченных из некоторых «дел» III Отделения и департамента полиции. Задача «Записки», как она сформулирована в тексте — «удостоверить связь известного литературного направления с ростом крामолы, черпающей нравственную силу в сочувствии к ее злодеяниям, которое читается между строк, а иногда и в самом тексте произведений этого направления».

Свой обзор жандармские историографы начинают с «Отечественных Записок» и «Современника» 1848 г. (в первом журнале конкретно имеется в виду «Запутанное дело» Салтыкова), которые именуются «первыми пионерами назревающего <...> отрицательного отношения к историческому призванию нашего нынешнего государственного строя и к основам существующего общественного быта». Обзор завершается перечнем изданий 1883 г. «с противоправительственной программой», руководимых людьми, «вся литературная деятельность которых составляет непрерывный протест против существующего порядка вещей». Этот перечень открывают «Отечественные Записки», «редактируемые Салтыковым (Щедриным) при деятельном участии Григория Елисеева и Михайловского, в сотрудничестве с несколькими сыльными и поднадзорными».

Оба некрасовских журнала, называемые в другом месте «источниками умственной и нравственной смуты», поставлены, таким образом, главными вехами развития «социально-революционного течения в периодической печати за последние 25 лет». Более того, все основные выводы и характеристики «Записки» опираются в значительной мере на восприятие и оценку деятельности «Современника» и «Отечественных Записок».

Не имея возможности привести здесь обширный текст документа полностью, ограничимся несколькими отрывками, непосредственно относящимися к «Отечественным Запискам» Некрасова:

«Одну из главных причин общественных бедствий, удручающих наше отечество, следует искать в области особого мира идей и понятий, в котором замечается присутствие и даже господство воззрений позитивизма и материализма, охвативших довольно заметный круг лиц образованного класса. В этих воззрениях чутется сила фанатизма и убеждений в высшей степени превратных, движущих нередко на преступную деятельность и посягающих на бытие существующего законного порядка <...>».

Печать наша в лице ее представителей либерального толка упорно стоит на мысли, что все отрицательные стороны современной русской жизни могут быть искоренены помощью государственного переустройства, и частью пассивно и злорадно присутствует в созерцании противоправительственного движения с надеждой, что власть скоро сознается в своей бессилии и начнет переустраивать Россию по шаблону их мечтаний и желаний, частью

же становится в ряды борцов этого движения. Под влиянием этого последнего течения создались литературные произведения тенденциозного направления с наклонностью в воззрениях на государственный строй — к республике, в общественно-экономических — к коммунизму, в религиозных вопросах — к атеизму. Произведения этого рода стали евангелием известной

КНИЖНАЯ ЛАВОЧКА

Картина маслом В. М. Васнецова, 1876 г.

Третьяковская галерея, Москва

части современного общества и толкнули наиболее незрелые его силы, по преимуществу учащуюся молодежь, на путь отчаянной борьбы с современным строем, запятнавшую страницы нашей новейшей истории несмываемыми злодеяниями <...>. Дошло дело до того, что со стороны печати были делаются попытки извинять, смягчать, ослаблять, иногда даже оправдать, возвеличить, возвести на степенъ героизма и мученичества злодейские подвиги подпольных деятелей крамолы <...>.

Здесь нельзя пройти молчанием то губительное влияние, которое имело на молодежь сочувствие Некрасова первым проявлениям практической революционной деятельности. Этот талантливый печальник, по выражению его друзей, народного горя, стоя на краю могилы, ободрял пропагандистов стихами, которые заучивались и повторялись с упоением подрастающим поколением:

...Двиньтесь вперед!
Сейте разумное, доброе, вечное!
Сейте! Спасибо вам скажет сердечное
Русский народ...

Тот же Некрасов со злобной насмешкой встретил меры правительственного преследования, которое постигло пропагандистов, и призывал новые силы на смену выбывающим. Глубокое впечатление производят следующие места его стихотворений:

В телеге той
Сидит с осанкою победной
Жандарм с усищами в аршин,
И рядом с ним какой-то бледный
Лет в девятнадцать господин.
Какое ж адское коварство
Он помышлял осуществить,
Разрушить думал государство
Или инспектора побить?..

Или:

В тряской телеге два путника пыльные
Скачут... едва разглядел:
Подле лица молодого прекрасного
С саблей усач...
Брат, удаленный с поста опасного,
Есть ли там смена? Прощай!

А также:

Есть времена, есть целые века,
В которые нет ничего желанней,
Прекраснее тернового венка...

⟨...⟩ Все изложенное приводит к заключению, что в данный исторический момент правительство находится в борьбе не только с кучкой извергов, которые могут быть переловлены при успешных действиях полиции, но с врагом великой крепости и силы, с врагом, не имеющим плоти и крови, т. е. с миром известного рода идей и понятий, с которыми борьба должна иметь особый характер. Устранить влияние известной литературной клики на журнальное дело, т. е. расстроить внешнюю форму, в которую этой враждебной силе удалось организовать, значит сделать только шаг к ослаблению ее разрушительного влияния. Сломить же ее окончательно возможно, только противопоставив ей другую подобную же духовную силу — силу религиозно-нравственного перевоспитания нашей интеллигенции, а такой результат может быть достигнут только годами усилий и притом под условием введения строгой общественной дисциплины, по крайней мере в тех областях народной жизни, которые доступны контролю государства»¹⁴⁶.

Итак, департамент полиции, т. е. учреждение, ведавшее политической охраной самодержавия против всяких проявлений революционного и общественного движения, видел в передовой демократической литературе, возглавлявшейся журналами Некрасова, «врага великой крепости и силы», с которым «правительство находится в борьбе» в такой же мере, как и с подпольными профессиональными революционерами.

С такой же ясностью и определенностью и Некрасов — «непримиримый враг цепей и верный друг свободы» — видел основного врага того дела, которому служил, — в самодержавии.

Разница была, однако, в том, что в сознании Некрасова, как и других великих людей демократии нашей страны, этот враг, еще «физически» мощный и господствующий, вместе с тем в морально-идейном отношении был давно дискредитирован, разоблачен и в этом смысле уже не имел «великой крепости и силы».

ЭКЗЕМПЛЯР ИЗДАНИЯ «СТИХОТВОРЕНИЙ» НЕКРАСОВА 1861 г. С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ ПОЭТА М. Е. САЛТЫКОВУ

Вторая дарственная надпись принадлежит жене сатирика Е. А. Салтыковой и адресована М. В. Соловьеву

Центральный литературный архив, Москва

В стихотворении «Уныние» Некрасов определил отношение к себе органов политической власти самодержавия словами:

Со стороны благодетелей порядка
Я, так сказать, был вечно под судом.

И это было верно, с той лишь оговоркой, что высшей морально-идейной юрисдикции за этим судом Некрасов не признавал и апеллировал всегда к историческому суду будущего.

А в стихотворении, посвященном Салтыкову, при его отъезде в 1873 г. за границу, Некрасов, характеризуя свой общий с ним «журнальный путь», сказал, что это был

...путь, где шагу мы не ступим
Без сделок с совестью своей,
Но где мы снисхождение купим
Трудом у мыслящих людей.
Трудом и бескорыстной целью...

И это тоже было верно, с тем лишь пояснением, что «сделки с совестью» обозначают здесь вовсе не уступки в области убеждений, а определенную тактику борьбы, неизбежно связанную с известными компромиссами в области практической работы и поведения, как неизбежным злом всякой легальной оппозиционной деятельности в условиях царизма.

Некрасов был склонен в своей «личной» лирике к поэтическим формулировкам этического, самообличающего характера. Он сам отчасти повинен в том, что его трудная борьба с непоколебленным еще в своей основе «царящим злом», связанная с применением тактических компромиссов, издавна стала в литературе предметом субъективно-этических оценок и суждений. В зависимости от общего отношения к Некрасову его либо осуждали, либо оправдывали. Очевидно, однако, что это не почва для научного исследования. Своеобразие практической работы Некрасова-редактора и его методов борьбы за свои журналы может быть раскрыто и принципиально осмыслено лишь в том случае, если исследование исходит из исторической действительности.

Такое исследование, отдельные вопросы которого мы попытались осветить, показывает: 1) что осуществить свою задачу — создание в царской России легальных органов демократической мысли — без ряда практических компромиссов Некрасов не мог, но что 2) по существу, от основной своей линии он никогда не отступал и что только верность этой линии позволяла ему успешно противостоять указанной Лениным охранительно-полицейской «тактике запугивания и развращения», применявшейся самодержавным правительством в борьбе с передовой мыслью и ее выражением в печатном слове.

Преграды, которые ставились на журнально-редакторском пути Некрасову и которые он упорно и смело преодолевал; капканы и ловушки тактики «полицейского футляра», из которых он успешно выводил свои журналы, оберегая и сохраняя чистоту и идейную независимость их «направления»; доводивший до бешенства придирчивый и свирепый контроль всеильной царской цензуры, в борьбе с которой, несмотря на многие жертвы, победителем был все же Некрасов, — рисуют перед нами поистине героическую фигуру подлинно революционного народного поэта — борца за освобождение русского трудового народа и крупнейшего организатора и руководителя дела пропаганды передовых идей русской демократии, подготовлявшей это освобождение.

Некрасов глубоко верил, что люди того будущего, для которого он жил и работал, поймут и оценят его «труд» и «бескорыстные цели» высокого общественного идеала, которыми вдохновлялись не только творчество поэта, но и его деятельность на тернистом «журнальном пути».

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ, ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ В ПРИМЕЧАНИЯХ

Архивные источники

- ГПБ (Л) — Рукописное отделение Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.
ИЛИ (Л) — Архив Института литературы Академии Наук СССР в Ленинграде.
ОИА (Г) — Областной исторический архив в г. Горьком.
ЦГИА (Л) — Центральный государственный исторический архив в Ленинграде.
ЦГИА (М) — Центральный государственный исторический архив в Москве.
ЦГЛА (М) — Центральный государственный литературный архив в Москве.

Библиографические источники

- Некрасов, Письма — Н. Некрасов, Собрание сочинений, V. Письма 1840—1877. Под ред. В. Евгеньева-Максимова, М.—Л., Госиздат, 1930.
Елисеев, Воспоминания — «Шестидесятые годы». М. А. Антонович — Воспоминания, Г. З. Елисеев — Воспоминания. Вступительные статьи, комментарии и редакция В. Евгеньева-Максимова и Г. Тизенгаузена, М.—Л., «Academia», 1933.

П Р И М Е Ч А Н И Я

- В. Ленин, Сочинения, изд. 3-е, XXV, 175.
- ² Е л и с е е в, Воспоминания, 345.
- ³ Там же.
- ⁴ В. Ленин, Сочинения, изд. 3-е, IV, 125.
- ⁵ Там же, 126—127. Слова: «полицейского футляра» выделены нами.
- ⁶ Там же, 129.
- ⁷ На заседании Совета Главного управления по делам печати 15 февраля 1868 г. разбиралось прошение редактора журнала «Дело» Шульгина о разрешении напечатать две строфы стихотворения, запрещенные цензурой. В этом ему было отказано. Стихотворение, написанное по поводу бывшего в 1867 г. неурожая и вызванных им бедствий, Совет считал «весьма тенденциозным» по своему содержанию, так как автор «выставляет вообще будто бы безотрадное состояние народа Русского, которого «страдание шире и широких степей и полей».
- ⁸ ЦГИА (Л).— Фонд цензуры. Журналы заседаний Совета Главного управления по делам печати в 1868 г., л. 71 и об.
- ⁹ Там же.— Частные фонды. Архив П. А. Валуева. Дневники, № 1, т. III, Записи от 23. V. 1866, л. 28 об.
- ¹⁰ Там же.— Частные фонды. Архив П. А. Валуева. «Бумаги, касающиеся вопросов печати». Копия записки В. А. Цез, от 27. V. 1862, л. 16.
- ¹¹ Там же.— Л. 18.
- ¹² Там же.— Приписка А. В. Головинина от 30. V. 1862, л. 13,— Архив В. А. Цез хранится в ГПБ (Л).
- ¹³ Там же.— Частные фонды. Архив П. А. Валуева. Дневники, № 1, т. III. Записи 26. VIII, 1. IX и 10. XI. 1866, лл. 43, 44 об., 59.
- ¹⁴ Там же.— Частные фонды. Архив П. А. Валуева. Дневники, № 1, т. II, л. 149 об.
- ¹⁵ Там же.— Частные фонды. Архив П. А. Валуева. Краткие записи для памяти, № 19, л. 32 об.
- ¹⁶ Там же.— В «Бумагах, касающихся вопросов печати» Валуева сохранилось пространное описание немецкой официозной прессы и мер воздействия, развращения и подкулов немецкой печати, которыми пользовались власти тогдашней Германии. Это описание было переслано Валуеву из канцелярии Александра II, что, собственно, означало обратить особое внимание на немецкую систему подкулов с целью возможного практического использования этой системы.
- ¹⁷ Там же.— Дневники П. А. Валуева, т. II, л. 163.
- ¹⁸ Там же.— Докладная записка П. А. Валуева о внутреннем состоянии России, № 166, лл. 2—5.—Выделено нами — Б. П. и С. М.
- ¹⁹ В. Ленин, Сочинения, изд. 3-е, IV, 127.
- ²⁰ ЦГИА (Л).— Частные фонды. Архив П. А. Валуева. «Бумаги, касающиеся вопросов печати», № 53, л. 3.
- ²¹ Государственный исторический музей в Москве. Отдел рукописей.—«Дело С.-Петербургского обер-полицмейстера о литераторах и журналистах», № 69, 1866, лл. 7—8. В большей своей части дело это опубликовано в «Шукинском сборнике», М., 1906, V, 105—110.
- ²² Там же, л. 16.
- ²³ «Шукинский сборник», М., 1906, V, 510.
- ²⁴ ЦГИА (М).— Фонд III Отделения, 2- экр. арх., д. № 708, 1866 г.
- ²⁵ ЦГИА (Л).— Фонд канцелярии Главн. управл. по делам печати, дело № 496 А, 1866 г. Ср. «Литературный Музеум», П., 1922, I, 333—334.
- ²⁶ Некрасов, Письма, 446—447.
- ²⁷ «Ученые Записки Ленинградского пединститута им. А. И. Герцена», 1939, XXIV, 79.
- ²⁸ Там же, 80.
- ²⁹ Е л и с е е в, Воспоминания, 349.
- ³⁰ Там же, 353—355.
- ³¹ См. комментарии к письму Некрасова: «Настоящее письмо служит несомненным доказательством, что одним из главных препятствий, помешавшим вхождению Ю. Г. Жуковского в редакцию обновленных «Отечественных Записок», явились разногласия по вопросу о распределении доходов». — Некрасов, Письма, 432—433.
- ³² ИЛИ АН.— Фонд 250. № 750.— Текст письма был подготовлен к печати покойным А. Я. Максимовичем.
- ³³ ЦГИА (Л).— Фонд цензуры. Журналы заседаний Совета Главн. управл. по делам печати в 1871 г., т. II, лл. 429 об., 435. (Журнал заседания от 19 октября 1871 г.). См. также «Ученые Записки Ленинградского пединститута им. А. И. Герцена», 1939, XXIV, 83—84 (в статье Б. Папковского).
- ³⁴ См., например, об этом: А. Ш и л о в, П. Л. Лавров в агентурных донесениях секретных сотрудников III Отделения — в сб.: «Материалы для биографии П. Л. Лаврова», П., 1922.
- ³⁵ В. Евгеньев-Максимов, Последние годы «Современника», Л., 1939, 165.
- ³⁶ Некрасов, Письма, 441—442.— Выделено нами.— Б. П. и С. М.

- ³⁷ Там же.— Выделено нами.— Б. П. и С. М.
- ³⁸ «Отечественные Записки» 1869, № 4, 373.
- ³⁹ Е л и с е е в. Воспоминания, 358.
- ⁴⁰ ЦГИА (Л).— Фонд цензуры. «Дело» Главн. управл. по делам печати.
- ⁴¹ Наиболее важные пункты «договора» опубликованы В. Евгеньевым-Максимовым в «Голосе Минувшего» 1916, № 2. Полностью документ печатается во II томе настоящего издания.
- ⁴² Письма Некрасова к Краевскому от 29 ноября 1867 г.— Н е к р а с о в, Письма, 435 («...выговариваемое выше участие в охранении журнала»).
- ⁴³ Вот начальные строки 9-го пункта: «Но предоставляя Некрасову полную свободу во всем, что касается собственно редакции журнала, Краевский как собственник сохраняет за собой право просматривать в корректурных листах все статьи, пригласенные к печати, и если заметит в них что-либо, могущее вызвать преследование администрации, то имеет право печатание такой статьи приостановить, сообщив свои замечания Некрасову...»— В. Евгеньев-Максимов, Очерки по истории социалистической журналистики в России XIX века, М.—Л., 1927, 137 (примечание).
- ⁴⁴ Н. Щ е д р и н (М. Е. Салтыков). Полное собрание сочинений, М., 1937, XVIII.
- ⁴⁵ Е л и с е е в, Воспоминания, 349.
- ⁴⁶ Предположительная дата приезда Салтыкова в столицу устанавливается на основании его слов в письме Некрасову из Рязани от 27 января 1868 г.: «1-го числа я буду в Петербурге на 3 дня».— Н. Щедрин (М. Е. Салтыков), Полн. собр. соч., М., 1937, XVIII, 202. О присутствии на редакционном обеде у Некрасова в первых числах февраля 1868 г. Салтыкова и Писарева см.: А. С к а б и ч е в с к и й, Литературные воспоминания, ЗИФ, М.—Л., 1928, 209.
- ⁴⁷ В. Е в г е н ь е в - М а к с и м о в, Известный эпизод из истории некрасовского «Современника». — «Звенья», М.—Л., 1936, VI, 741—745.
- ⁴⁸ В. Л е н и н, Сочинения, изд. 3-е, IV, 127.— Выделено нами.— Б. П. и С. М.
- ⁴⁹ Н. Щ е д р и н (М. Е. Салтыков), Полное собр. соч., М. 1939.
- ⁵⁰ ОИА (Г).— Бумаги В. М. Лазаревского.
- ⁵¹ ГПБ (Л).— Письма к А. А. Крзевскому, т. Т—Ф, л. 659. Выделено нами.— Б. П. и С. М.
- ⁵² Там же, л. 660.
- ⁵³ Н. Щ е д р и н (М. Е. Салтыков), Полное собр. соч., М., 1939, XIX, 279—280.
- ⁵⁴ Н е к р а с о в, Письма, 443—444; «Некрасовский сборник. К столетию со дня рождения», под ред. проф. В. Бочкарева, Ярославль, 1922, 79; В. Е в г е н ь е в - М а к с и м о в, Очерки по истории социалистической журналистики, М.—Л., 1927, 155.
- ⁵⁵ В неизданной части Валуевского дневника имеется такая запись под 20 апреля 1868 г.: «От Тимашева ожидают строгих мер. Он односторонен, горди груб, Некрасову не советовал подавать гос<уда>рю».— ЦГИА (Л).— Частные фонды. Архив П. А. Валуева. Дневники, № 1, т. I, л. 151.
- ⁵⁶ Н е к р а с о в, Письма, 443.
- ⁵⁷ ЦГЛА (М).— Альбом: Письма Н. А. Некрасова к В. М. Лазаревскому.
- ⁵⁸ ЦГИА (Л).— Фонд цензуры. «Дело» Главн. управл. по делам печати по изданию газеты «Голос», 1865, № 15, т. II, л. 112. Письмо это оказалось ошибочно подшитым к «делу» газеты «Голос».
- ⁵⁹ Освещение этого эпизода см. в сообщении: Т. Г р и ц, Письма Жана Ришпена к М. А. Загуляеву.— «Лит. Наследство», т. 31—32, стр. 935.
- ⁶⁰ ЦГИА (Л).— Фонд цензуры. Журнал заседаний Главн. управл. по делам печати в 1870 г., лл. 426—428 и об.
- ⁶¹ Там же, лл. 425—426.— Выделено нами.— Б. П. и С. М.
- ⁶² Там же, лл. 427 об., 428.
- ⁶³ Там же.— «Дело» Главн. управл. по делам печати по изданию газеты «Голос», 1865, № 15, т. II, л. 185.
- ⁶⁴ Там же, л. 186.
- ⁶⁵ ЦГЛА (М).— Альбом: Письма Н. А. Некрасова к В. М. Лазаревскому.
- ⁶⁶ Н е к р а с о в, Письма, 484—485.
- ⁶⁷ ЦГИА (Л).— Фонд цензуры. «Дело» Главн. управл. по делам печати по изданию газеты «Голос», 1865, № 15, т. II, л. 189.
- ⁶⁸ Там же, л. 190.
- ⁶⁹ ГПБ (Л).— Бумаги Бильбасова, Г—72—12, л. 1 и об.
- ⁷⁰ ЦГИА (Л).— Частные фонды. Архив П. А. Валуева. Дневники, № 1, т. I, л. 151.
- ⁷¹ Е. Ф е о к т и с т о в, За кулисами политики и литературы, Л. 1929, 109.
- ⁷² ЦГИА (Л).— Частные фонды. Архив П. А. Валуева. Дневники, т. III, л. 148 об. Запись 19. III. 1868.
- ⁷³ Там же, лл. 157 об.— 158.
- ⁷⁴ «Правительственный Вестник» 1869, 1 ноября.
- ⁷⁵ «Литературное Наследство», М., 1935, № 22—24, 741 (примечания).
- В. Л е н и н, Сочинения, изд. 3-е, IV, 127.

- ⁷⁷ ЦГИА (Л).— Фонд цензуры. Журнал заседаний Совета Главн. управл. по делам печати в 1871 г., т. II, лл. 442—443.
- ⁷⁸ Там же, т. II, л. 441 об.
- ⁷⁹ Там же, т. II, л. 448.
- ⁸⁰ Там же, т. II, л. 454.
- ⁸¹ ОИА (Г).— Бумаги В. М. Лазаревского.
- ⁸² ЦГИА (Л).— Фонд цензуры. Журнал заседаний Совета Главн. управл. по делам печати в 1871 г., т. II, л. 415.— Подчеркнуто в тексте.
- ⁸³ Там же, т. I, л. 159.
- ⁸⁴ Там же, л. 164.
- ⁸⁵ Там же, л. 157.
- ⁸⁶ Там же.— Журнал заседаний Совета Главн. управл. по делам печати в 1877 г., лл. 242 и об., 246 и об., 247, 249 и об.
- ⁸⁷ Там же, л. 242.
- ⁸⁸ Е. Феоктистов, За кулисами политики и литературы, Л., 1929, 241.
- ⁸⁹ Там же, л. 241, 242.
- ⁹⁰ Н. Щедрип (М. Е. Салтыков), Полное собр. соч., М.—Л., 1938, XIX, 85.
- ⁹¹ «Шестидесятые годы». Воспоминания М. А. Антоновича и Г. З. Елисеева, «Аса-demia», 1933, 191.
- ⁹² В. Евгеньев-Максимов, Последние годы «Современника», Л., 1939, 164—165.
- ⁹³ Некрасов, Письма, 439.
- ⁹⁴ ГПБ (Л).— Письма к А. А. Краевскому, т. Т—Ф, л. 101.
- ⁹⁵ Там же, л. 111—112.
- ⁹⁶ Там же, л. 118.
- ⁹⁷ Там же, л. 143б—143г.
- ⁹⁸ В. Евгеньев-Максимов, В тисках реакции, Л., 1926, 36.
- ⁹⁹ ЦГИА (Л).— Фонд цензуры. Журнал заседаний Совета Главн. управл. по делам печати в 1869 г., л. 361.
- ¹⁰⁰ Там же, л. 612.
- ¹⁰¹ Там же.— Журнал заседаний Совета Главн. управл. по делам печати в 1869 г., л. 289.
- ¹⁰² Статья Г. З. Елисеева «О направлении в литературе» в № 10 «Отечественных Записок» за 1869 г. подверглась существенной переработке М. Е. Салтыкова.
- ¹⁰³ ЦГИА (Л).— Фонд цензуры. Журнал заседаний Совета Главн. управл. по делам печати в 1869 г., лл. 289, 291.
- ¹⁰⁴ Донесение цензора Лебедева с небольшими сокращениями опубликовано В. Евгеньевым-Максимовым в «Русском Богатстве» 1918, № 1—6.
- ¹⁰⁵ ЦГИА (Л).— Фонд цензуры. Журнал заседаний Совета Главн. управл. по делам печати в 1869 г., л. 363 и об.
- ¹⁰⁶ Там же, лл. 361, 363 об.
- ¹⁰⁷ Там же, —«Дело» Совета Главн. управл. по делам печати по отзывам члена Совета Ф. М. Толстого, 1869, № 76.
- ¹⁰⁸ ГПБ (Л).— Письма А. А. Краевского, т. Т—Ф, л. 143 в.
- ¹⁰⁹ ГПБ (Л).— Письма к А. А. Краевскому, т. Т—Ф, л. 123 и об.
- ¹¹⁰ Там же, л. 117 и об.
- ¹¹¹ Там же, л. 125 и об.
- ¹¹² Там же, л. 126—127.
- ¹¹³ Там же, л. 143б—143г.
- ¹¹⁴ Н. Добролюбов, Сочинения, изд. 7-е (Сойкина), СПб., б. г., III, 181.
- ¹¹⁵ См., например, Некрасов, Письма, 468 (примечания).
- ¹¹⁶ Письмо от 6 сентября 1873 г.— Как это, так и другие письма Некрасова к В. М. Лазаревскому, цитируемые в настоящей главе, не изданы. Они хранятся (в числе 199 писем и записок, переплетенных в альбом) в ЦГЛА в Москве (переданы из фондов Гос. литерат. музея). Часть этих писем публикуется во II томе настоящего издания.
- ¹¹⁷ Архив В. М. Лазаревского был обнаружен в 1941 г. научными сотрудниками Горьковского областного исторического архива А. А. Еястифеевым, Е. А. Шопен и Л. А. Семеновым. Весною 1941 г. один из авторов настоящей работы, С. А. Макашин, ездил в Горький для изучения материалов архива, еще не приведенного тогда в порядок и представлявшего хаотическую груду различных бумаг. Среди них находились два подлинных письма Некрасова к Лазаревскому. Отобранные документы и тексты были в большинстве своем подготовлены к печати названными выше сотрудниками Горьковского обл. архива и присланы затем в редакцию. «Записки» Лазаревского используются в настоящем томе лишь частично.
- ¹¹⁸ Датируется по связи с ниже публикуемым ответным письмом Лазаревского от 5 мая 1871 г. и в соответствии с упоминаемой Некрасовым с у б б о т о й. Ближайшая из предшествующих ответному письму Лазаревского суббота приходилась в 1871 г. на 1 мая.
- ¹¹⁹ «Голос Минувшего» 1916, № 7—8, 121, 129.

¹²⁰ Книга М. А. Корфа «Восшествие на престол императора Николая I» содержала официальное изложение событий 14 декабря 1825 г.

¹²¹ ЦГЛА (М).— Альбом: Письма Некрасова к В. М. Лазаревскому.

¹²² Стихотворение Жемчужникова «В Европе», статья Михайловского «Дарвинизм и оперетки Оффенбаха», очерк Щедрина «Самодовольная современность», статья Демерта «Наша общественная жизнь», очерк Никитина «Многострадальные».

¹²³ ЦГИА (Л).— Фонд пензуры. Журнал заседаний Совета Главн. управл. по делам печати в 1871 г., т. II, лл. 417—419.

¹²⁴ Там же, лл. 437—438.

¹²⁵ Там же, л. 343 и об.

¹²⁶ Там же, л. 448 об.

¹²⁷ Там же, лл. 448 об.— 450 об.

¹²⁸ Там же, лл. 453 об., 454.

¹²⁹ Текст этого предостережения опубликован в кн.: В. Евгеньев-Максимов, Очерки по истории социалистической журналистики в России XIX века, Гиз, Л., 1927, 165.

¹³⁰ ЦГИА.— Фонд III Отделения, 1 эксп. 1865, д. № 15, ч. 22. Ср.: А. И. Герцен, Полное собрание сочинений под ред. М. Лемке, XXI, 96.

¹³¹ Там же.— Фонд III Отделения. 3 эксп., 1868, д. № 13 «По просьбам лиц о дозволении им издавать журналы и газеты», лл. 3—17.

¹³² Там же.— Фонд III Отделения, 3 эксп., 1868, д. № 13 «По просьбам лиц о дозволении им издавать журналы и газеты», лл. 55—57.

¹³³ Там же.— Фонд III Отделения, 3 эксп., 1868, д. № 13 «По просьбам лиц о дозволении им издавать журналы и газеты», лл. 16—17.

¹³⁴ «Звенья», М.— Л., 1933, II, 401.

¹³⁵ ЦГЛА (М).— Альбом: Письма Н. А. Некрасова к В. М. Лазаревскому.

¹³⁶ ЦГИА (Л).— Фонд пензуры. Журнал заседаний Совета Главн. управл. по делам печати в 1869 г., лл. 294 и 298.

¹³⁷ Там же, л. 293.

¹³⁸ Там же, л. 289.

¹³⁹ Там же.— Журнал заседаний Совета Главн. управл. по делам печати в 1870 г., л. 28.

¹⁴⁰ «Правда», № 128, 1939 г. «Щедрин. Из неизданных материалов».

¹⁴¹ А. Скабичевский, Литературные воспоминания, ЗИФ, М.— Л., 315—322.

¹⁴² ИЛИ (Л).— Фонд 181, оп. 1, № 647.

¹⁴³ В. Ленин, Сочинения, изд. 3-е, XXX, 192.

¹⁴⁴ ЦГИА (Л).— Фонд II СА, без шифра, только пом. С/1. Подтверждением сведений, сообщаемых агентом, находим в неизданном письме В. О. Ковалевского к А. О. Ковалевскому от 7 февраля 1876 г. из Петербурга: «Дело с магазином в таком положении: ты верно уже читал, что Баунов сбежал, и следовательно шансы на успех хорошего магазина стали еще больше. Мы почти решили соединиться вшестером: я, Суворин, Лихачев, Некрасов, Корш и Щедрин, внесем по 5 тыс., т. е. 30 тыс. и заведем новый магазин под какой-нибудь фирмой, «Деятельность» что ли, и циркуляры подпишем всеми нашими именами. Многие книжники, как Глазунов, которые никому не дают на Комиссию, заявили, что дадут все свои книги Лихачеву. Мы с этого дела можем легко получать каждый тысячи по 2½, только в силу того, что имеем свои издания. Весь вопрос в управлении, которое я не знаю как бы организовать получше» (Архив АН СССР, Москва. Сообщено С. Я. Штрайхом).

¹⁴⁵ Там же.— Фонд II СА, № 375, 1876 г., арх. № 382.

¹⁴⁶ ЦГИА (Л).— Фонд Департамента полиции, 1-й С. А. № 1763, лл. 255—288.